

ИГОРЬ

БУНИЧ

**БАЛТИЙСКАЯ
ТРАГЕДИЯ
КАТАСТРОФА**

БАЛТИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

КАТАСТРОФА

28 АВГУСТА 1941 года, ЧЕТВЕРГ

12:18

С мостика эскадренного миноносца «Сметливый» капитан 2-го ранга Нарыков видел, как неуклюже построившись в длинную и несуразную кильватерную колонну, начал движение 1-й конвой, ведомый лоцманским судном «Ленинградсовет». Грузно покачиваясь в бортовой и килевой качке шли высокобортные транспорта, среди которых выделялась своими размерами плавмастерская «Серп и Молот». За ней шла изящная «Вирония», а далее транспорты: «Калпакс», «Алев», «Элла», «Ярвамаа», «Атис Кронвальдис». Замыкал колонну транспортов ледокол «Кришьянс Вальдемарс» с буксирами «КП-13» и «ОЛС-7». Впереди транспортов за пятью «Ижорцами» и пятью катерными тральщиками шли подводные лодки «Щ-307», «Щ-308» и «М-79». С левого борта конвоя, выбрасывая из труб потоки раскаленного воздуха, малым ходом клевали носом на встречной волне эсминцы «Суровый» и «Свирепый» — два близнеца одного проекта 7У. На «Суровом» вился выпел командира конвоя капитана 2-го ранга Богданова. Справа от транспортов шли сторожевики «Аметист» и «Касатка» со спасателем «Сатурн». Транспорта с огромным трудом держали строй, рыскали на курсе, не соблюдая дистанцию. Вслед за конвоем прыгали на волнах несколько морских охотников и сторожевых катеров.

— Не завидую Богданову, — вздохнул стоявший рядом с Нарыковым на мостике командир дивизиона

эсминцев капитан 2-го ранга Солоухин, — хлебнет он с ними горюшка.

Нарыков ничего не ответил. Настроение у него было напрочь испорчено. Еще вчера, когда с наступлением темноты он малым ходом повел «Сметливый» к месту сбора между островами, там оказалось такое количество кораблей и судов, что эсминец чуть не врезался в какой-то транспорт. Дали задний ход и столкнулись с буксиром «Полюс», получив пробоину в борту выше ватерлинии. По мнению всех, это было плохим предзнаменованием. Всю ночь приходилось менять место, выдвигаться на позицию огневой поддержки и бить из орудий главного калибра по каким-то неведомым заявкам, приходящим с «Кирова». Только с рассветом «Сметливый» стал на якорь у острова Найссаар и приготовил параваны...

Проходя мимо «Сметливого» люди на транспортах махали руками, фуражками, пилотками.

— Счастливого пути, — тусклым безрадостным голосом проговорил старший помощник командира «Сметливого» старший лейтенант Климов. Опытный минер, он мало рассчитывал на счастливый исход прорыва. И как бы в ответ на его мрачные мысли раздался крик сигнальщика: «Взрыв в голове колонны!»

Капитан 3-го ранга Нарыков выскочил на лобную часть мостика и увидел взметнувшийся вдалеке столб воды. Мина взорвалась за кормой головного тральщика, в одно мгновение поглощенного морем.

Первый конвой остановился. Обозначившийся было строй — сломался. Транспорты, густо дымя из труб, разворачивались носами то вправо, то влево, ревя гудками, как стадо потревоженных слонов.

12:25

Главстаршина Глеб Веретенников не мог скрыть радости, когда «Вирония» наконец дала ход и, оставив с левого борта «Найссаар», начала огибать остров Аэгна. Всю ночь Веретенников вместе с другими артистами

ансамбля песни и пляски Балтийского флота провел под вентиляционным раструбом у дымовой трубы бывшего лайнера. Там было, возможно, теплее, чем в другом месте верхней палубы, но не очень. Веретенников здорово продрог и радовался теплым лучам стоявшего почти в зените солнца, сверкающего на безоблачном голубом небе. Лишь где-то далеко и низко на западе клубились белые барашки облаков. А это означало неминуемое появление немецкой авиации, которая почти сутки никак не давала о себе знать.

Главстаршина, как почти все находящиеся на палубе «Виронии», время от времени с тревогой поглядывал на небо. Время шло, а немецкие бомбардировщики не появлялись. То ли у немцев был парковый день, то ли шедшие накануне дожди настолько размыли им взлетные полосы, что их никак не могли привести в порядок...

Очень хотелось есть, но никто не догадался снабдить артистов продовольствием на дорогу, а обращение к одному из офицеров «Виронии» привело к раздраженному ответу: «Не умрете до Кронштадта».

Некоторые более предусмотрительные пассажиры раскладывали снедь прямо на верхней палубе: хлеб, консервы, луковицы, сало. В некоторых местах по кругу ходили алюминиевые кружки. Веретенников старался не поворачиваться в их сторону, провожая глазами исчезающие за кормой зеленые шапки островов, над которыми поднимались черные клубы дыма.

Страшной силы взрыв, прогремевший где-то впереди «Виронии», заставил главстаршину вздрогнуть и вскочить на ноги. Корпус «Виронии» задрожал и загудел от подводного гидравлического удара. Судно остановилось. Все находившиеся на палубе и надстройках встревоженно загудели. Вскоре с мостика кто-то принес известие: мина взорвалась в трале у передней пары тральщиков. Меняют перебитый трал. Поэтому и стоим.

Веретенников снова опустился на настил, устало приклонившись к вентиляционному грибку.

12:30

Военный корреспондент Михайловский обедал в кают-компании, предназначенной для офицеров штаба КБФ, находящихся на «Виронии». Штабное отделение было ограждено от остальных помещений судна часовыми и запретительными надписями. Но Михайловский, лично и хорошо знавший самого адмирала Пантелеева, был здесь своим человеком.

Кают-компания жила своей традиционной жизнью. Все те же аккуратные столики на четыре человека с белоснежными накрахмаленными скатертями, все те же милovidные официантки (адмирал Пантелеев не терпел матросов-вестовых) с подносами, дымящимися аппетитными блюдами здоровой флотской пищи. Среди официанток Михайловский, к удивлению, заметил новенькую: девушку с тонкими, «словно резцом мастера выточенными» чертами лица, черными косами и голубыми глазами. На вид ей было не более девятнадцати лет. Михайловскому она напомнила школьницу-выпускницу.

Из лирического настроения Михайловского вывел гул подводного взрыва. «Вирония» задрожала. Зазвенела на столиках посуда. Что-то упало с шумом разбившись. Кто-то крепко выругался: «Поесть не дадут, сволочи!»

И все дружно сыпанули на верхнюю палубу.

Разобравшись в обстановке, Михайловский увидел молоденькую официантку, стоявшую у фальшборта недалеко от него. Она была настолько хороша, что корреспондент не мог отказать себе в удовольствии с ней заговорить. Выяснилось, что девушка ленинградка. В Таллинне оказалась совершенно случайно по каким-то «довоенным» делам и застряла. Первое время никак не могла осознать, что действительно началась война. Муж у нее сейчас где-то на фронте. Где — она сама не знает. А дети — «совсем крошки» — с бабушкой в Ленинграде. Она очень беспокоилась о том, что к городу подходят немцы. Неужели они возьмут Ленинград?

Михайловский вспомнил о собственной жене и шестилетней дочери, которые эвакуировались в Сталинград, и тяжело вздохнул.

— Будем надеяться, что все будет хорошо, — сказал он новой официантке кают-компании штаба КБФ на «Виронии».

Журналист продолжал любоваться прекрасным лицом женщины, уже не очень внимательно слушая рассказ о том, как в последний момент, когда она уже отчаялась вырваться из Таллинна, ей удалось устроиться официанткой на «Виронии», очаровав одного из штабных офицеров.

12:40

Резкие звонки воздушной тревоги заставили вздрогнуть адмирала Трибуца и вскинуть бинокль к небу. В ту же секунду загрохотали зенитки со стоявших вблизи крейсера эсминцев «Гордый» и «Сметливый».

Спрашивать, что случилось, не было никакой нужды. Высоко в небе лениво плыла «рама» — немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик — зловеющий предвестник неминуемого налета бомбардировщиков.

Поблескивая стеклами кабины, «рама», как сытая муха, сделала над рейдом два медленных круга и ушла в сторону моря.

Трибуц взглянул на часы. Было 12 часов 50 минут.

С мостика «Кирова» адмирал еще раз оглядел невиданный частокол мачт и дымовых труб кораблей и судов, готовых к прорыву.

В адмиральский бинокль были видны и остановившиеся транспорты 1-го конвоя после подрыва на mine головного тральщика.

Трибуц лишь накануне приказал разведать этот фарватер и ему доложили, что никаких мин там не обнаружено. Откуда же они взялись?

Либо противник придумал какой-то новый способ их постановки, либо речь идет о принципиально новых

типах мин, о которых смутно докладывала разведка с первых же дней войны. Так называемые мины кратности. Такая мина может пропустить над собой какое-то заданное число кораблей, а потом рвануть. Вытралить ее невозможно, а для уничтожения пока придумали один способ — гонять над опасным местом туда и обратно так называемый «минопрорыватель» — баржу или лихтер, груженный пустыми бочками и пробкой. В данном случае это, конечно, невозможно, но еще раз проверить фарватер необходимо.

Между тем, первый конвой, создав некоторое подобие строя, возобновил движение и начал медленно исчезать из вида.

Трибуц приказал двум парам «ижорцев» из состава 2-го конвоя еще раз прочесать подозрительное место.

В этот момент снова рванули пронзительные звонки и завывали вынимающие душу сирены воздушной тревоги.

Над кораблями проплыла шестерка пикирующих бомбардировщиков «Ю-87», напоминающая из-за своих неубирающихся шасси огромных хищных птиц с выставленными когтистыми лапами.

Держась на большой высоте вне досягаемости корабельных зениток, «юнкерсы» шли в сторону моря, догоняя, видимо, ушедший за горизонт первый конвой.

Антракт в действиях авиации противника закончился, и она снова властно появилась на сцене.

13:20

— Справа по курсу самолеты!

Еще до крика сигнальщика капитан плавмастерской «Серп и Молот» Андрей Тихонов ясно видел их приближение. Маневрировать огромным плавучим заводом в узкой протраленной полосе движения 1-го конвоя не было никакой возможности без риска немедленно подорваться на минах. Недавняя мгновенная гибель головного тральщика еще стояла у всех в глазах.

Четыре 45-мм пушки, два пулемета ДШК и два

«максима», которыми была вооружена плавмастерская почти одновременно открыли огонь по приближающимся самолетам. Загрохотали зенитные орудия кораблей сопровождения.

«Юнкерсы», однако, не спешили атаковать. Перестроившись из походного ордера в боевой они сделали круг над кораблями, видимо распределяя цели, а затем, рассыпавшись, решили атаковать все транспорта сразу. При этом все их перестроения проводились без обычной лихости и даже некоторой элегантности, а как-то громоздко и не совсем уверенно. Надсадно ревя моторами они наконец стали пикировать, но совсем не так, как уже привыкли видеть за два месяца войны: не почти вертикально вниз, а по какой-то пологой кривой и с некоторой робостью*.

Один из них шел прямо на «Серп и Молот». Капитан Тихонов дал команду на руль. Старая плавмастерская совсем не предназначалась для подобных проверок боем. Ее создатели меньше всего думали о маневренности огромного плавучего завода, который ни по каким расчетам не должен был оказаться в зоне боевых действий, а обеспечивать боевые корабли исключительно на тыловых позициях.

Но именно плавмастерские русского флота всегда попадали в самую гущу сражений. Так, знаменитая предшественница «Серпа и Молота» героическая «Камчатка» попала в самое пекло Цусимского боя, где доблестно сражалась (!) и погибла, пытаясь прикрыть собой агонизирующий флагманский линкор. Так и «Серп и Молот» — «Ангара» угодила прямо в эпицентр трагедии, еще почище цусимской.

К счастью, громоздкая плавмастерская очень медленно реагировала на перекладку руля. Когда ее нос покатился

* Это были самолеты 61-й учебно-тренировочной эскадры, на которых проходили предвыпускную боевую практику курсанты трех летних училищ Люфтваффе.

влево, две бомбы взорвались как раз в том месте, где должен был оказаться «Серп и Молот», будь у него лучше маневренность.

Тихонов приказал положить руль вправо, дав левой машиной задний ход. Но судно еще продолжало катиться влево по инерции, причем так долго, что поднятые упавшими бомбами водяные столбы обрушились ему на полубак, сбивая с ног теснившихся на верхней палубе людей.

Наконец «Серп и Молот» отреагировал на перекладку руля и его нос, скидывая каскады воды, пошел в противоположную сторону. В этот момент сбросивший бомбы «юнкерс», развернувшись, понесся на «Серп и Молот» со стороны правого борта, ведя огонь из бортовых пулеметов.

Ни у кого на мостике плавмастерской не было даже касок. Капитан Тихонов и его старший помощник Георгий Абросимов невольно присели, как будто брезент ограждения мостика мог защитить от пуль крупнокалиберного пулемета.

Бомбардировщик пронесся почти на высоте мачт и стал уходить к месту сбора, быстро набирая высоту.

Капитан Тихонов осмотрел колонну. Где-то за кормой, где шли подводные лодки, валил клубами дым. На мостике плавмастерской сначала подумали, что кто-то угодил под прямое попадание, но потом поняли, что это морские охотники поставили дымзавесу, прикрывая концевые транспорты и следовавшие за ними подводные лодки.

Строй конвоя снова нарушился. Эсминцы «Свирепый» и «Суровый» неслись вдоль рассыпавшейся колонны транспортов словно овчарки, собирающие разбежавшееся стадо после нападения волков. Им помогали бортовые буксиры КП-6 и С-101, подталкивая своими мягкими от плетеных кранцев носами транспорты в нужном направлении.

Транспорты ревели, отплевываясь паром, снова строясь в некоторое подобие кильватерной колонны.

13:45

С мостика лидера «Минск» адмирал Пантелеев наблюдал, как канонерская лодка «И-8» — флагманский корабль 4-го конвоя повела к входным створам колонну, состоявшую из девяти различных малых вспомогательных судов, самоходных барж и буксиров. Замыкали строй три парусно-моторных шхуны и старенький СКР «Разведчик», некогда ходивший в качестве почетного конвоира за царскими яхтами.

Адмирал с волнением следил за движением колонны. Четвертый конвой пропускаться вне очереди, чтобы еще раз проверить наличие мин на входных створах. Посланные адмиралом Трибуцем тральщики почти час «прочесывали» это место, но не обнаружили ничего. Хотя все экзотические плавсредства 4-го конвоя были забиты людьми, их потерять, конечно, менее обидно, чем океанские транспорты 2-го и 3-го конвоев.

Когда в тралах первого конвоя прямо на створах начали рваться мины и кто-то на мостике «Минска» мрачно изрек: «Началось!», адмирал Пантелеев внутренне похолодел. Неужели противник блокировал минами даже входные фарватеры Таллинна?

Но 4-й конвой, следуя за девятью катерными тральщиками, без всяких происшествий вытянулся за створы, медленно исчезая из вида.

Адмирал Пантелеев облегченно вздохнул и опустил бинокль. И в очередной раз настороженно взглянул на небо.

Бездействие авиации противника удивляло и сбивало с толку. После появления «рамы» все ждали налета бомбардировщиков.

К этому времени ветер утих почти до полного штиля, волна успокоилась, а на безоблачном небе сверкало солнце. Идеальная погода для пикировщиков, чтобы внезапно, выскочив из-под солнца, атаковать корабли. Все стояли на местах по боевой тревоге.

Действительно, вскоре на большой высоте появилась шестерка «юнкерсов», идущая северо-восточным курсом. Не обратив никакого внимания на скопившиеся на рейде корабли и суда, они проследовали в сторону моря и до сих пор не вернулись. Возможно, они ушли на финские аэродромы.

Затем на очень большой высоте в разных направлениях прошли два самолета-разведчика. И снова ничего.

В этот момент на фалах «Кирова» запестрел трехфлажный сигнал: «Второму конвою начать движение!».

14:20

С мостика канонерской лодки «Москва» капитан 2-го ранга Антонов еще раз осмотрел идеально выстроенные в кильватер друг другу семь больших транспортов вверенного ему 2-го конвоя. В голове колонны выделялась громада «Ивана Папанина», за ним мрачно дымил «Казахстан», за кормой которого слегка покачивался своим изящным корпусом «Сауле» с Анной Щетининой на капитанском мостике.

За кормой «Сауле», дымя почти вертикально вверх клубами густого черного дыма, вибрировали в готовности к немедленному движению четыре бывших «прибалта»: «Найссаар», «Шауляй», «Эверита» и маленький «Эргонаутис».

Четыре «ижорца» и девять «рыбинцев» с выставленными тралами перекликались гудками. За кормой транспортов, как утята за мамками, пристроились четыре сторожевика и два морских охотника.

— Поднять «буки»! — приказал капитан 2-го ранга Антонов. — Начать движение.

14:50

Ругаясь про себя последними словами, старший лейтенант Ефимов смотрел с мостика базового тральщика «Патрон», как вразной снявшись с якорей то давая, то стопоря ход, колонна транспортов 2-го конвоя, охраняемая

канонеркой «Москва», вытянулась за угольными тральщиками.

Командир тральщика в очередной раз посмотрел на часы. 14:50! Сколько уже потеряно времени! Давно уже можно было всем уйти.

Ефимов переводил бинокль, лоя в окуляры сигнальные фалы своего «начальства»: непосредственного — на лидере «Минск» и прямого — на крейсере «Киров». Потом бил кулаком по поручням мостика и ходил взад-вперед, как раздраженный леопард.

— Товарищ командир, — доложил сигнальщик, — на «Кирове» сигнал «Движение 3-му конвою!»

Ефимов поднял бинокль.

Он увидел, как канонерская лодка «Амгунь» с лихостью эсминца отрепетовала сигнал флага и, с какой-то не свойственной бывшей грунтоотвозной шаланде стремительностью, заняла свое место вдоль идеально выстроенной, как николаевские солдаты на плацу, колонны транспортов. Вслед за двумя парами «ижорцев» и двумя парами катерных тральщиков грузно поплыли тяжело груженные океанские пароходы: «Балхаш», «Тобол», «Луга», «Скрунда», «Вторая Пятилетка», «Аусма», «Лейк Люцерн», «Кумари». Еще несколько небольших пароходов Ефимов опознать не мог. Видел только бортовые номера: 12, 237. Отдельно шли СКР «Уран» и старый спасатель «Колывань». 4-й конвой медленно скрывался за островом Аэгна, и на рейде, заметно опустевшем после ухода транспортов, снова наступила пугающая тишина.

Особенно сбивала с толку странная пассивность немцев. Изредка с небольшими недолетами, видимо просто для очистки совести, открывала огонь какая-то полевая батарея немцев с полуострова Вимси. Еще пару раз появлялись «рамы», лениво кружась на большой высоте.

Все это вызывало тревогу, предполагая какой-то коварный план, задуманный немцами. Возможно, противник уже стянул к району прорыва крупные соединения

подводных лодок и надводных кораблей во главе с «Тирпицем», предоставив честь уничтожения Балтийского флота русских им, а не авиации Геринга. Может быть, авиация и бездействовала из-за какой-нибудь очередной склоки между Редером и Герингом, о которых часто писали советские газеты во времена так называемой «Битвы за Англию»?

15:15

С мостика эскадренного миноносца «Сметливый» капитан 2-го ранга Солоухин видел, как на сигнальных фалах крейсера «Киров» поднялся синий подготовительный флаг: «Главным силам быть готовым к походу по исполнительному». То есть в тот момент, когда подготовительный сигнал будет спущен и заменен сигналом «Буки».

Солоухину вспомнилась Испания, где он входил в состав советников республиканского флота вместе с Дроздом и был известен под именем Хавера Переса. Тогда ему довелось участвовать в памятном Северном походе республиканского флота — в прорыве с боем через Гибралтар под ударами авиации генерала Франко...

«Сметливый» входил в отряд главных сил — быстроходных боевых кораблей, имевших задачу на самом опасном участке пути между Таллинном и мысом Юминда: прикрыть транспорты 1-го и 2-го конвоев от ударов авиации, надводных кораблей и подводных лодок противника.

Главные силы уже сформировали походный ордер. Сразу же за отрядом быстроходных тральщиков занял место в строю широкий, с мощными машинами старый русский ледокол «Волынец», носивший еще эстонское имя «Сыр-Тулл». В кильватер ледоколу должен был идти «Сметливый», а за ним уже был сам крейсер «Киров», прикрытый с кормы лидером «Ленинград». С левого борта «Кирова» дымил из своих четырех труб «Яков Свердлов», с правого — однотипный собрат «Сметливого» — эсминец «Гордый». Далее в охранении

пяти торпедных катеров и шести катеров МО ждали сигнала к выступлению подводные лодки: «С-5» под вымпелом капитана 1-го ранга Египко — «С-4», «Калев» и «Лембит». Между ними виднелся изящный силуэт штабного судна «Пиккер».

С выставленными параван-охранителями, вибрируя от работающей на холостом ходу машины (вторая машина «Сметливого», выведенная из строя близким разрывом авиабомбы, не действовала), эсминец ожидал исполнительного сигнала начать движение.

Солоухин и командир эсминца Нарыков ждали, с заметной нервозностью посматривая на часы.

Казалось, прошла вечность, прежде чем синий подготовительный флаг на «Кирове» медленно пополз вниз и тут же развернулся на фалах исполнительный: «Буки». Пошли!

Зазвенел машинный телеграф, призывая машину к готовности, заработали шпили и «Сметливый» малым ходом пошел в кильватер за широкой кормой «Суур-Тылла», украшенный толстым, затейливо сплетенным кранцем. Такие кранцы умеют плести только на ледоколах.

Солоухин еще раз взглянул на часы. Было 16:10.

Солнце уже перевалило зенит, но стояло еще достаточно высоко. Дул устойчивый юго-восточный ветер, скорее освежающий, чем сильный.

Идеальная погода для любого плавания.

Таллинн отступал за горизонт. В городе по-прежнему бушевали пожары, густой дым застилал небо, языки пламени лизали высокие шпили кирх.

Из состояния мрачной задумчивости всех на мостике вывел крик сигнальщика старшины Клопова: «По курсу плавающая мина!»

«Сметливый» только что прошел створы.

Пронзительно взвизгнул ревун. Из 45-мм орудия дали выстрел дымовым снарядом, предупреждая идущие сзади корабли. Стрелки машинного телеграфа метнулись по кругу и замерли на отметке заднего хода. Отработа-

ли слегка назад. Мину оттолкнули футштоком. Она крутилась в воде, не желая отплыть, матово поблескивая черными полированными боками и зловеще покачивая рогами взрывателей. Наконец, ее отогнали достаточно далеко от борта, чтобы расстрелять из пулемета.

Медленно оседал огромный столб воды, поднятый взрывом. Минеры опять поставили всплывшие от движения назад параван-охранители. Эсминец малым ходом возобновил движение за ледоколом.

Вскоре с тральщиков, идущих впереди строем уступа, один за другим стали поступать доклады о плавающих минах. Грохотали взрывы, вздымались фонтаны воды. С тральщиков расстреливали замеченные мины. Капитану 2-го ранга Солоухину стало ясно, что произошло.

Бушующий двое суток шторм с ливневыми дождями размыл немецкие полевые аэродромы настолько, что противник пока еще не может эффективно действовать авиацией. Судя по состоянию погоды сегодня, эта пауза подойдет к концу через час-полтора, а может быть и раньше.

С другой стороны, тот же самый шторм сорвал с якорей сотни мин с наших и немецких минных заграждений. И сейчас эти сотни мин несет ветром и течением навстречу нашим кораблям. Пока светло, с ними еще можно бороться. А что произойдет, когда стемнеет?

16:30

Мичман Попенкер, отстояв машинную вахту на катере МО-112, вышел на верхнюю палубу. Катер шел в кильватер эсминцу «Яков Свердлов». За их катером шел МО-142 лейтенанта Обухова. Мичману захотелось лучше охватить взглядом панораму похода. Нужно было забраться куда-нибудь повыше. Повыше — это значит с мостика.

Вскарabкавшись по крошечному трапу на мостик, мичман спросил командира катера лейтенанта Семена Гимпельсона: «Разрешите побыть на мостике?»

Командир в знак согласия кивнул головой.

Перед глазами Попенкера открылась панорама всего отряда главных сил Балтийского флота. После некоторых задержек, корабли, построившись в боевой ордер, шли за дивизионом тральщиков со скоростью десять узлов.

В центре ордера, окруженный оцетинившимися эсминцами, как боевой слон, сопровождаемый кавалерийским эскортом, шел крейсер «Киров», выставив в небо стволы своих стомиллиметровых пушек и зенитных автоматов. Две башни главного калибра крейсера были развернуты на правый борт, а кормовая — на левый. Картина была волнующей, как всегда бывает при виде крупного отряда боевых кораблей, подавляющих воображение своей несокрушимой мощью. Мощью, находящейся уже на грани понимания того, что она создана руками человека. Нет ничего более прекрасного и, вместе с тем, страшного, чем вид идущих строем огромных плавучих боевых машин!

Попенкер все время слышал крики сигнальщиков, то и дело докладывающих о плавающих минах. Со всех кораблей по ним били из сорокапяток и пулеметов. То там, то здесь с громом вздымались горы воды от уничтожаемых мин. Автоматически мичман тоже шарил глазами по поверхности воды, стараясь увидеть мину. Но механик был совершенно не обучен наблюдению за морем. Ничего разглядеть не удалось.

Неожиданно, перекрывая крики сигнальщиков «Воздух!», загрели зенитки эсминцев. Через мгновение «захали» сотки «Кирова». Мичман поднял голову. С юго-запада на большой высоте двумя клиньями по девять машин шли пикирующие бомбардировщики противника.

16:45

С мостика «Кирова» капитан 2-го ранга Сухоруков спокойно наблюдал за приближением самолетов. Одна «девятка» явно не имела намерения атаковать боевые корабли, продолжая идти на большой высоте в сторону

ушедших на восток конвоев. Вторая «девятка», разделившись на три группы по три машины, начала кружиться над кораблями. Это были совсем не те «юнкерсы», к которым Сухоруков привык за два прошедших месяца войны, когда агрессивные и решительные пилоты Люфтваффе, игнорируя шквальный зенитно-заградительный огонь с кораблей, почти вертикально пикировали на цель, выходя из пике на уровне мачт.

Эти же вились, как осы, которых потревожил зенитный огонь, явно не горя намерением совершать какие-либо подвиги.

Затем они пошли вниз в странном пологом пике и, не желая прорываться через зенитный огонь, сбросили бомбы, упавшие далеко от кораблей.

— Кишка тонка! — засмеялся один из сигнальщиков, наблюдая в бинокль, как бомбардировщики уходят, поспешно набирая высоту.

Сухоруков, начавший было маневр уклонения, приказал поставить руль прямо, выводя крейсер на прежний курс.

Сухоруков огляделся по сторонам. Эскадра продолжала идти своим курсом. Далеко впереди «Кирова» прокладывали путь тральщики, ледокол и эсминец «Сметливый». Слева по борту, вспенив воду и зарываясь в нее почти всем своим низким приземистым силуэтом, шел «Яков Свердлов». Его орудия и торпедные аппараты были развернуты в сторону наиболее опасного финского берега. На мостике виднелась высокая фигура капитана 2-го ранга Спиридонова. Справа капитан 3-го ранга Ефет вел эскадренный миноносец «Гордый», а за кормой грациозно резал встречную волну своим острым форштевнем красавец-лидер «Ленинград» капитана 3-го ранга Горбачева.

Все время в видимости то появлялись, то исчезали юркие, быстроходные катера — морские охотники.

Далеко на горизонте показались многочисленные дымы.

Все было ясно. Главные силы флота нагоняли один из конвоев.

17:05

На мачте лидера «Минск» взвился сигнал «Буки»: «Начать движение отряду прикрытия». Командиры всех кораблей давно уже ждали сигнала о съемке с якоря. Все уже нетерпеливо стояли на мостиках, а боцмана с баковыми командами изнывали у шпилей.

Не успел сигнал «Буки» дойти до места, как на всех кораблях заработали шпили, загромыхали якорные цепи.

Построившись за пятью базовыми тральщиками в кильватерную колонну, ведомую лидером «Минск», корабли малым ходом начали вытягиваться за створные вехи.

С мостика «Минска» адмирал Пантелеев оглядел отряд. Следом за лидером шел эскадренный миноносец новейшей постройки — типа 7У — «Славный» капитана 3-го ранга Осадчего, за ним — его однотипный собрат «Скорый» капитана 3-го ранга Баландина.

Далее шли две подводные лодки: «Щ-322» и «Щ-95», четыре торпедных катера и четыре катера МО вместе со спасательным судном «Нептун». Отряд должен был прикрыть 2-й и 3-й конвой на участке от острова Кери до острова Вайндло.

Выйдя за створы, отряд увеличил скорость до двенадцати узлов.

Пантелеев с горечью смотрел в сторону Таллинна. Очертания города бледнели. Различались еще башни, кирхи и купол русского собора, объятый пламенем.

Адмирал оторвал взгляд от оставляемой базы и посмотрел на идущие в кильватер «Минску» эскадренные миноносцы. Его настроение сразу улучшилось. До чего же красивы были эти корабли, идущие двенадцатиузловым ходом, вздымая белоснежные буруны.

Едва прошли остров Аэгна, как появилась шестерка «юнкерсов».

Пантелеев обратил внимание, насколько непривычно робко ведут себя немецкие самолеты. «Либо летчики были неопытные, либо хотели лишь произвести разведку, но, наткнувшись на огонь лидера и миноносцев, они отвернули в сторону, так и не сбросив бомб», — записал в своем дневнике начальник штаба КБФ.

17:15

Лейтенант Дармограй — адъютант 2-й эскадрильи 71-го истребительного авиаполка КБФ — стоял на верхней палубе эскадренного миноносца «Славный», ведя вместе со своими подчиненными наблюдение за небом и горизонтом по левому борту эсминца.

После начала движения отряда прикрытия «Славный» получил приказ прикрыть выход кораблей дымовой завесой. Развернувшись под углом 90 градусов к курсу уходящих кораблей, «Славный» включил аппаратуру и на полном ходу закрыл дымовой завесой все пространство от мыса Пальяссаар до полуострова Вимси. Пройдя около 4 миль «Славный», круто развернувшись влево, скрылся за своей дымовой завесой и вскоре догнал уходившие корабли.

Левый борт эсминца, по которому вел наблюдение лейтенант Дармограй, был обращен к финскому берегу, куда были развернуты орудия корабля и откуда ожидался подход самолетов, торпедных катеров и подводных лодок противника.

Вскоре появились немецкие бомбардировщики, спешно отвернувшие и ушедшие, не сбросив бомб, когда со всех кораблей был открыт заградительный огонь.

Затем вдали, почти на горизонте, был обнаружен еще один самолет, летевший параллельно курсу кораблей. «Славный» вместе с другими кораблями немедленно открыл огонь. Шапки разрывов зенитных снарядов встали по курсу самолета, правда, с недолетом. Тем не менее, это возымело действие. Самолет развернулся в северном направлении, немного покругил и скрылся из видимости.

Чуть позднее все на «Славном» были взбудоражены криком одного из наблюдателей, заметившим на горизонте торпедные катера противника. Вернее даже не их, а белые носовые буруны.

«Славный» сразу передал это известие на другие корабли отряда. Лидер и оба эсминца немедленно открыли огонь.

Лейтенанту Дармограю показалось, что он ясно видит следы идущих к кораблям торпед. Впрочем, торпеды куда-то исчезли примерно на полпути к отряду*.

17:35

Старший лейтенант Ефимов испытал огромное чувство облегчения, когда на флагманском тральщике «Гак» (Т-120), стоявшем под вымпелом начальника штаба бригады траления капитана 3-го ранга Лихолетова, взметнулся наконец сигнал «Начать движение» и пять быстроходных тральщиков заняли свое место в порядке во главе сил прикрытия.

Его «Патрон» (Т-203) шел концевым.

При появлении самолетов противника на тральщике приготовились к отражению воздушной атаки и очень удивились, что эта атака не состоялась.

На мостик поднялся помощник Ефимова — лейтенант Спорышев. Рана, полученная в ходе прорыва с авиабомбами на Эзель, еще давала о себе знать, но лейтенант, преодолевая боль и слабость, держался мужественно.

Ефимов приказал ему пройти по всем боевым постам верхней палубы и предупредить о необходимости самого тщательного наблюдения за морем. Впереди прошел отряд главных сил и четыре конвоя. Они должны были вытравить очень много мин, которые затем обязаны

* В течение суток 28 августа ни немецкие, ни финские торпедные катера не делали попыток атаковать корабли и суда, участвовавшие в Таллинском переходе. Но мерещились постоянно.

были расстрелять морские охотники. Однако, нет никакой гарантии, что им удалось уничтожить все вытраленные мины.

Посоветовавшись, решили выставить на верхней палубе дополнительных наблюдателей, снабдив их футштоками для отталкивания от борта плавающих мин.

В этот момент на головном БТЩ «Гаке» поднялся сигнал: «Самолеты противника».

Высоко в небе плыла девятка «юнкерсов».

Проскочив над эсминцами адмирала Пантелеева, «юнкерсы» пошли дальше за горизонт, где скрылись транспорты четырех конвоев.

17:50

Военный корреспондент Михайловский стоял на верхней палубе «Виронии» в небольшой толпе, окружившей степенного артиллерийского майора, у которого был полевой бинокль. Самолеты противника, нагнавшие 1-й конвой несколько минут назад, атаковали концевые корабли. На «Виронии» был слышен грохот взрывов, но разглядеть ничего не удавалось. Майор наблюдал за событиями в артиллерийский бинокль и сообщал окружающим: «Девяткой всей пикируют. Кажется, на какой-то транспорт. И, кажется, попали... валит густой дым... Нет, я ошибся. Это катера ставят завесу...»

Все слушали с замиранием сердца, боясь проговорить хоть слово.

— Смотрите! — вдруг восклицает майор. — Нас нагоняют какие-то корабли.

И он стал внимательно рассматривать в бинокль горизонт.

Все напряженно ждали. Легенды о многочисленных немецких эскадрах, рыскающих по Финскому заливу, плотно утробовались практически в каждой голове, а потому все напряженно ждали, что удастся выяснить майору с помощью своего призматического артиллерийского бинокля.

Наконец майор опустил бинокль и со вздохом облегчения выдохнул:

— Наши!

Напряжение сразу же спало. Вскоре уже невооруженным глазом можно было различить, что конвой нагоняет «Киров» со своим охранением. Михайловский радостно замахал фуражкой. Один вид мощного стального красавца, как «Киров», вселял уверенность и спокойствие.

Михайловский взглянул на часы. Близилось время ужина. Он вспомнил красавицу-официантку с черными косами и голубыми глазами и стал спускаться в кают-компанию.

17:55

На лидере «Минск» горнист лихо и весело проиграл самый любимый моряками сигнал: «Приготовиться на ужин». Моряки называли этот сигнал «Бачковая тревога». Мигом у камбуза собрались бачковые.

С мостика адмирал Пантелеев видел, как сидя у орудий и торпедных аппаратов, матросы с аппетитом «рубают» борщ.

На мостике, по традиции одетый во все белое, появился старший вестовой, приглашая адмирала Пантелеева и командира лидера капитана 2-го ранга Петунина на ужин в кают-компанию, где уже был накрыт стол. Однако оба отказались, приказав принести «что-нибудь перехватить» прямо на мостик.

Обстановка была очень необычной и беспокойной. Над юго-западным горизонтом еще колыхалось зарево таллинских пожаров. Далеко на горизонте, позади отряда Пантелеева, хорошо просматривались корабли арьергарда контр-адмирала Ралля, ведущие зенитный огонь. Впереди по курсу видны были десятки транспортов, вытянувшихся в длинную колонну, уходящую на востоке за горизонт, со стелющимися по поверхности моря хлопьями черного дыма. Чуть левее транспортов виднелись надстройки и широкие трубы крейсера «Киров» и силуэты

охраняющих его эсминцев. Все море было утыкано лесом труб и мачт.

«Юнкерсы», появившиеся несколькими группами с южного берега залива, атаковали транспорты головного и концевого конвоев.

Небо покрылось черно-оранжевыми «цветками» разрывов зенитных снарядов. Адмиралу Пантелееву казалось, что он не видит ни одного нестреляющего корабля. Весь флот оцетинился мощным зенитно-заградительным огнем, чтобы отбить эту первую за сегодня массированную атаку авиации противника. Звонкоголосые сигнальщики постоянно докладывали о сбитых немецких самолетах. После этих докладов адмирал вскидывал бинокль, но, как правило, не видел ничего, что подтверждало бы оптимизм сигнальщиков. Однако и не возражал. Подобные доклады повышают боевой дух всем, кто их слышит.

В бинокль были видны только черные точки бомб, стремительно падающих на корабли.

17:59

Капитан буксирного парохода «КП-6» Павел Черепанов наблюдал, как с юго-западного направления первый конвой нагоняют два «журавлиных клина» бомбардировщиков противника.

Буксир вышел из Таллинна в составе первого конвоя, держась на траверзе плавмастерской «Серп и Молот». Какое-то время на «КП-6» находился начальник отдела вспомогательных судов Таллиннской базы капитан 2-го ранга Грицко со своим штабом. Но на «КП-6» Грицко не понравилось — слишком много было людей — и он решил перейти на буксир «С-101», следующий несколько сзади — на траверзе концевого транспорта «Элла».

«С-101» подозвали семафором к борту и пересадили на него начальство. Из штаба отдела вспомогательных судов на «КП-6» остался только старший диспетчер Сиваков, сказавший Черепанову:

— Там народу не меньше. Да и об удобствах ли думать сейчас.

Во время первого налета самолетов, когда главной целью бомбардировщиков стала плавмастерская «Серп и Молот», с буксира с ужасом ожидали гибели огромного судна. Но немцы как-то умудрились промазать. Все бомбы взорвались в воде, подбросив маленький «КП-6» ударной волной.

Сейчас «Серп и Молот» немцы каким-то чудом не заметили. Первая девятка «юнкерсов» напала на головные суда колонны, а вторая девятка, четко перестроившись в боевой порядок, стала пикировать на транспорт «Элла», который, ревя сиреной, стал грузно разворачиваться, стараясь уклониться от предназначенных ему авиабомб.

Черепанов видел, как над кормовой частью «Эллы» поднялся столб пламени, взлетели вверх обломки и много человеческих тел. Палуба «Эллы» была забита ранеными и эвакуируемыми. Оставшиеся в живых метались по палубе, многие бросались за борт. Пароход продолжал разворачиваться, когда его настигла вторая бомба. Пламя охватило пространство верхней палубы. Транспорт, теряя ход, шел уже перпендикулярно своему прежнему курсу, когда из-под его носовой части поднялся большой столб воды. Охваченная огнем «Элла» стала валиться на борт. Видимо, выйдя с протраленной полосы, судно наткнулось на мину.

Находящийся вблизи транспорта буксир «С-101» направился к месту катастрофы, где еще в облаке пара и дыма агонизировала «Элла», переворачиваясь вверх килем и уходя носом в воду.

Стоящие на палубе «КП-6» люди не смогли сдержать крика ужаса.

Буксирный пароход «С-101», на который недавно они пересадили капитана 2-го ранга Грицко с офицерами его отдела, исчез в огне и дыму мощного взрыва. Когда опал огромный столб воды, на поверхности моря

плавали лишь деревянные обломки. Ни одного человека из числа пассажиров буксира и его команды обнаружить не удалось.

Стиснув зубы, капитан Черепанов направил «КП-6» к месту гибели «Эллы». Со стороны головы конвоя к месту гибели транспорта подходили спасатель «Сатурн» и сторожевик «Аметист».

Ошеломленные моряки буксира «КП-6» даже не заметили, что в этот момент мимо них проходили главные силы флота во главе с крейсером «Киров».

18:02

С мостика «Сметливого» капитан 3-го ранга Нарыков видел, как быстро валился на борт, уходя носом в воду, охваченный пламенем транспорт «Элла». На его галубе еще метались и кричали раненые.

Это как раз совпало по времени с веселым сигналом горниста, зовущим на ужин, а старпом Климов отдал соответствующий приказ по корабельной трансляции.

Видели со «Сметливого», как в вихре взрыва исчез буксир «С-101», кинувшийся на помощь «Элле», спуская на ходу вельботы...

Но помочь транспортам они ничем не могли. Эсминец шел в порядке впереди крейсера «Киров» и не мог ни остановиться, ни выйти из строя.

В этот момент Нарыков увидел большой столб воды, поднявшийся недалеко от эсминца «Гордый». Затем еще один.

Самолетов над отрядом главных сил не было. И только когда крупнокалиберный снаряд, с воем пробуравив воздух, взорвался примерно в полутора кабельтовых от правого борта «Сметливого», на эсминце поняли, что их обстреливают с берега. Судя по всплескам, немцам удалось развернуть на мысе Юминда береговую батарею из нескольких тяжелых 152-мм орудий. Опасность ждали слева, но, как водится, она пришла справа. Нарыков приказал артиллерийскому офицеру лейтенанту Шуняеву

открыть по батарее огонь. Орудия эсминца плавно развернулись в сторону правого борта. Но не успел Шуняев дать целеуказания комендорам «Сметливого», как могучие башни идущего сзади крейсера «Киров» рывкнули так, что на эсминце задрожали переборки.

18:05

Капитан 2-го ранга Сухоруков следил с мостика «Кирова», как самолеты противника, загнавшие транспорт «Элла» с протраленной полосы на минное поле, радостно взмыли вверх и, поблескивая на солнце стеклами кабин, понеслись в голову колонны 1-го конвоя, где отчаянно дымя шли «Вирония» и ледокол «Кришьянис Вальдемарс».

Эскадренные миноносцы «Свирепый» и «Суровый», ведя по бомбардировщикам яростный зенитный огонь, разворачивались, пытаясь прикрыть транспорты дымовой завесой.

В этот момент Сухоруков увидел несколько столбов воды, взметнувшихся в районе нахождения эсминцев «Гордый» и «Сметливый» и услышал крик сигнальщика:

— Батарея с мыса Юминда открыла огонь по нашим кораблям!

Все бинокли на мостике крейсера и на контрольно-дальномерном посту повернулись вправо, стараясь разглядеть в лесных зарослях далекого берега притаившуюся батарею противника.

Корабли находились на траверзе мыса Юминда-Нина — небольшой полоски, выдающегося в залив отрезка земли, известного, наверное, только морякам. Этот маленький, заросший лесом мысок закрывает такой же маленький, похожий на ковшик, залив Халарахт. До войны на мыске стоял маяк, указывающий в темноте или в тумане верный путь проходящим мимо кораблям. Теперь с него уже была береговая батарея противника.

Водяные столбы от взрывов снарядов недолетом встают по правому борту «Кирова».

Короткая команда капитана 2-го ранга Сухорукова, щелчки автоматов управления огнем и девять стволов главного калибра разворачиваются на правый борт, задираясь вверх.

Крейсер содрогается от бортового залпа. Гром орудий главного калибра заглушает все другие звуки. Ударная волна болезненно бьет по барабанным перепонкам всех находящихся на открытых постах и на мостиках «Кирова».

После третьего залпа немецкая батарея замолчала.

Корабли главных сил продолжали идти прежним курсом, занимая место впереди конвоев.

18:08

Гул тяжелых орудий и раздавшийся вой сирены заставил вскочить на ноги военного корреспондента Михайловского, собравшегося поужинать в штабной кают-компании «Виронии» и еще раз полюбоваться на молодую стройную официантку с черными косами и голубыми глазами.

Красавица только появилась в дверях с дымящимся подносом в руках, как почти одновременно заревели главные калибры «Кирова» и сирены на самой «Виронии». Забыв об ужине, Михайловский выскочил на верхнюю палубу.

Голубое небо было испачкано клочьями дыма от разорвавшихся зенитных снарядов. С мостика «Виронии» били в небо крупнокалиберные пулеметы. С правого борта бывшего лайнера шел, подняв огромный бурун воды, эскадренный миноносец «Суровый», пытаясь огнем из всех своих орудий отогнать бомбардировщики от «Виронии».

«Юнкерсы», сверкая на солнце дисками пропеллеров, неслись на «Виронию» в крутом пике. В этот момент Михайловский уже не слышал ничего: ни крика пассажиров, ни громких команд, ни лая зениток. Слышен был только страшный вой пикировщиков, падающих на

транспорт, и пронизывающий до костей свист авиабомб...

Совершая маневр уклонения, «Вирония» вышла из строя, резко изменив курс. Бомбы упали в нескольких десятках метров от транспорта.

Столбы воды обрушились на палубу, сбивая с ног людей. Осколки ударили по сгрудившимся на верхней палубе пассажирам.

Новая серия авиабомб. Новые столбы воды еще ближе к судну. Крики раненых уже сливаются в общий протяжный вой.

Еще один «юнкерс» упал на крыло над «Виронией» и с ревом понесся на транспорт. Михайловский успел подумать, что видимо немцы считают, что на «Виронии» еще находится штаб флота и хотят в первую очередь утопить именно это судно, дабы лишить все конвои управления, когда яркая вспышка на верхней палубе ослепила его, и страшная сила взрыва бросила на настил палубы.

Вскочив на ноги, Михайловский понял, что лайнер получил прямое попадание авиабомбы в корму. На палубе в страшных позах лежали убитые, валялись части человеческих тел, везде лужи крови. Страшно кричали раненые, особенно женщины. Многих выбросило за борт, их отчаянные крики доносились из воды.

«Вирония» потеряла ход. Бомба, пробив палубу, вывела из строя котельное отделение, разрушив главный паропровод. Клубы раскаленного пара вырывались наружу, образуя над транспортом белое облако, напоминающее саван.

18:09

Главстаршина Веретенников, находившийся у вентиляционного грибка вблизи дымовой трубы «Виронии», успел заметить, как над мостиком «Виронии» поднялся белый флаг с голубым прямоугольником посередине, означавший, как было уже известно всем пассажирам,

«Воздушный налет». Он смотрел на идущий впереди «Виронии» ледокол «Кришьянис Вальдемарс», на котором бушевал пожар.

Он только в самый последний момент увидел «юнкерс», падающий на «Виронию». Заметил в тот момент, когда от бомбардировщика уже отделилось несколько черных капель, продолжающих падение на транспорт.

Главстаршина взрыва не слышал. Видимо, был оглушен и очнулся уже в воде. Вынырнув, он почувствовал страшную боль в ушах. Ему показалось, что «Вирония» куда-то быстро удаляется, в то время как его самого относило от судна. Увидев какую-то плавающую доску, Веретенников ухватился за нее и даже не успел еще подумать о том, что делать дальше, как чьи-то сильные руки подхватили его, подняли из воды и вытащили на борт морского охотника. С брюк и бушлата солиста театра КБФ стекала вода. Лицо и руки были черными от мазута. Разъедало глаза.

— С «Виронии» сбросило? — участливо спросил Веретенникова командир катера с нашивками старшего лейтенанта на кителе.

— Да, — с трудом ответил ошеломленный Веретенников. — Мы из ансамбля песни и пляски КБФ.

— А кем ты там был, главстаршина? — поинтересовался командир.

— Старшиной ансамбля, — Веретенников почувствовал, что ноги у него подкашиваются и, опустившись на палубу, закончил: — Певец я, Веретенников.

Командир заулыбался. Оказывается, он не однажды слушал Веретенникова на концертах.

— Раздевайся! — приказал он певцу. — Иди вниз, обсохни. А мы твою форму выжмем.

Отогревшись в тепле моторного отсека катера, не обращая внимания на шум двигателя и запах мазута, главстаршина задремал.

Капитан Черепанов продолжал держать свой буксир «КП-6» на том месте, где почти одновременно погибли транспорт «Элла» и буксир «С-101». Подошедший к месту катастрофы спасатель «Сатурн» вытащил из воды несколько человек, но затем, подчиняясь какому-то новому приказу, быстро ушел в голову колонны. За ним помчался и «Аметист».

Буксир «КП-6» шел через огромное пятно мазута, разыскивая уцелевших. На воду был спущен вельбот. Казалось, что на поверхности воды прыгало много человеческих голов, напоминающих из-за мазута страшные черные шары. Спасенных подцепляли баграми, вытаскивали за волосы и за шиворот, бросали им концы. Они валились на палубу, не в силах ни кричать, ни стонать и лежали, вращая красными, разъеденными мазутом глазами. Многих рвало смесью соленой воды, мазута и желчи. Некоторые были ранены и их смыло с носилок, установленных прямо на верхней палубе «Эллы».

Когда подсчитали, спасенных оказалось всего 49 человек. Среди них не было ни капитана Лепни и вообще никого из числа команды «Эллы». Просто на маленьком и без того переполненном буксирном пароходике, каким был «КП-6», спасенные с «Эллы» выглядели гораздо большим количеством, чем были на самом деле. Но это было все, что осталось из 905 человек, которые числились по официальным документам на борту ВТ-530 «Элла» перед выходом из Таллинна, хотя, конечно, их было гораздо больше. Но сколько — уже не мог сказать никто...

Перегруженный «КП-6» пытался сдать спасенных на плавмастерскую «Серп и Молот», но та ушла уже слишком далеко вперед.

К счастью, вблизи появился спасатель «Нептун», посланный от отряда прикрытия вперед по приказу адмирала Пантелеева, чтобы оказать помощь поврежденным

транспортам и участвовать в спасении людей. Спасенных с «Эллы» пересадили на «Нептун», который затем полным ходом ушел вперед.

А «КП-6», приведя более-менее в порядок верхнюю палубу, отчаянно дымя пошел вслед за уходящим конвоем, надеясь догнать плавмастерскую «Серп и Молот», на траверзе которой ему полагалось находиться.

18:15

Писатель Николай Браун выскочил на верхнюю палубу ледокола «Кришьянис Вальдемарс» еще во время первого налета авиации, когда, видимо, осколками вблизи упавших бомб были подожжены какие-то ящики, сложенные на корме ледокола. Впрочем, пожар довольно быстро потушили.

Около шести часов вечера начался артиллерийский обстрел с берега и появились бомбардировщики противника.

К счастью, от береговой артиллерии немцев конвой прикрыли вовремя появившиеся главные силы флота во главе с «Кировым».

Но от самолетов прикрыться было нечем.

Не обращая внимания на зенитный огонь с эсминцев сопровождения, «юнкеры» устремились в атаку. Уже по их действиям было видно, что это были не робкие курсанты летных училищ, а опытные боевые пилоты. Браун видел, как повалилась на борт пылающая «Элла», загнанная самолетами на минное поле.

На мостике ледокола на это никак не отреагировали. «Кришьянис Вальдемарс» продолжал идти прежним курсом.

Браун не выдержал.

— Надо спасти их, — закричал он, пытаясь забраться на мостик. — Спустите шлюпки!

Вместо ответа капитан Петр Мауритис взял рупор и скомандовал:

— Очистить палубу! Всем пассажирам вниз!

Браун уже хотел послушно спуститься по трапу вниз, когда услышал крики: «Вирония!» «Вирония!»

Он подскочил к борту и увидел, как окутанная паром «Вирония» стоит без хода, выйдя из строя влево.

В этот момент кто-то закричал «Воздух!» и Браун увидел, как со стороны кормы — прямо из-под солнца — на ледокол устремились два немецких бомбардировщика. «Кришьянис Вальдемарс», положив руль вправо, начал описывать циркуляцию, пытаясь уклониться от атаки.

Внезапно Браун почувствовал, что как будто кто-то со страшной силой ударил ледокол снизу. «Кришьянис Вальдемарс» подпрыгнул и затрясся в грохоте. Взрывной волной, поднявшей угольную пыль, Брауна сбило с ног и бросило на палубу.

Вскочив на ноги, журналист пытался понять, что произошло. Видимо, уклоняясь от бомбардировщиков, ледокол подорвался на mine, которая сработала под угольной ямой судна. Какое-то время над палубой стояло почти непроницаемое облако угольной пыли, оседавшее на людях и трещавшее на зубах.

Ледокол сильно накренился. Стараясь сохранить спокойствие, Браун огляделся. Кто-то пытался спустить шлюпки, другие, надев спасательные пояса, или без них бросались за борт, третьи — с криками ужаса метались по палубе, не зная, что предпринять.

Браун быстро сбросил с себя одежду, оставшись в трусах и фуфайке, поскольку почему-то решил, что так будет теплее в воде.

На палубе грудой лежали деревянные плотики, заготовленные командой на всякий случай. Браун вытащил один из них и подошел к борту тонущего судна. Мутная пенящаяся вода была совсем близко. Ледокол уже сильно осел: до поверхности воды было не более метра. Браун столкнул плотик в воду и прыгнул за борт.

Плотик на воде долго не хотел ему подчиняться: то он вставал на дыбы, то увертывался из-под рук и переворачивался. Наконец Браун догадался лечь на него животом и грудью: появилась надежная опора, а руки и ноги оставались свободными.

Со своего плотика Браун увидел на сильно накренившейся палубе ледокола двух женщин, оцепеневших от ужаса. Они не решались прыгать.

Браун крикнул им, чтобы они скорее прыгали и отплывали в сторону. Он вспомнил прочитанные в юности книги о том, что тонущие корабли увлекают за собой в воронку все, что находится рядом.

18:20

Взрыв мины под «Кришьянисом Вальдемарсом» застал фотокорреспондента ТАСС Николая Янова на мостике, откуда он пытался фотографировать атаки бомбардировщиков на транспорта первого конвоя.

Ему показалось, что в ледокол попала торпеда с подводной лодки. Судно подбросило в воздух, тяжело опустило в воду, где с непонятной дрожью ледокол стал крениться на борт.

Вместе с каким-то матросом-латышом Янов побежал на корму, где были сложены частично обгоревшие спасательные плотики. Они сбросили за борт два плота, но их быстро унесло куда-то в сторону.

Палуба уходила из-под ног, и Янов не стал терять времени. Сбросив шинель и аккуратно положив на палубу фотоаппарат, он бросился за борт, неизвестно на что рассчитывая, поскольку не умел плавать.

Вода вытолкнула его на поверхность. Мимо проплывало какое-то бревно, за которое он успел схватиться. Оглядевшись, он увидел в воде еще несколько человек, державшихся за бревна, в том числе и знакомого ему художника газеты «Красный Балтийский флот» Льва Самойлова. Мимо плыли какие-то обломки дерева, чьи-то бескозырки и трупы тех, кого уже мертвыми выбросило за борт.

Янов видел, как вблизи проходят какие-то шлюпки, до отказа переполненные людьми. Он кричал, но шлюпки проходили мимо, не обращая на него внимания.

Бревно крутилось в воде, ускользя из рук. Кроме

того, на него пытались взобраться две обезумевшие от страха женщины. К счастью, мимо проплывал большой ящик с надписью «Бухгалтерия театра КБФ». Янов бросил бревно и уцепился за него. Также сделали еще двое: раненый, в одном белье, со спасательным поясом и молодая женщина в легком платье. Тело Янова цепенело от холода и он понимал, что долго так не продержаться...

18:25

Актрисе театра КБФ Валентине Богдановой-Мирской показалось, когда «Кришьянис Вальдемарс» подрвался на mine, будто какой-то мифический великан ударил в днище ледокола гигантским молотом.

Богданова вместе со своим мужем и другими артистами находилась в этот момент в каюте старшего механика ледокола Якоба Сюпольса, который пытался успокоить пассажиров, нахваливая ледокол как самое безопасное плавсредство на свете.

После того, как ледокол подбросило, все и, в первую очередь, разумеется, механик, обратили внимание на то, что прервался мерный и ритмичный шум, издаваемый машиной «Кришьяниса Вальдемарса». Только секунду все сидели в каюте оцепеневшими, а затем бросились на верхнюю палубу. Из открытого люка машинного отделения валил едкий и липкий дым, заставший Богдановой глаза. Когда она выскочила на палубу, ей показалось, что она осталась на ледоколе совершенно одна. Вокруг абсолютно никого не было видно. Палуба заметно крепилась.

Сбросив противогаз, пальто и туфли, молодая женщина бросилась в воду. Вынырнув, она, к большому удивлению, услышала около себя голос мужа: «Плыви скорее прочь от корабля — затянет!» Она поплыла наугад в каком-то забытьи, пока снова не услышала крик: «Валя! Валя! Плыви к нам!» Подняв голову из воды, актриса увидела своего мужа, еще одного артиста Деранкова и матроса, державшихся за крохотный плотик. Из

последних сил она подплыла к ним и, уцепившись за плотик, пыталась отдышаться, выплевывая изо рта грязную мазутную воду. Затем они увидели скрипача из своей бригады Михаила Левина. Помогли ему освободиться от противогаза и бушлата. Но пятерых плотик выдержать уже не мог — он тонул. Пришлось по очереди отплывать и возвращаться. Богданова пыталась найти взглядом ледокол, с которого она прыгнула не более, как ей казалось, пяти минут назад. Но ничего не видела кроме маслянистых волн.

К счастью, артистам пришлось недолго пробыть в воде. Шлюпка со спасателя «Нептун» подобрала их и доставила на свое судно, подошедшее к транспортам 1-го конвоя от отряда прикрытия.

18:30

Николай Браун не видел, как ледокол «Кришьянис Вальдемарс» пошел ко дну. Он лишь слышал за своей спиной предсмертное сопение гибнущего судна и страшный гул вытесняемого из трюмов воздуха.

Когда Браун с трудом оглянулся, переворачиваясь на спину, то увидел на месте «Кришьяниса Вальдемарса» огромную засасывающую воронку. Булькая и чмокая, она заглатывала все, что попадало в ее жерло, выплевывая лишь деревянные обломки.

Он не помнил, сколько ему пришлось проплавать, цепляясь за какие-то доски и плотики. Но, к счастью, не очень долго. Брауна вытащили на шлюпку, спущенную, как сказали ему, с транспорта № 563. Этот номер носил пароход «Атис Кронвалдс», но Николаю Брауну тогда было не до выяснения таких подробностей. У него еще хватило сил самому подняться по шторм-трапу на высокий борт судна. На транспорте всем спасенным выдали сухую одежду. Брауну досталась старая роба «бэу» и хлопчатобумажные штаны.

Страшно продрогший, он пристроился на решетчатый люк машинного отделения, от которого дышало

теплом, и начал забываться в короткой дреме. Но постоянно приходилось просыпаться от гремящих со всех сторон взрывов и воя немецких бомбардировщиков.

18:35

Еще не пришедший в себя после попадания в «Виронию» первой авиабомбы военный корреспондент Михайловский наблюдал, как к стоящему без хода лайнеру задним ходом подходит спасательное судно «Сатурн», подывая на «Виронию» буксирный конец. «Вирония» заметно осела кормой. Соответственно приподнялся ее нос. Но самоотверженно работающие матросы втащили на бак толстенный восьмидюймовый перлинь и завели его на носовые кнехты.

Около транспорта держался эсминец «Суровый», вытаскивая из воды сброшенных взрывом за борт людей.

С мостика «Сатурна» капитан Субботин что-то кричал в рупор капитану 3-го ранга Ростику — командиру подбитой «Виронии». «Сатурн» дал ход, медленно разворачивая «Виронию» снова на протраленный фарватер. Стоявшая у противоположного борта толпа людей неожиданно издала какой-то общий вздох и закричала.

Михайловский бросился к борту и увидел, как уходит носом в воду ледокол «Кришьянис Вальдемарс» и мечутся на палубе фигурки людей. Журналист отошел от борта и присел прямо на настил палубы, облокотившись спиной на трубопровод, бегущий под нижними иллюминаторами надстройки. Хотелось положить голову на руки и заплакать, но времени для сантиментов не было.

Снова завывли сирены воздушной тревоги, и на этот раз три «юнкерса», зайдя с кормы (со стороны солнца), ринулись на идущую на буксире «Виронию», не имеющую возможности совершить хоть какой-нибудь маневр уклонения.

На палубе началась паника. Охваченные ужасом люди стали метаться от борта к борту. Некоторые в истерике выкинулись за борт.

Михайловскому показалось, что он слышит басовитый голос профессора Цехновицера: «Товарищи! Успокойтесь! Ведь с нами пока ничего не случилось! Паника — самое опасное в нашем положении...»

Михайловский видел, как ведущий бомбардировщик, клюнув носом и падая на крыло с воем и визгом срывается в пике. Корреспонденту показалось, что «юнкерс» падает прямо на него и сейчас бомба обрушится на его голову. Втянув голову в плечи и вцепившись в трубопровод, Михайловский ждал своей участи. Но бомба, не попав в «Виронию», взрывается где-то неподалеку в воде. Звонкий металлический звон прокатывается по поверхности залива.

«Вирония» продолжает плестись за «Сатурном», который изо всех сил старается не отстать от других транспортов.

Матросы собирали убитых попаданием бомбы с явным намерением выбросить тела и останки за борт. Но капитан 3-го ранга Ростик приказал всех сложить под брезент на юте, чтобы доставить в Кронштадт. На войне хуже нет — попасть в число без вести пропавших.

Михайловский продолжал сидеть на прежнем месте. Он вспомнил, что так и не поужинал, но есть совершенно не хотелось. Вспомнилась опять красавица-официантка с точеным лицом, черными косами, голубыми глазами и фигурой десятиклассницы. Но спускаться в каюткомпанию он не стал. Сам не знает почему. Возможно потому, что подсознательно понимал — из каюткомпания можно и не успеть выскочить наверх, если в «Виронию» попадет еще одна бомба.

И снова в уши ворвался умопомрачающий вой сирен.

Михайловский видел, как мимо «Виронии» прошел эсминец «Свирепый», пытаясь дымовой завесой прикрыть транспорт от хищно-беспощадных глаз вражеской авиации.

Капитан-лейтенант Мазепин — исполняющий обязанности командира эскадренного миноносца «Свирепый» — готов был поклясться, что ясно видит перископ подводной лодки, выходящей в атаку на транспорты*.

Перископ бороздил воду всего в каких-нибудь трех кабельтовых по левому борту эсминца. Мазепин немедленно повел корабль на цель и в 18:40 сбросил на лодку две большие и одну малую серии глубинных бомб, а затем таранил ее. На корабле ощутили сильный удар, в результате которого была повреждена наделка паравана, а на поверхность воды поднялись большие пузыри воздуха и появились масляные пятна.

Начиная с 12:31, когда «Свирепый» снялся с якоря на Таллиннском рейде, он постоянно находился рядом с транспортами, пытаясь оказать беззащитным судам хоть какую-то помощь.

Эсминец шел со средней скоростью пять с половиной узлов, что было наиболее мучительным. Старпом «Свирепого» старший лейтенант Николай Стрельцов, как и положено, скрупулезно требовал от вахтенных записи всех происшествий в походе и, с некоторым удивлением, убедился, что с 15:29, когда было отмечено первое появление самолетов противника, они уже пятьдесят восемь раз атаковали конвой и сам «Свирепый».

Экипаж эсминца, накопивший за два месяца войны огромный опыт борьбы с авиацией немцев, сравнительно легко уклонялся от вражеских атак. Погода была ясная, ветер слабый. Немецкие бомбардировщики, подходящие на высоте четыре тысячи метров, удавалось обнаруживать на достаточно значительном расстоянии. Скорость

* Еще раз повторяем, что НИ ОДНОЙ подводной лодки противника в районе перехода не было. Нам придется повторить это еще несколько раз, поскольку война на море почти полностью состоит из галлюцинаций.

их горизонтального полета составляла примерно 430—440 километров в час, так что всегда было время занять оптимальную позицию для открытия заградительного огня. Со «Свирепого» заметили, как разнятся по боевому опыту немецкие летчики. Некоторые группы бомбардировщиков атаковали конвой на пологом снижении и, увидев первые же «цветки» разрывов зенитных снарядов, предпочитали сбросить бомбы куда угодно и поскорее уйти на базу. Другие просто игнорировали зенитный огонь любой плотности, заходя в пики под углом 75—80 градусов.

Около 18 часов, когда одновременно с налетом самолетов с мыса Юминда стала бить береговая батарея, «Свирепый» увеличив скорость до шестнадцати узлов, понесся вдоль колонны, включив аппаратуру дымзавес и три морских дымовых шашки. Дымовая завеса получилась плотной, почти без окон и достаточной высоты. И держалась около двадцати минут.

Гибель транспорта «Элла» и ледокола «Кришьянис Вальдемарс» и повреждение «Виронии», по мнению капитан-лейтенанта Мазепина, разделяемому всеми находящимися на мостике эсминца, не обошлась без помощи подводных лодок. Десятки глаз сигнальщиков и специальных наблюдателей следили за поверхностью моря, чтобы вовремя заметить появление вражеских субмарин и не дать им возможности выйти в атаку на незащищенные транспорты.

18:55

С мостика лидера «Минск» адмирал Пантелеев увидел, как на мачте эсминца «Славный» взвился сигнал: «Вижу подводную лодку!»

— Атакуйте, — приказал Пантелеев.

Приказ на «Славный» был передан семафором и продублирован прожектором.

«Славный», набирая ход, бросился куда-то влево и начал сбрасывать с кормы большие глубинные бомбы.

Гром и фонтаны от взрывов следовали один за другим. На «Минске» насчитали 37 взрывов*.

В 19:00 над отрядом прикрытия снова проплыли «юнкерсы» в сторону ушедших конвоев. И вскоре из-за горизонта послышались гулкие разрывы авиабомб. На горизонте были видны лишь какие-то вспышки. Но расстояние было слишком большим. Ничего толком разглядеть не удалось.

Справа по курсу внезапно открылся стоявший без хода катер МО. Его спросили семафором: что случилось? Катер просигналил в ответ, что подбирает людей с погибшего ледокола «Кришьянис Вальдемарс».

Радиостанция «Минска» постоянно принимала сигналы бедствия от находящихся впереди судов. Подорвался на mine и погиб тральщик «Краб» (ТЩ-71). Снаряд немецкой береговой батареи прямым попаданием утопил катер МО-233. Погиб на mine сторожевик «Топаз». Через минуту пришло сообщение о подрыве на mine посыльного судна «Юпитер», затем — паровой шаланды «Петергоф».

Через некоторое время по левому борту лидера «Минск» проплыл спасательный круг с надписью «Краб». Сигнальщики и впередсмотрящие постоянно поднимали ложные тревоги, сообщая об обнаружении мин. Любой предмет на воде, будь то ящик или бочка, казались минами или перископами подводных лодок.

Лидер маневрировал, стараясь ничего не задевать корпусом. А обломки, влекомые течением, уже проплывали мимо чуть ли не сплошным потоком. Разбитые шлюпки, плотики, спасательные круги... и трупы, плывущие, как правило, лицом вниз, поддерживаемые на поверхности спасательными поясами. Напряжение на кораблях адмирала Пантелеева росло и требовало какого-то выхода.

* Еще раз напоминаем: подводных лодок противника в районе перехода не было.

Поэтому, когда раздался очередной крик сигнальщика: «Слева двадцать градусов торпедные катера! Идут на нас!», отряд мгновенно ошестинился огнем из всех орудий.

На дистанции девяносто кабельтовых (примерно семнадцать километров), на кромке северного горизонта строем уступа неслись какие-то малые корабли. «Минск», а за ним «Скорый» и «Славный» открыли ураганный огонь из тринадцати 130-мм орудий.

Ударной волной больно стегало адмирала Пантелеева по глазам, но он, стараясь не отрываться от бинокля, следил за падением снарядов. Недолет. Опять недолет. Ему казалось, что орудия стреляют очень медленно. Но вот он увидел попадание, после которого торпедные катера, развернувшись, пустились наутек*.

На всех кораблях кричали «ура!», настроение сразу поднялось.

С мостика «Минска» было видно, как на баке эсминца «Скорый» ликующие матросы машут бескозырками.

19:03

С надстройки парохода «Алев» матрос Сергей Заяицкий одним из первых заметил новую волну приближающихся немецких бомбардировщиков. Он надеялся, что

* Это снова было многострадальное звено катеров из состава главных сил в составе пяти единиц: ТКА-73, 74, 94, 103 и 113. Проводя разведку к северу от движения конвоев, катера пытались присоединиться к своим кораблям, но снова, как и несколько часов назад, были отогнаны артиллерийским огнем эсминцев, несмотря на то, что отчаянно подавали по радио и световыми сигналами свои позывные.

На этот раз огонь эсминцев был метче, чем накануне. Получил попадание снарядом и позднее затонул торпедный катер ТКА-103.

Воспользуемся случаем, чтобы повторить, что 28 августа ни немецкие, ни финские торпедные и прочие катера в море не выходили.

они выберут более достойные цели, чем их старый эстонский пароход.

«Алев», следуя в 1-м конвое, имел на борту 1280 пассажиров, из которых 843 составляли раненые.

Но Заяицкий ошибся. Три «юнкерса» выбрали именно его пароход. К счастью, это были снова пилоты-практиканты, поскольку снизившись в пологом пике примерно до высоты двух километров, они сбросили веер бомб, разорвавшихся в воде по обоим бортам «Алева».

Капитан Покидов, перебегая с одного крыла мостика на другое и, прикрыв глаза от пронзительных лучей солнца, повисшего еще достаточно высоко над линией западного горизонта, давал команды на руль.

Отчаянно гудя и оставляя за собой клочья дыма, «Алев» менял курсы, стараясь не выйти с полосы, которая считалась протральной.

А над «Алевым» появилось новое звено бомбардировщиков. На этот раз это были машины типа «Хе-III». Они не пикировали, но несли гораздо больше бомб, чем пикировщики «Ю-87».

Лес водяных столбов поднялся вокруг старого парохода. Просто чудом он еще избегал прямых попаданий.

Неожиданно яркая вспышка ослепила Сергея Заяицкого. Бомба взорвалась прямо над мостиком «Алева». Матрос успел заметить как упал, повиснув на ограждении, сраженный взрывом капитан Покидов, когда ударная волна сбросила его самого за борт.

Придя в себя от холодной воды, Сергей поплыл к пароходу. Он видел разгорающийся на надстройке пожар, но «Алев» продолжал движение. Видимо, попадание бомбы не нанесло слишком тяжелых повреждений транспорту. Матрос закричал вслед уходящему судну, но никто его, разумеется, не услышал. Команда боролась с огнем, а толпы пассажиров в ужасе, громко крича, металась по палубе.

Заяицкий барахтался в море, плохо соображая от контузии, полученной в результате того взрыва, что

сбросил его с надстройки в море. Он не мог даже определить, в какую сторону ему плыть и в каком направлении находится берег, не думая о том, что до берега ему так или иначе не доплыть.

Наткнувшись на какое-то бревно, моряк ухватился за него, перевел дух и огляделся: нет ли кого еще вокруг. Через некоторое время он услышал женский голос, зовущий на помощь.

Не раздумывая, Сергей отцепился от бревна и поплыл в ту сторону, откуда доносился призыв о помощи. Вскоре он увидел женщину, которая уже выбивалась из сил, судорожно шлепая по воде руками и захлебываясь. Матрос обхватил женщину, приподнял ее голову над водой и, подгребая одной рукой, поплыл к спасительному бревну.

Они поплыли дальше, ухватившись за противоположные концы бревна. Через некоторое время, метрах в пятидесяти от себя, моряк заметил подпрыгивающую на волнах площадку. Крикнув женщине, чтобы та продолжала держаться за бревно, Сергей поплыл к обнаруженной площадке. Подплыв поближе, матрос с радостью убедился, что площадка оказалась простым, но довольно прочным плотом. Забравшись на плот, он стал руками грести в сторону бревна, где оставалась женщина. Хорошо, что погода была тихой и плот, хоть медленно, но двигался в нужном направлении. В итоге Сергею удалось втащить на плот и спасенную женщину.

19:10

На переполненной палубе транспорта «Казахстан» лейтенант Абрамичев, командир роты управления погрузенного на судно зенитного полка, выполняя приказ капитана Калитаева, пытался организовать из своих подчиненных группу слежения за минами и подводными лодками по левому борту транспорта.

Однако опыта у зенитчиков в опознавании мин и перископов явно не было. Один из подчиненных Абрамичева,

младший сержант Козлов, едва заняв позицию у лееров, завопил страшным голосом: «Мина по левому борту!»

«Казахстан» застопорил ход. «Мина в пяти метрах от борта!» — снова закричал Козлов. «Казахстан» стал отработывать задним ходом.

На галдящей, переполненной верхней палубе наступила тишина. Люди, оцепенев, смотрели на младшего сержанта Козлова, будто от него зависело взорвется мина или нет.

Находящийся на борту «Казахстана» командующий противовоздушной обороной КБФ генерал Зашихин вопросительно посмотрел на капитана. Вместо того, чтобы находиться в уступленной ему капитанской каюте, генерал торчал на мостике, нервируя вахту.

Абрамичев бросился к борту и, холодея, увидел мину — темную, круглую, плавно ударяющуюся о борт транспорта. Первой реакцией Абрамичева было прыгнуть за борт и попытаться отвести мину от борта, но он, как и все остальные, в немом оцепенении смотрел, как страшная смерть ласково терлась о борт «Казахстана». И тут тот же Козлов заорал во все горло: «Не мина это! Бочонок!»

Вглядевшись, Абрамичев увидел железные обручи на боках, плюнул и смачно выругался.

С мостика матюгнулись в мегафон.

«Казахстан» дал ход, нагоняя ушедшие вперед корабли и суда 2-го конвоя.

19:20

Фотокорреспондент Николай Янов плыл, продолжая держаться за спасительный ящик с надписью «Бухгалтерия театра КБФ», чувствуя, как цепенеет тело и уходят последние силы. Раненый в белье и женщина в легком платье также еще держались за ящик, хотя уже несколько раз срывались, погружались в воду, затем с шумом всплывали, жадно лоя раскрытым ртом воздух и судорожно хватаясь за бухгалтерский ящик.

Помощь пришла, как всегда, совершенно неожиданно.

Какое-то судно, напоминающее небольшой буксир, украшенный четырехствольной установкой, составленной из пулеметов «максим», внезапно остановился возле терпящих бедствие людей. С борта им были брошены концы.

Втянутый на борт Янов, к величайшей своей радости, выяснил, во-первых, что маленькое суденышко называется «Метеор»; во-вторых, что командует им его старый знакомый Александр Пунченко и, в-третьих, что судно вовсе не буксир и не спасатель, а сторожевик, о чем и свидетельствует четырехствольный пулемет.

На маленьком и старом «Метеоре» уже собралось около семидесяти спасенных с разных судов, которых Пунченко вытащил из воды.

Выяснилось, что на дряхлом спасателе нет даже компаса. Пунченко, смеясь, доказывал, что компас только мешает судовождению. Вечно показывает не туда.

«Метеор» шел совершенно один. Почти все транспорты и их охранение ушли уже далеко вперед. Сигнальщики внимательно следили за поверхностью воды, ища не столько мины, сколько оказавшихся в воде людей. Но пока они натыкались только на мертвых, которых спасательные пояса еще держали на поверхности.

«Метеор» продолжал ковылять со скоростью не более трех узлов, постоянно меняя курс на любой предмет, замеченный на поверхности.

19:35

Командиру подводной лодки «Щ-301» капитан-лейтенанту Грачеву так и не удалось получить от командования каких-либо вразумительных инструкций относительно своих дальнейших действий.

Придя на Таллиннский рейд из продолжительного боевого патрулирования в тот момент, когда флот уже готовился к уходу со своей главной базы, Грачев получил приказ встать на якорь за пределами бонового заграждения и ждать дальнейших приказаний.

Однако никаких дальнейших приказаний не последовало.

Связаться с командиром бригады подводных лодок капитаном 1-го ранга Египко Грачеву не удалось. Он даже не знал, что четыре лодки бригады включены в состав главных сил. Несколько раз он пытался запросить «Киров» о своих дальнейших действиях. Но «Киров» мрачно и величественно молчал.

Когда мимо «Щ-301» прошел первый конвой, в составе которого были три подводные лодки, Грачев запросил разрешения пристроиться к ним. Но снова не получил ответа.

Так же молча мимо него прошел 2-й и 4-й конвои.

И только когда он запросил 3-й конвой, с канонерской лодки «Амгунь» ответили «добро», разрешив пристроиться в хвост колонны, где шли катера МО-301 и МО-302.

Третий конвой долгое время шел практически без всяких происшествий вслед за четырьмя парами тихоходных тральщиков. Уже после 18:00 над транспортами появилась «рама» и, покругившись минут десять, ушла в сторону южного берега залива. Позже, о чем было объявлено сигналом с «Амгуни», тральщики начали подсесть мины и расстреливать их.

Колонна стопорила ход. Затем «Амгунь» и «Урал» снова выстраивали потерявшие строй транспорты в подобие кильватерной колонны и конвой медленно двигался дальше на восток. Небо было ясным, почти безоблачным. Еще теплое августовское солнце светило в корму кораблей.

Капитан-лейтенант Грачев не слышал взрыва. Лодку подбросило и, чтобы удержаться на ногах, Грачев ухватился руками за кронштейны, на которых крепился котелок рубочного компаса. Стоявшего рядом с ним вахтенного сигнальщика выбросило взрывом за борт.

Мина взорвалась в кормовой части лодки, убив всех находящихся в кормовом торпедном отсеке. Корма оказалась развороченной. Гребные валы со срезанными лопастями винтов загнулись кверху. Из разрушенных

аппаратов торчали торпеды, каким-то чудом не детонировавшие.

Командир БЧ-5 инженер капитан-лейтенант Тильзо, находившийся в момент взрыва на центральном посту, решительными действиями предотвратил панику и организовал борьбу за живучесть, объявив аварийную тревогу. Осмотрев повреждения с палубы, Грачев спустился внутрь лодки. Положение было безнадежным. Взрывом содрало задрайки водонепроницаемого люка, ведущего из кормового торпедного отсека в дизельный. Погнутые валы лишили лодку хода и она медленно погружалась с увеличивающимся дифферентом на корму.

Убедившись в безнадежности положения, капитан-лейтенант Грачев приказал экипажу покинуть лодку. «Щ-301» всего через две минуты после того, как подводники попрыгали за борт (спасательные плотки снесло взрывом), приняв почти вертикальное положение, затонула.

К счастью, вскоре подошедший катер МО вытащил из воды капитан-лейтенанта Грачева и 14 человек экипажа «Щ-301». Недоставало 22 моряков.

Пока морской охотник занимался спасением подводников, конвой ушел за горизонт. Командир катера полным ходом пошел вдогонку, но вместо 3-го конвоя догнал 1-й. В конце поредевшей колонны транспортов ковыляла подбитая «Вирония» на буксире спасательного судна «Сатурн». На нее и был пересажен капитан-лейтенант Грачев с остатками экипажа погибшей подводной лодки «Щ-301».

19:55

Начальник походного штаба командующего флотом капитана 1-го ранга Питерский систематически докладывал адмиралу Трибуцу о потерях в различных отрядах и конвоях. На «Кирове» еще пытались осуществлять какое-то управление прорывом, хотя в действительности перешли на фиксацию совершившихся фактов. И то потому,

что командиры конвоев еще имели возможность докладывать о случившемся.

В 19:20 пришло сообщение о гибели плав-маяка-брандвахты тыла КБФ «Восток», видимо, от подрыва на mine.

Затем в 19:45 пришел доклад о гибели подводной лодки «Щ-301» то ли от мины, то ли от попадания торпеды.

В 19:55 сообщили о гибели на mine тральщика № 56 «Барометр», а через 10 минут — о гибели тральщика № 42.

Адмирал молча слушал доклады, кивая головой. Молчал и стоявший рядом контр-адмирал Дрозд.

Из состояния задумчивости адмиралов вывел грохнувший впереди взрыв, затем другой. В голове отряда взметнулись высокие столбы воды. Одновременно на идущем впереди «Сметливом» тревожно загудел ревун и к рее взлетел флаг: «Вижу плавающую мину».

— Что там такое? — нервно спросил адмирал Дрозд.

— Взрывы мин в тралах головных тральщиков, товарищ адмирал, — доложил старшина вахтенной группы сигнальщиков.

— Мина с правого борта! — закричал в тот же момент один из сигнальщиков.

Трибуц и Дрозд выскочили на крыло флагманского мостика.

Зловеще шевеля на волне своими страшными рогами, черный шар мины проплывал метрах в тридцати по правому борту. И снова крик сигнальщика: «Слева по борту мина!» Эта мина уже ближе. Ее придется обходить. Расстрелять ее нельзя — слишком близко она шла от борта кораблей.

На флагманском мостике прибыло народу. Появился дивизионный комиссар Смирнов и генерал-майор Николаев. Их лица выражали явную тревогу, чтобы не сказать большего.

Только дивизионный комиссар Лебедев остался в салоне, решая хитроумную шахматную задачу.

Он был фаталистом.

— Что случилось, Владимир Филиппович? — спросил Смирнов.

Трибуц молча кивнул головой в сторону борта.

Переспрашивать не было никакой необходимости.

По левому борту крейсера, танцую на легкой волне, плыли уже две мины. Казалось, что они игриво шевелят своими смертоносными рожками. Дивизионный комиссар Смирнов поймал себя на том, что не может отвести взгляда от страшного вида этой рогатой смерти.

«Киров» вильнул на курсе, сократив расстояние до мины, плывущей с правого борта.

Дивизионный комиссар Смирнов явно хотел задать еще какой-то вопрос командующему, на что он имел полное право как член Военного Совета КБФ, но в этот момент все вздрогнули от нового крика сигнальщика: «Мина в правом параване!»

20:10

На ходовом мостике «Кирова» капитан 2-го ранга Сухоруков искусно управлял десятью тысячами тонн движущейся стали.

«Киров» шел узкой протраленной полосой, настолько узкой, что произнесенная сторяча одна неверная команда рулевому могла стать последней.

Крейсер двигался по этой полосе, выставив под водой у форштевня справа и слева параваны-охранители от якорных контактных мин, формой корпуса и крыльев схожие с самолетами. Натянутые тралящие части параванов при встрече с минрепом отрывали его якорь от грунта, минреп скользил по тралящей части до резака, секущего многотонным сильным ударом, якорь с отсеченным минрепом падал на дно, а мина, отведенная далеко в сторону, всплывала. Так было в теории.

На практике же немцы, прекрасно зная о конструкции наших параван-охранителей, вплетали в минреп кусок якорь-цепи, так что резак не мог перерубить минреп,

а параван вместо того, чтобы отводить мину от борта, напротив, подводил ее к кораблю.

Когда Сухорукову доложили, что правый параван всплыл, а затем, что в правом параване застряла мина, жизнь крейсера и всех находящихся на его борту зависела от его следующего слова. В считанные секунды, хладнокровно оценив ситуацию, Сухоруков приказал постепенно уменьшать скорость хода, нисколько не маневрируя рулем.

А параван все ближе и ближе подводил смертельный черный шар к борту. Все понимали: достаточно рогам мины прикоснуться к корпусу корабля, и будет взрыв, который разворотит всю носовую часть крейсера. На всех открытых боевых постах верхней палубы люди оцепенели от ужаса.

На бак бросились матросы боцманской команды во главе со старшим боцманом крейсера мичманом Алексеем Очеретенко. В руках у них были длинные шесты с рогачами. Эти шесты были заготовлены еще до войны, чтобы при уборке паравана зацепить его и не дать коснуться борта, поцарапав краску.

Упершись шестами в параван, матросы слегка отвели мину от борта «Кирова». Рогатый шар напоминал живое существо — морское чудовище, рвущееся к борту корабля, невзирая на все усилия людей.

— Да обрубите вы параван к чертовой матери!!! — с нотками истерики в голосе крикнул адмирал Дрозд. — Что это за техника, которая под ручку подводит к нам смерть?!

Застрявшая мина по инерции течения продолжала рваться к борту. Матросы боцманской команды блестяли потом покрасневших от напряжения лиц. Одно неверное движение шеста и — все... Сотни глаз следили за рогатым чудовищем, которое то всплывало, обнажая гладкую, полированную спину, то снова исчезало в волнах.

С мостика по трансляции передали команду: «Сварщика Кошубу на полубак!»

На полубак бегом направляется маленький, щуплый матрос-сварщик Петр Кошуба. Главный боцман обвязал Кошубу линем, пока другие матросы быстро «вооружили» беседку, на которой сварщик был спущен с полубака — у самого форштевня — вниз, почти в самую бурлящую пену носового буруна. Картина была фантастическая. Сварщик сидел на узенькой дощечке, едва не касаясь ногами поверхности воды. Беседка раскачивалась. Встречная волна обдавала матроса брызгами. Казалось, одно неосторожное движение — и он сорвется вниз. С палубы подали вниз кабель. Вспыхнул яркий огонь электросварки, каскадом полетели во все стороны искры.

Наблюдая за действиями сварщика, капитан 2-го ранга Сухоруков с ужасом услышал крик сигнальщика:

— Мина в левом параване!

На полубак были срочно вызваны комендоры первой и второй башен главного калибра. Вооружившись шестами они начали отводить мину от левого борта, а второй сварщик Валентин Шуляпин был, как и Кошуба, спущен на беседке вниз резать тралящую часть паравана левого борта.

Капитан 2-го ранга Сухоруков, занятый отдачей команд в эти критические минуты, только сейчас заметил, что адмирал Трибуц, член Военного Совета Смирнов и капитан 1-го ранга Питерский спустились с мостика и стоят на полубаке у левого борта, наблюдая, как показалось Сухорукову, за действиями сварщика Шуляпина.

В этот момент старшина сигнальщиков доложил Сухорукову: «Яков Свердлов» меняет курс».

Сухоруков вскинул бинокль. Следовавший по левому борту крейсера эскадренный миноносец «Яков Свердлов» стал склоняться вправо, подняв сигнал: «Меняю курс. Имею особое приказание».

20:25

С эсминца «Сметливый» прямо по курсу обнаружили еще одну плавающую мину. Ревуном и сигналом капитан 2-го ранга Нарыков предупредил об этом остальные корабли, малым ходом обойдя опасное место. В воздух поднялся столб воды, по морю снова пронесся грохот. Это катер МО расстрелял замеченную мину.

«Сметливый» продолжал идти впереди «Кирова» за ледоколом «Суур-Тылл». Привычно и ровно гудели вентиляторы, чуть вибрировали палубы и носовая надстройка, едва заметными облачками в вечернее небо вырывался дымок из трубы. Солнце уже стояло достаточно низко над горизонтом, но было совсем светло.

— Крейсер застопорил ход! — внезапно доложил вахтенный сигнальщик.

Нарыков быстро перевел ручки машинного телеграфа на «Стоп». Эсминец остановился, плавно покачиваясь.

Вместе с капитаном 2-го ранга Солоухиным Нарыков пытался в бинокль рассмотреть, что случилось на флагмане. Там на баке толпились люди. Чуть в стороне от них в бинокль можно было четко различить высокую фигуру командующего флотом и подпрыгивающий у борта черный шар мины.

— Затралили мину параваном, — сказал Солоухин. — Режут тралящую часть.

— И в левом параване у них мина, — подтвердил Нарыков. — Положеньице!

На «Сметливом» по обоим бортам стояли матросы с шестами и футштоками. Шедшие впереди тральщики подсекали мины, которые должны были расстреливать катера охраны. Но их было слишком мало, чтобы справиться с этими опасными обязанностями. Поэтому в считавшейся протраленной полосе плавало много мин. Кроме них течение несло навстречу кораблям мины, сорванные с якорей бушующим накануне штормом.

«Киров» продолжал стоять без хода.

— Застряли, — огорченно заметил Солоухин, взглянув на часы.

Было 20 часов 34 минуты.

— Товарищ командир, — доложил сигнальщик, — «Яков Свердлов» идет на сближение с «Кировым».

Нарыков перевел бинокль на эсминец.

«Яков Свердлов», шедший в пяти кабельтовых от «Кирова» на курсовом угле 60 градусов левого борта, склонялся вправо, сближаясь с крейсером.

— «Имею особое приказание», — прочел сигнал Солоухин. — Будет снимать адмирала с «Кирова». Как пить дать, — предположил командир дивизиона.

Нарыков нервничал. «Киров» даже не предупредил, что будет стопорить ход, с некоторым опозданием подтянув до места шары.

На скулах «Кирова» продолжала, рассыпая тучи искр, сверкать электросварка. Резать сталь электродами — дело муторное и долгое.

Если флагман остановился, фактически никого не предупредив, то он может и ход дать, никому об этом не сообщив. Нарыков приказал сигнальщикам внимательнее следить за флагманом. Видно тамошнее начальство, которого так много на борту крейсера, очень сильно нервничалось.

— Не нравится мне все это, — сказал Солоухин. — Стоим без хода как мишени. Дайте сигнал на «Гордый», — комдив указал биноклем в сторону правого борта. Пусть прикроет нас дымовой завесой хотя бы со стороны берега. А то...

Грохот страшного взрыва за их спинами заставил Солоухина и Нарыкова резко обернуться. У ошеломленных моряков вырвался крик боли и ужаса. Высокий столб воды, огня, пара и дыма встал за передней дымовой трубой эсминца «Яков Свердлов». На глазах у потрясенных офицеров эсминец переламывался пополам. Нос и корма с грохотом и треском все больше поднимались над клоковатшей водой, а середина исчезала в пучине. В

смеси воды, пара, мазута, пробковой изоляции и дымившихся обломков барахтались и кричали оказавшиеся за бортом люди.

20:36

Сильный удар сбил с ног всех, стоявших на мостике эскадренного миноносца «Яков Свердлов». Позади мостика поднялся огромный столб пламени, дыма и пара. Падая лицом на машинный телеграф, капитан 2-го ранга Спиридонов успел перевести рукоятки на «Стоп» и на мгновение потерял сознание.

Придя в себя, Спиридонов почувствовал, что палуба уходит из-под ног. Рядом с ним вцепившись в поручни находился вахтенный офицер старший лейтенант Гордымов. Спиридонов оглянулся на корму и сразу понял, что взрыв в районе первого торпедного аппарата разорвал эсминец пополам. Кормовая часть, переворачиваясь, задиралась вверх. С кормового мостика успели прыгнуть за борт старпом капитан-лейтенант Багринов и рулевой старшина Картузов. На носу перед мостиком Спиридонов видел около десяти человек. Носовая часть эсминца быстро уходила в воду. Поняв полную безнадежность ситуации, командир «Якова Свердлова» приказал всем спастись, прыгая за борт.

Воздух живыми белесыми пузырями вырывался из погружавшегося корпуса, а ему навстречу мощный водоворот закручивал и проглатывал людей. Эсминец все еще гневно шипел паром, фонтанировал мазутом из разбитых цистерн и душераздирающе выл замкнувшей сиреной.

Когда волны уже смыкались над погибающим кораблем, огромный столб воды и оглушительный взрыв стали как бы салютом к погребению легендарного «Новика». Это сработали гидростатические взрыватели глубинных бомб, приготовленных для борьбы с немецкими подводными лодками, убив примерно половину из тех, кому удалось прыгнуть за борт.

20:38

С мостика катера МО-112 мичман Попенкер ясно видел, как гигантский столб воды, огня и дыма закрыл эсминец «Яков Свердлов». Мичману показалось, что когда этот столб осел, эсминец продолжал идти вперед. И только следующий взрыв прикончил «Яков Свердлов». Попенкер в ужасе наблюдал, как медленно (ему даже показалось, что «мучительно долго») сворачивается на правый борт полубак эсминца с носовым орудием и его расчетом. У мичмана сложилось впечатление, что эсминец потерял только носовую часть, а две трети его корпуса остались на плаву и корабль продолжал идти вперед, когда прогремел третий взрыв, самый мощный, по его мнению, в результате которого эсминец перевернулся. Сила взрыва была такова, что следовавший в кильватер МО-142 лейтенанта Обухова тряхнуло так, что у него заглох двигатель, и к месту катастрофы подошел только МО-112 лейтенанта Семена Гимпельсона.

Попенкер успел заметить и зеленое днище «Якова Свердлова», уходящее в воду с вращающимися винтами...

На месте гибели эсминца растеклось огромное пятно мазута. Перегнувшись через борт моряки МО-112 хватали скользких от мазута ошеломленных людей, вытаскивали их на палубу, сразу же протирая тампонами им глаза, нос, рот и уши, а затем размещая по всем отсекам катера, отдавая им свое обмундирование, отпаивая чаем и угощая шоколадом из НЗ.

Среди вытасценных на катер был и капитан 2-го ранга Спиридонов.

20:38 (то же самое время)

На «Кирове» не сразу поняли что произошло, когда над «Яковом Свердловым» в небо внезапно взлетела шапка огня и дыма. Когда она осела, все увидели, что «Яков Свердлов», переломившись на две части, стремительно исчезает в морской пучине. Через несколько мгновений

только пятно мазута и крутящиеся в водовороте обломки указывали то место, где только что был легендарный корабль.

Адмирал Трибуц почувствовал, как что-то оборвалось у него внутри. Лучшие годы его флотской службы были те, когда он командовал «Яковом Свердловым». И сейчас, видя в какой ситуации оказался «Киров», он хотел перейти на свой любимый корабль и с него продолжать управлять прорывом. Но, видимо, его привязали к «Кирову» не только строжайшие приказы командования, но и беспощадный рок. Как только он хотел перенести свой флаг с «Кирова», «Яков Свердлов» погиб прямо у него на глазах. Еще долгие годы адмирал Трибуц не смирится с этой гибелью и не осознает ее до конца. И долго ему будет сниться огненный столб, внезапно вырвавшийся из-под корпуса «Якова Свердлова» на высоту более двухсот метров.

На ходовом мостике крейсера капитан 2-го ранга Сухоруков, служивший когда-то на «Якове Свердлове» штурманом, не имел времени для эмоций и сожалений. Но как старый штурман точно отметил место гибели легендарного эсминца: 59 градусов 42 минуты северной широты и 25 градусов 45 минут восточной долготы*.

* Еще во время войны по поводу гибели эсминца «Яков Свердлов» стал формироваться миф, существующий и по сей день. Согласно этому мифу, капитан 2-го ранга Спиридонов обнаружил немецкую подводную лодку в тот момент, когда та уже выпустила торпеду по крейсеру «Киров». Чтобы спасти флагман, командир «Якова Свердлова» подставил свой эсминец под предназначенную «Кирову» торпеду, совершив, таким образом, акт героического самопожертвования.

С мифами, тем более такими красивыми, как этот, бороться совершенно невозможно, да, пожалуй, и не стоит. Такова природа человека, в которой все протестует против бессмысленной гибели, особенно если при этом противнику не удалось нанести никакого ущерба (см. продолжение сноски на следующей странице).

Адмирал Трибуц, опомнившись от шока, вызванного почти мгновенной гибелью «Якова Свердлова», снова перевел глаза на работу за бортом сварщика Шуляпина. Тралящая часть паравана хрустнула, переломилась, оторвалась от борта крейсера и вместе с миной ушла в сторону.

Сварщика Кошубу уже подняли на полубак, где он стоял посиневший и зябко ежился, счастливо улыбаясь. Шуляпина тоже начали втягивать на борт.

А адмирал Трибуц, не глядя ни на кого, стал подниматься на мостик. «Киров», взвизгнув ревуном, дал малый ход.

В этот же момент по правому борту крейсера прогремел оглушительный взрыв. Взбежав на флагманский мостик, Трибуц увидел, как над эскадренным миноносцем «Гордый» медленно оседает гигантский водяной занавес.

Но в этой связи хочется обратить внимание на одно интересное совпадение. Как и многие предыдущие военно-морские мифы, как, скажем, миф о «Варяге» или миф о «Стерегушем», миф о «Якове Свердлове» придуман не в России. Подобно мифу о «Варяге», запущенному немецкими газетами (даже песня «Наверх вы, товарищи, все по местам!» пришла в Россию в переводе с немецкого), подобно мифу о «Стерегушем», запущенном американской газетой «Норт Чайна Ньюз», миф о гибели «Якова Свердлова» тоже пришел из-за границы, а вернее, из оккупированного немцами Таллинна.

Правда, в первоначальном варианте мифа фигурировала не немецкая подводная лодка, а финский торпедный катер. Впервые об этом поведала выходящая в оккупированном немцами Таллинне газета «Ээсти Сына» в номере от 4 декабря 1941 года. В этой газете, которую все советские историки дружно называли «рупором фашистской пропаганды», говорилось: «Огромный советский корабль «Киров» был атакован финским торпедным катером. Но точно направленной финской торпедой преградил путь сопровождающий «Киров» миноносец, который погиб моментально. «Киров» был спасен и мог продолжать путь»...(см. продолжение сноски на следующей странице).

Следя с мостика «Гордого» за обстоятельствами гибели «Якова Свердлова», капитан 3-го ранга Евгений Ефет чувствовал, что его бьет нервная дрожь. Подчиняясь скорее эмоциям, чем рассудку, он приказал начать поворот влево, намереваясь придти на помощь погибающим товарищам.

Внезапно сильный взрыв у правого борта «Гордого» резко подбросил эсминец вверх, а затем корабль стал

Из «рупора фашистской пропаганды» этот миф перекочевал в Управление пропаганды и агитации ГлавПУРа РККФ и был с удовольствием подхвачен. Правда, позднее «финский торпедный катер» трансформировался в «подводную лодку» — чаще немецкую, но иногда и в финскую.

В последнем варианте окончательная редакция мифа, дополненная показаниями свидетелей, выглядит следующим образом: «В 20 часов 40 минут, — вспоминает бывший командир эсминца Александр Спиридонов, — старшина сигнальщиков Быховец доложил мне о появлении перископа фашистской подводной лодки. Взглянув в указанном направлении, я увидел торчащий над водой кончик перископа. В этот момент послышался новый доклад: «Обнаружен след торпеды!» Крейсер «Киров» уменьшил ход, так как в его параваны попали мины. Раздумывать было некогда, я бросил эсминец наперерез торпедой. Спасая флагман, «Яков Свердлов» принял удар врага на себя. Раздался страшной силы взрыв, корабль стал быстро погружаться в воду...»

«Я находился на запасном командном пункте на кормовом мостике, — вторит своему командиру бывший рулевой эсминца Николай Картузов, — и вместе с сигнальщиками вел наблюдение за воздухом и морем по секторам. Мы заметили подводную лодку, а затем увидели и след торпеды, мчавшейся на крейсер «Киров». Помощник командира обо всем замеченном передавал на носовой мостик. После того, как он доложил о следе торпеды, через несколько секунд наш корабль сделал рывок вперед, и торпеда попала в центральную его часть, расколов миноносец пополам» (см. продолжение сноски на следующей странице).

куда-то бесконечно долго проваливаться. Высокий полубак «Гордого» скрылся под водой, волна пронеслась по всей верхней палубе, подхватила стоявших у торпедного аппарата комиссара Носикова, торпедиста Буенкова и минера Самойленко и понесла их за борт. В последний момент всем троим удалось уцепиться за леера и они висели за бортом, пока их не втянули на палубу комендоры.

«Хорошо помню, — как бы утверждает эту сказку наш старый знакомый дивизионный комиссар Смирнов, — сигнальщик крейсера «Киров» (я был на мостике «Кирова») доложил, что видит след торпеды. В то же время «Яков Свердлов» увеличил ход и, поравнявшись с «Кировым», взорвался. След торпеды видел не только сигнальщик, но и многие, кто был на мостике, в том числе и я...»

И хотя никто из серьезных военно-морских историков и мемуаристов, таких как сам адмирал Трибуц, адмирал Пантелеев и исследователь всего класса «новиков» Цветков, этой легендой не пользуются, она живет и будет жить века. Последний раз в августе 1995 года этот миф озвучила большевистско-православная радиопрограмма «Андреевский флаг». Но с нее спрос невелик.

Мы не будем здесь разбираться, с чем имеем дело: со случаем массовой галлюцинации, не редкой в боевых операциях на море, или с хорошо состряпанной пропагандистской уткой, истоки которой мы указали.

Но тем не менее хочется сказать по этому поводу еще несколько слов.

В истории всех войн, которые вела наша страна в XX веке, многие действия противника преподносятся не как боевые в ходе войны, а как диверсионные акты, проводимые в мирное время, о которых принято помалкивать вечно. Получается какая-то странная картина: мы гордимся своими подвигами, а противник их почему-то стыдится. Поэтому допустим, что какой-то спятивший немецкий или финский адмирал послал свои подводные лодки прямо в гущу своих и наших минных заграждений. Ничего не поделаешь — война! (См. продолжение сноски на следующей странице).

Прокатившаяся по эсминцу волна сбила с ног расчеты артиллерийских орудий. Осколками и ударной волной были убиты: командир первого котельного отделения старшина 1-й статьи Николай Савин и командир отделения визировщиков старшина 2-й статьи Петр Иванов. Взрывом был разорван на куски вышедший в этот момент на палубу командир машинной группы лейтенант Арустамов. Позднее на мостике, где были установлены зенитные орудия, была обнаружена его оторванная рука, заброшенная туда силой взрыва. Получил контузию командир зенитного орудия старшина 2-й статьи Михаил Куличихин, ранены электрики Раскин и Никулин. Пропал без вести трюмный машинист Михаил Маслов.

В котельном отделении «Гордого» возник пожар. В нескольких местах гидравлическим ударом пробило корпус корабля ниже ватерлинии. Верхняя палуба на корме вздулась. Эсминец лишился хода и электроэнергии; через подводные пробоины в корпус хлынула вода.

Борьбу за живучесть «Гордого» возглавили командир БЧ-5 эсминца капитан-лейтенант Дергачев и дивизионный механик Норов. На пробоины завели пластыри, укрепили водонепроницаемые переборки, запустили водо-

И одна из этих подводных лодок, благодаря доблести своего экипажа и боевому мастерству командира, не только не подорвалась на mine, но сумела прорваться к главным силам КБФ на дистанцию торпедного залпа и утопить эскадренный миноносец противника!

Так почему же нам ничего не известно об этой подводной лодке через пятьдесят лет после окончания войны?

Какой она несла номер, как фамилия ее командира, какова ее дальнейшая судьба?

Зная порядки, царившие в немецком флоте, могу уверенно сказать, что все эти данные были бы опубликованы еще в ходе войны. А сейчас и подавно.

Без понимания таких простых вещей невозможно понимать историю. Приходится постоянно глотать сладенькие пилюли мифов.

отливные средства. Однако вода продолжала поступать внутрь корабля. Электроэнергии на эсминце не было, аварийные насосы не действовали, а ручные водоотливные средства с откачкой воды не справлялись. Дергачев и Норов, оценив обстановку, пришли к выводу, что корабль может продержаться на плаву не более двух часов.

«Гордый» медленно погружался, кренясь на правый борт.

Заходящее солнце низко висело над линией западного горизонта. «Киров» с тральщиками и «Сметливым» виднелись далеко слева по носу. Ближе к «Гордому» прямо на его траверзе шли друг за другом четыре подводные лодки.

Лидер «Ленинград» стоял на месте гибели «Якова Свердлова».

Подводные лодки проходили мимо него.

20:46

Трюмный машинист Михаил Маслов, выброшенный взрывной волной за борт с эсминца «Гордый», видимо, какое-то время был без сознания. Приписанный по боевому расписанию к группе сброса глубинных бомб, Маслов перед взрывом находился на корме эсминца, одетый в спасательный капковый жилет. Риск оказаться за бортом в процессе сброса глубинных бомб был очень велик. Этот жилет и спас ему жизнь в те несколько минут, пока матрос был без сознания, не дав утонуть.

Очнувшись, Маслов ничего рядом не увидел, кроме странного черного предмета. Матрос ухватился за этот предмет и только тогда рассмотрел, что это мина. Державшимся за мину его и заметили с проходящей мимо подводной лодки «С-5».

— Не подходите близко! — крикнул Маслов. — Я держусь за мину!

Проводив свою страшную спутницу подальше от лодки, Маслов схватился за брошенный ему конец и был втянут на палубу «С-5».

Ему предложили спуститься вниз и обсохнуть в дивельном отсеке. Он отказался.

И сам не знает — почему. Просто не было сил влезать на рубку и потом спускаться вниз по скоб-трапу. Маслов был контужен, но еще не чувствовал этого.

20:50

С рубки подводной лодки «С-5» капитан 1-го ранга Египко видел, как на палубу вытащили какого-то матроса. На лодке слышали взрывы, но точно не знали какие именно корабли подорвались на минах.

Впереди, примерно в двух кабельтовых, медленно продвигался вперед «Киров». В кильватер «С-5» держалась однотипная «С-4» капитан-лейтенанта Абросимова.

Вместе с командиром бригады на рубке «С-5» находились: командир лодки капитан-лейтенант Башенко, командир 3-го дивизиона подводных лодок капитан 3-го ранга Аверочкин и комиссар бригады Обушенков. Курс держали по крейсеру «Киров». Было еще совсем светло. Погода оставалась тихой и ясной.

Капитан 1-го ранга Египко был одет в застегнутую на все пуговицы шинель. На груди его висел французский бинокль, привезенный из Испании, а под шинелью была кобура с пистолетом. Египко непроизвольно обратил внимание на то, что находящийся на мостике матрос-сигнальщик стоит в расстегнутом бушлате.

Внезапно вспышка на носу лодки ослепила командира бригады. Инстинктивно он сорвал с себя бинокль и успел заметить, что сигнальщик сбросил бушлат.

Настил мостика мгновенно ушел у Египко из-под ног и он оказался затянутым мощным водоворотом, на время потеряв сознание. Скоро его выбросило на поверхность. Тяжело контуженный капитан 1-го ранга барахтался в воде, стараясь сбросить с себя тяжелую намокшую шинель. С огромным трудом ему удалось это сделать. Сбросив и китель, Египко судорожно глотнул воздух, чувствуя, что снова теряет сознание.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что держится за какой-то брус красного цвета. Перед мысленным взором командира бригады встали образы родных и близких людей, калейдоскопом замелькали сцены из семейной жизни.

Внезапно он увидел около себя с трудом державшегося на воде капитана 3-го ранга Аверочкина. Командиру дивизиона оторвало ногу и он взывал о помощи, истекая кровью. Но Египко ничем не мог ему помочь. Вскоре Аверочкин потерял сознание и утонул.

Египко видел, как совсем близко от него прошла подводная лодка «С-4». Он забился в воде, пытаясь выпрыгнуть вверх и крича, зовя по фамилии командира лодки: «Абросимов! Абросимов! Командир бригады здесь! Спаси!» Но лодка прошла мимо.

Силы покидали капитана 1-го ранга. Давала себя знать контузия. Все происходило в каком-то тумане. Египко почувствовал, что его тянет на дно и в легкие идет вода, сначала холодная, потом теплая. Пришел в себя комбриг уже в трюме морского охотника. Оказывается, какой-то матрос поддерживал его на плаву в бессознательном состоянии. Позднее выяснилось, что это был матрос Маслов с «Гордого», которого взрывом вторично выбросило за борт — на этот раз с палубы «С-5».

Египко лежал в трюме катера в полузабытьи. Кто-то хотел снять с него мокрую одежду, но Египко простонал: «Не трогай...» и снова впал в беспамятство.

20:52

Услышав взрыв за кормой «Кирова», адмирал Трибуц успел заметить столб воды, поднявшийся в носовой части подводной лодки «С-5». Когда столб осел, подводной лодки на поверхности уже не было. Это было и страшно, и непонятно. Откуда взялась эта мина. Ведь всего минут пятнадцать назад над этим местом прошел «Киров».

— Так не должно быть! — внезапно сорвался на крик адмирал. — Крейсер прошел, а лодка взорвалась.

Непонятна мне эта гибель. Что за мины они используют?!

— Товарищ адмирал, — доложил капитан 1-го ранга Питерский, — с «Гордого» семафор: «Не имею хода, погружаюсь».

Как ни странно, но это привело командующего в себя.

— Свяжитесь со Святовым, — приказал он, — чтобы немедленно выслал к «Гордому» спасательное судно и охранение. А пока свяжитесь с «Минском». Пусть Пантелеев пришлет «Гордому» один из тральщиков, чтобы тот начал буксировать эсминец.

Мощный взрыв по курсу прервал оперативное совещание на флагманском мостике «Кирова».

— Что там еще? — не спросил, а скорее выдохнул командующий.

Отряд остановился.

Выяснилось, что в тралах «Гафеля» (Т-205) взорвалась мина. От взрыва тральщик лишился хода и управления. Тралы оказались перебитыми и требовали замены.

20:55

С рубки подводной лодки «Лембит» старший лейтенант Алексей Матиясевич наблюдал все подробности гибели подводной лодки «С-5».

«Лембит» шел третьим в строю — в кильватер «С-4», но головная лодка была видна хорошо. В бинокль были видны люди, стоявшие на ее рубке. Всех их Матиясевич хорошо знал и легко мог опознать. Выделялась плотная фигура героя Советского Союза, командира их бригады, капитана 1-го ранга Египко, рядом с которым стоял командир лодки капитан-лейтенант Башенко, комиссар лодки Кольский, командир БЧ-2-3 старший лейтенант Матвеев и боцман «С-5» мичман Дмитриев. Чуть отдельно выднелись командир дивизиона Аверочкин и полковой комиссар Обушенков.

Прежде чем услышать взрыв, Матиясевич увидел, как над подводной лодкой «С-5» появился огромный,

черный, с медно-красным отблеском столб. Он немного сместился вправо и обрушился на воду. К этому моменту «С-5» уже не было на поверхности залива.

На «Лембит» удалось поднять только матроса-комендора Антоненко, сброшенного в воду взрывом почти к самому борту «Лембита». Командир «Лембита» капитан-лейтенант Полешук, стоявший рядом с Матиясевичем на мостике, приказал остановиться, но видя, что «С-4» продолжает движение, отменил свой приказ. На «Лембите» слышали крики о помощи, но ничего сделать не могли. Чтобы оказать помощь людям, сброшенным взрывом в воду, нужно было выходить с протраленной полосы, а на борту «Лембита» было двадцать мин и полный запас торпед...

С востока уже надвигалась вечерняя мгла. Солнце, низко вися над горизонтом, светило с кормы.

Не успели на «Лембите» прийти в себя от гибели «С-5», как справа, метрах в двадцати от борта «Лембита» рванула мина, затем слева — вторая. Лодку подбросило взрывной волной, в отсеках что-то зазвенело, местами погасло освещение.

Затем грохнуло где-то впереди. И вся колонна остановилась.

21:00

Лейтенант Дармограй отдыхал в кают-компании эсминца «Славный» от многочасовых обязанностей наблюдателя на верхней палубе корабля. Выпив горячего чая, Дармограй с удовольствием развалился в кресле и, не обращая внимания на разговоры других командиров, задремал.

Неожиданно все ясно услышали и даже ощутили металлический скрежет в носу корабля. Лейтенант открыл глаза. Все, находящиеся в кают-компании, мгновенно затихли, прислушиваясь к скрежету. Все знали, что он означает: в параван эсминца попала мина.

Скрежет продолжался 10—15 секунд, а затем прогремел

оглушительный взрыв. Кресло подбросило вверх, сбросив лейтенанта на палубу. Двери салона и кают, выходящих в коридор, сорвались с петель, перегородив выход на верхнюю палубу. Погас свет.

Дармограй, нащупав в темноте отброшенную в сторону фуражку, вместе с другими стал в крошечной темноте пробираться наверх.

После сплошной темноты внутренних помещений вечерние сумерки показались Дармограю ярким светом. Когда он добрался до верхней палубы, столб воды от взорвавшейся в параване мины к этому времени обрушился на эсминец, стоявший без хода. Сбитому с ног Дармограю показалось, что корабль с обоих бортов заливает водой.

Лейтенант стоял у носового орудия и видел, как эсминец заметно садится носом. По переговорной трубе было слышно, как командир эсминца капитан 3-го ранга Осадчий запрашивает кого-то: обнаружены ли пробоины и глухой ответ, что еще нет.

Выяснилось, что вода заливает носовой артиллерийский погреб, но пробоину в темноте никак не найти. Включенные помпы не успевали откачивать воду — она быстро заполняла помещение погребов.

Вода уже доходила матросам по горло, когда наконец пробоину удалось обнаружить и заткнуть бушлатами, робами и прочими попавшими под руку вещами.

Необходимо было завести на пробоину пластырь, но почти вся боцманская команда занималась разгрузкой боезапаса кормовых погребов, чтобы облегчить корабль.

Дармограй вызвался помочь боцману и они с помощью еще одного матроса подвели пластырь под пробоину. Течь прекратилась и помпы начали откачку воды.

Три окоченевших и усталых матроса выбрались из погреба, где они искали пробоину, и были отправлены в лазарет на предмет растирания.

Корабль стоял на якоре с оторванным правым параваном. Матросы налаживали новый. Была спущена и

проведена под нос эсминца шлюпка. Находящимся в ней матросам было приказано следить за приближением к эсминцу плавающих мин и отводить их. Вдоль бортов были поставлены люди с футштоками, шестами и просто досками.

Предосторожности оказались не напрасными. Сразу же одному из матросов пришлось бросаться со шлюпки в воду, чтобы руками отвести мину, которую течением несло прямо на «Славный».

Прошло совсем немного времени и со шлюпки раздался крик:

— Мина слева, в десяти метрах, плывет на корабль!

Лейтенанту Дармограю казалось, что мина плывет прямо на него. Подняв с палубы доску, лейтенант выставил ее навстречу шарообразному чудовищу. Все мысли Дармограя свелись к одному — удержать мину на расстоянии от борта, чтобы та не коснулась своими страшными рогами корабля.

Мина вела себя как живое существо. Когда конец доски касался ее, она как бы отпрыгивала в сторону и норовила обойти доску то справа, то слева, то проскочить под ней.

Собрав все силы, Дармограй держал двумя руками шестиметровую доску, следя как черный шар, мерно покачиваясь, проходил вдоль борта эсминца.

Наконец мину удалось провести за корму.

Сумерки сгущались и все со страхом думали о том, что через час станет слишком темно, чтобы различать черные шары на черной поверхности моря.

21:10

Адмирал Пантелеев тревожным взглядом проводил три мины, проплывшие по левому борту лидера «Минск». Идущие впереди тральщики чуть ли не ежеминутно подсекали мины. Мины взрывались в тралах, приходилось останавливаться, ожидая заводку запасных тралов.

Адмирал Пантелеев едва успел убедиться, что мины ушли за корму лидера, как впередсмотрящий матрос дал предупреждающий сигнал свистком и крикнул: «По носу вижу мины. Две, три, пять!»

Капитан 2-го ранга Петунин рванул ручки машинного телеграфа на «Полный назад». Пять черных шаров, вызывающе покачиваясь, медленно проплыли вдоль бортов лидера: три с левого борта, два — с правого.

На мостике «Минска» слышали отдаленные взрывы, наблюдая вспышки на горизонте. Временами корпус лидера содрогался от близких взрывов мин в тралах собственных тральщиков. Мины рвались то поодиночке, то сразу несколько. Сколько рогатых шаров, несущих смерть, проплыло дальше — за корму кораблей отряда прикрытия — не мог сказать никто.

И самое неприятное: около 21:00 с тральщиков доложили, что все тралы перебиты, заменять их нечем. Тральщики, продолжая держаться строя уступа, теперь шли только с параванами. Ширина протраленной полосы при этом постоянно сужалась и в конце концов достигла всего полтора кабельтова.

Затем пришло донесение, что у эсминца «Славный» в параване взорвалась мина. Корабль временно лишился хода, принял через пробоину 420 тонн воды и вынужден был встать на якорь.

В 21:08 пришло сообщение, что подорвалось на mine спасательное судно «Колывань», а чуть позднее — о гибели от полученных повреждений ТКА-103*.

Сигнальщики постоянно докладывали: «Взрыв слева пятнадцать градусов! Взрыв прямо по носу!» С кем и что случилось — этого уже на мостике «Минска» разобрать не могли. Отряд продолжал медленно продвигаться на восток.

Адмирала Пантелеева и всех находящихся на мостике

* Позднее адмирал Пантелеев был очень удивлен, когда выяснилось, что ТКА-103 был поврежден артогнем с «Минска».

«Минска» более всего раздражал тихий ход. Хотелось идти привычным для лидера ходом не менее двадцати узлов. Но идущие впереди тральщики с трудом «выжимали» двенадцать узлов.

Справа неожиданно возник силуэт эсминца. С него семафором сообщили: «Подорвался на mine. Не имею хода. Нуждаюсь в помощи».

Это «Гордый» из отряда главных сил.

Адмирал Пантелеев приказал направить «Гордому» тральщик «Гак» (Т-120) старшего лейтенанта Станового. На тральщике находился начальник штаба бригады траления капитан 3-го ранга Лихолетов.

21:20

С местика эскадренного миноносца «Сметливый» было хорошо видно, как в правый параван крейсера «Киров» снова попала мина.

Крейсер застопорил машины.

И в этот момент ожила уже четыре часа молчавшая немецкая береговая батарея с мыса Юминда. Снаряды с первого же залпа стали ложиться вблизи кораблей, разрываясь в воде. Свистели осколки, от ударной волны вздрагивали корпуса кораблей. «Киров» не имел уже никакого прикрытия с флангов. Куда-то исчез и лидер «Ленинград», державшийся у флагмана за кормой. После гибели «С-5» исчезли и три оставшихся подводных лодки.

Ювелирно работая одной целой машиной и давая быстрые команды на руль, капитан 3-го ранга Нарыков развернул эсминец «на пяточке», лег на обратный курс и стал ставить дымовую завесу, чтобы закрыть от глаз артиллеристов противника стоявший без хода флагман.

«Сметливый» остался один из всего охранения «Кирова» и теперь должен был делать работу, которая возлагалась ранее на три эскадренных миноносца и лидер.

Всплески от взрывов немецких снарядов вставали впереди, справа и слева от «Сметливого», шедшего по самой кромке протраленной полосы, рискуя каждую

секунду наскочить на мину. Плотная дымовая завеса окутала «Киров».

Снова развернувшись эсминец вышел на траверз правого борта «Кирова» — на то место, которое раньше занимал «Гордый», и открыл огонь по батарее противника.

Залп за залпом посылали четыре стотридцатки «Сметливого» по береговой батарее, вызвав на себя всю ярость ответного огня. Эсминец с выставленными параванами-охранителями, лишенный возможности использовать свое главное оружие — скорость и маневренность, идя средним ходом по узкой протральной полосе — вел бой с хорошо замаскированной в лесу береговой батареей — сам, четко проецируясь на фоне западного горизонта.

К счастью, в этот момент «Киров» справился с очередной миной, затральной в параван, взревел ревуном и дал по неумемной батарее залп из носовых башен.

Та мгновенно замолчала.

«Сметливый» встал на свое место впереди крейсера. Над заливом сгустились сумерки. Поверхность моря теряла оттенки, превращаясь в сплошную темную массу. Темнота, обступая корабли, скрадывала расстояния. Чтобы лучше разглядеть плавающие мины, впередсмотрящие на носу «Сметливого» легли на палубу. Нарыков короткими толчками продвигал эсминец вперед, а с полубака в надвигающейся темноте постоянно звучали доклады о замеченных минах.

21:30

С мостика накренившегося «Гордого» капитан 3-го ранга Ефет молча следил, как к его поврежденному эминцу малым ходом подходит тральщик «Гак».

— От начальника штаба флота, — крикнул в рупор капитан 3-го ранга Лихолетов. — Имею приказ оказать вам помощь или забрать экипаж. Если корабль в безнадежном состоянии — приказано потопить.

Ефет вызвал на мостик командиров боевых частей и потребовал высказать свое мнение о дальнейшей судьбе «Гордого».

Из докладов командиров БЧ следовало, что корабль в крайне тяжелом состоянии. Вода уже отвоевала у экипажа котельные и машинные отделения, два артиллерийских погреба, прорвалась в центральный артиллерийский пост, затопила гирокомпасную и цепной ящик. В кубриках и каютах вода доходила до колен.

Крен корабля достиг уже опасного размера.

Поколебавшись несколько мгновений, капитан 3-го ранга Ефет скомандовал: «Большой сбор! Тральщику подойти к левому борту!»

Собравшийся на палубе экипаж в немом оцепенении ждал решения командира.

— Приказываю, — твердым, не терпящим возражений голосом заявил Ефет, — остаться на корабле всему командному составу, старшинам, аварийным партиям и комендорам. Остальным перейти на тральщик. Возглавить уходящую команду приказываю лейтенанту Гайдукону и технику-интенданту 2-го ранга Ключкину. Для перехода даю десять минут. По местам!

«Гак», забрав большую часть экипажа эсминца, вышел вперед, пытаясь взять «Гордый» на буксир. Закрепили трос, тральщик дал ход, но эсминец не сдвинулся с места. Тральщик остановился, осторожно подался назад, набрав обороты, и вновь рванул буксир. Но вместо движения эсминца, назад пополз тральщик.

— Не могу, — крикнул в мегафон командир тральщика, — силенки мало. Буксирный конец отдали и тральщик начал удаляться.

На «Гордом» стояла тягостная тишина. Оставшиеся на борту эсминца сорок пять человек мысленно прощались с уходящими товарищами. Все понимали, что даже если «Гордый» продержится на плаву до утра, то будет обнаружен противником и новый бой неизбежен. А как долго сможет вести бой корабль в таком состоянии?

Громкий крик сигнальщика Степина вырвал моряков из забытья:

— Мина у правого борта!

Моряки рванулись к леерам. На черной маслянистой поверхности воды медленно раскачивался темный лоснящийся шар. Ветер прибывал его ближе к борту, а течение несло к корме. Казалось, еще один всплеск, и мина неминуемо ударится о корпус. Но всплеск повторялся, а мина, словно дразня, то приближалась, то отскакивала от борта. Трое матросов — Борзов, Алферов и Васькин — сбросили обмундирование, готовясь кинуться за борт, чтобы отвести мину от корабля. А она, играючи, буквально в двух метрах прошла под кормой.

А вода продолжала наступление на эсминец, просачивалась через пластырь, хлестала в разошедшиеся швы. Внизу продолжалась отчаянная борьба за живучесть «Гордого».

21:40

Палуба резко дернулась под ногами адмирала Пантелеева, больно подогнулись колени и, чтобы удержаться на ногах, начальнику штаба КБФ пришлось вцепиться в поручни мостика. Сверху на голову посыпались осколки фарфоровых изоляторов с мачты, какие-то стекла. Звук взрыва почему-то не слышал никто, но чуть позади правого крыла мостика «Минска» поднялся огромный черный столб, который, обрушившись, обдал всех стоявших на мостике лидера водопадом жирной воды, пахнувшей мазутом.

На палубе раздались крики и стоны. Послышалась команда: «Санитары, носилки!» Свет на корабле погас.

Слово «мина» никто не успел произнести, но и так всем было ясно, что именно она взорвалась у правого борта, подтянутая параваном, теоретически предназначенном для отвода мин от борта корабля...

Адмирал услышал крик рулевого: «Руль не работает, встали машины!»

Лидер «Минск» медленно кренился на правый борт и одновременно садился носом в воду.

По тому, как корабль неумолимо валился на бок, адмиралу Пантелееву показалось, что «Минск» сейчас перевернется. Он вспомнил, что в случае гибели корабль засасывает с собою людей даже хорошо умеющих плавать...

Откуда-то из темноты донесся спокойный голос капитана 2-го ранга Петунина, говорящего с постом энергетики и живучести:

— Доложите обстановку!

Система борьбы за живучесть корабля пришла в движение фактически мгновенно. В темноте что-то тащили, что-то роняли, что-то лопалось и лязгало. Глухо ударяли кувалды, мелькал свет аварийных фонарей. Из темноты, как всегда бывает в таких случаях, доносился густой, сочный мат.

В боевой рубке на приборной доске стрелки тахометров — указателей оборотов машин — медленно поползли влево и замерли около нулей. Заглохли вентиляторы машинных и котельных отделений.

И снова из темноты прозвучал почти истерический крик сигнальщика:

— Слева десять градусов мина!

Боцман с матросами, вооружившись шестами, стали осторожно вести мину вдоль борта, провели ее за корму и сообщили об этом стоявшему сзади «Минска» эсминцу «Скорый», который при неожиданном подрыве «Минска», чтобы не врезаться лидеру в корму, вынужден был выкатиться влево. Капитан 3-го ранга Баландин, командир «Скорого», запросил адмирала Пантелеева: не нужна ли помощь.

— Пока нет, — крикнул в мегафон Пантелеев. — Держитесь ближе и не выходите из протраленной полосы!

Между тем обстановка на «Минске» постепенно стала проясняться.

Взрыв мины произошел в двенадцати метрах от правого борта в районе 60—70 шпангоутов. Вышли из строя: телефоны группы управления, гидравлическое управление рулем, часть штурманских приборов. Оказались затопленными помещения рефрижераторной машины, артпогреба №№ 2 и 3, кингстонная выгородка, помещение гироскопа, помещение главной централи, погреб сухой провизии, арсенал, помещение гидроакустики и порожние нефтяные цистерны в районе 16—95-го шпангоутов. Через неплотности люков артиллерийских погребов и помещение гироскопа вода начала поступать в кубрики №№ 1 и 2, в 1-й и 4-й погреба и в 1-е котельное отделение. Корабль принял около шестисот тонн воды. Площадь подводной пробоины составляла около двух с половиной квадратных метров.

Распространение воды в 1-й и 4-й погреба пока удалось приостановить. Водонепроницаемые переборки напор воды удержат.

Радисты налаживали временную антенну, обещая вскоре обеспечить связь с командующим флотом.

Адмирал Пантелеев набросал текст радиограммы на крейсер «Киров»: «Подорвался на mine. Принял шестисот тонн воды. В помощи пока не нуждаюсь».

Крен «Минска» прекратился. Лидер даже немного выпрямился и перестал садиться носом. Но поврежденные взрывом машины запустить никак не удавалось.

Не действовал и руль, который с большим трудом установили в нулевое положение.

Лидер дрейфовал на минное поле. Встали на якорь, но якорь не держал.

В этот момент адмирал Пантелеев с ужасом убедился, что куда-то исчезли все быстроходные тральщики, которые вели его отряд прикрытия. Возможно, не заметив в темноте, что за ними уже никто не следует, тральщики ушли вперед?

На траверзе виднелось лишь штабное судно «Пикер», в суматохе отбившееся от отряда главных сил.

По приказу Пантелеева «Пиккер» подошел к левому борту лидера, приняв с подорвавшегося корабля раненых и часть пассажиров.

Адмирал Пантелеев лихорадочно обдумывал, что делать дальше.

Остаться без хода на минном поле было более чем рискованно. Ему совсем не хотелось барахтаться в черной мазутной жиже за бортом. Кроме того, с рассветом, даже если лидер до этого не подорвется еще раз, его расстреляет батарея с берега или прикончат бомбардировщики противника.

Немного подумав, адмирал приказал стоявшему за кормой эсминцу «Скорый» подойти и взять лидер «Минск» на буксир.

21:50

Капитан 3-го ранга Баландин ювелирно подвел «Скорый» к борту поврежденного «Минска», заслужив одобрение адмирала Пантелеева. Баландин предложил адмиралу Пантелееву перейти на «Скорый», к нему, уверяя, что управлять отрядом нужно с исправного корабля.

В принципе, он был прав, но какое-то шестое чувство подсказало адмиралу Пантелееву, что нужно остаться на «Минске».

Поэтому, поблагодарив командира «Скорого» за предложение, Пантелеев отказался. «Не хотелось покидать «Минск», на котором уже были пережиты тяжелые минуты», — напишет позднее адмирал в своих мемуарах.

Получив все указания по буксировке и пожелав всем на мостике «Минска» счастливого плавания, капитан 3-го ранга Баландин малым ходом отошел от лидера и стал его обгонять. Корма «Скорого» медленно прошла мимо форштевня «Минска», натягивая буксир. Как звездочка надежды блестел кильватерный огонь эсминца. Лидер мягко дернуло и буксирный трос потянул его за «Скорым». Но буксир вдруг разом осел, не успев даже как следует натянуться...

Взрыв показался адмиралу Пантелееву далеким и глухим, хотя он был исключительной силы. Видимо, от взрыва мины детонировали артиллерийские погреба «Скорого».

Гигантский столб воды и мазута из разбитых цистерн был настолько велик, что накрыл весь корабль, включая носовую надстройку и полубак. Все находящиеся на мостике, включая командира эсминца капитана 3-го ранга Баландина и его комиссара Корпикова, были мгновенно убиты. Силой взрыва, рванувшего в районе 137—159 шпангоутов, «Скорый» был переломлен на две части. Кормовая и носовая части корпуса после взрыва какое-то время оставались соединенными между собой только настилом верхней палубы и правым гребным валом. Корма от второй трубы вся была завалена обломками; кормовая надстройка — полностью разрушена, кормовой торпедный аппарат вместе с торпедами сорвало с палубного настила и выбросило за борт.

Почти сразу же после взрыва носовая часть корабля стала быстро валиться на правый борт, а затем подниматься вверх. Приняв почти вертикальное положение, носовая часть «Скорого», перевернувшись вверх килем, ушла в воду. Кормовая часть эсминца некоторое время еще пыталась сопротивляться, но море, чавкая, шипя и бурля пузырьчатой пеной, жадно заглатывало добычу...

Адмиралу Пантелееву казалось, что все это кошмарный сон.

Он видел, как встал вертикально в воде форштевень «Скорого», а затем корма с винтами и рулем. Корпус «Скорого», складываясь как перочинный нож, стремительно уходил под воду со скрежетом и шипением вырывающегося пара, словно кусок раскаленного железа, опущенный в море. Все эти страшные звуки вместе напомнили адмиралу Пантелееву падение десятков буфетов, наполненных посудой.

Из сгущающейся темноты доносились отчаянные крики людей, море усеялось десятками голов.

Опомнившись от шока, с «Минска» стали спускать шлюпки, бросать круги и концы. А страшные крики тонущих моряков с эсминца «Скорый» не умолкали.

Адмирал Пантелеев приказал снова стать на якорь и, разобравшись в обстановке, вызвать на помощь «Минску» какой-нибудь другой корабль.

21:55

Сигнальщик Супруненко стоял на мостике сторожевика «Снег» рядом с командиром старшим лейтенантом Орловым. Впереди шел «Циклон» старшего лейтенанта Родзиева под вымпелом командира дивизиона капитан-лейтенанта Филиппова, а за кормой — «Буря» капитан-лейтенанта Маклецова.

Сторожевики «плохой погоды» шли впереди сил арьергарда контр-адмирала Ралля и уже догоняли какой-то конвой.

Корабли арьергарда задержались на Таллиннском рейде почти до 21:00, ставя отдельными банками обширные минные заграждения при входе на Таллиннский рейд, в бухте Копли-Лахт и в Суурупском проходе. И только затем корабли адмирала Ралля двинулись вслед за остальными на восток со скоростью двенадцать узлов. К этому времени отряды боевых кораблей и конвои, следуя за тралами, вытянулись в одну линию протяженностью пятнадцать миль.

Примерно в 21:15, слыша впереди взрывы, адмирал Ралль приказал дивизиону «плохой погоды» увеличить скорость и следовать вперед, чтобы по возможности оказать помощь подорванным кораблям и судам.

Закат был легкий, золотистый, предвещающий добрую погоду. На море легла удивительная тишина.

Вскоре сторожевики нагнали идущие друг за другом транспорты, мелкие суденышки, напоминающие мирное стадо, бредущее на постой.

Ближе к сторожевикам ковылял на буксире транспорт «Вирония», подбитый ранее авиацией. Его вел

спасатель «Сатурн». Впереди в сгущающихся сумерках маячили силуэты других транспортных.

Сноп огня неожиданно вырвался из-под носовой части «Виронии». Грохот взрыва оглушил сигнальщика. «Снег» подбросило в воде и рвануло куда-то в сторону.

Вцепившись в ограждение мостика, Супруненко ясно видел, как у «Виронии» оторвало нос, и ему казалось, что транспорт должен немедленно затонуть. Но «Вирония» остановилась приподняв корму и, если и тонула, то очень медленно. Впереди ее горел «Сатурн», отброшенный взрывом и падающий на борт. На мостике «Снега» все ждали, что «Сатурн» выпрямится, но в яркой вспышке нового взрыва спасатель исчез с поверхности моря. В свете бушующего огня на мгновение мелькнула корма с работающим винтом.

«Вирония» продолжала стоять с беспомощно задранной кормой, на которой толпилось большое количество людей. Темные фигурки сначала по одному срывались с кормы погибающего лайнера и падали в темную бездну моря, а затем неожиданно посыпались в воду словно галька с обрушившегося берега. С борта «Виронии» слышались хлопки пушечных выстрелов: многие решили умереть от собственной пули...

Люди сыпались в воду, и *ЗАЛИВ СТОНАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ГОЛОСОМ...*

21:56

Военный корреспондент Михайловский, стоя на палубе «Виронии» со странной, почти детской радостью воспринимал надвигающуюся темноту. Она вселяла в него чувство безопасности от налетов немецких бомбардировщиков. Казалось, что под покровом надвигающейся ночи они легко и безопасно дойдут до Кронштадта. Темнело очень медленно, но Михайловский знал, что минут через двадцать ночная тьма полностью поглотит залив и все находящееся на его поверхности...

Внезапно страшной силы удар потряс пароход. Ми-

хайловский почувствовал, как под его ногами что-то трещит и рушится. Все заволокло дымом. Он не успел опомниться, как оказался в воде и стремительно пошел ко дну. Он забился, энергично работая руками и ногами, и какая-то сила выбросила его на поверхность. Очки с него сорвало, а из раны на голове, заливая глаза, текла кровь.

Его уже достаточно отнесло от «Виронии», утонувшей в клубах густого черного дыма. Вокруг него на темной поверхности залива плясало множество голов. Мыслей никаких не было. Корреспондент находился полностью во власти инстинкта за что-нибудь ухватиться и продержаться любой ценой, пока не придет помощь.

Что-то твердое и холодное толкнуло его. Михайловский отпрянул в сторону. Поддерживаемое спасательным поясом мимо него плыло лицом вниз женское тело со знакомыми черными косами.

Корреспондент пытался перевернуть тело девушки, но вместо запомнившегося прекрасного лица увидел кровавое месиво с развороченным черепом. Еще долго перед его глазами стояли эти черные косы, плывущие по черным волнам...

Михайловский выбивался из сил и захлебывался. Он перевернулся на спину, немного отдохнул и снова поплыл. Вокруг он слышал крики, взывающие о помощи. Ему показалось, что кричит и стонет все море. Волны катились навстречу, и с каждым новым глотком соленой воды Михайловский чувствовал, как смерть все ближе подбирается к нему. Отказывали не физические силы, а помутненное сознание, не верящее в спасение. Кругом до самого горизонта была холодная мертвая вода. Михайловский перевернулся на спину. На вечернем небе загорались бледные звезды...

21:57

С мостика сторожевика «Снег» сигнальщик Супруненко увидел, как к гибнущей «Виронии» малым ходом

подходит транспорт с большой цифрой 511, еще различной на борту, несмотря на сумерки. Транспорт на ходу спускал шлюпки.

Ослепительная вспышка подбросила нос транспорта в воде и он стал ложиться на правый борт, уходя носом в воду. С палубы за борт посыпались люди на головы спасающихся с «Виронии»*.

Отчаянный вой предсмертного ужаса висел над сгущающейся темнотой залива. Супруненко видел, как идущий впереди «Циклон», резко изменив курс, пошел к месту тройной катастрофы. Застопорив машины, «Циклон» лег в дрейф и начал спускать шлюпки, чтобы помочь погибающим людям. На его мостике виднелись фигуры капитан-лейтенанта Филиппова и старшего лейтенанта Родзиева, руководящих спасательными работами. Никто не слышал грохота взрыва. Только вспышка и переломившийся корпус сторожевика «Циклон», перевернувшись вверх килем, мгновенно исчез с поверхности моря. Остались только две шлюпки, которые успел спустить на воду погибший сторожевик. Они уже были набиты до отказа спасенными с двух транспортов и спасателя «Сатурн».

Вокруг словно сплошная цепь буйков подпрыгивали на волнах головы плавающих людей.

— Лево на борт! — приказал старший лейтенант Орлов, и «Снег» повернул к месту гибели «Циклона». За ним шла «Буря».

Командир «Снега» решил не останавливать сторожевик. Идя малым ходом, стараясь не задеть барахтающихся

* Это был транспорт «Алев», который несмотря на повреждения, полученные ранее от попадания авиабомб, и гибель своего капитана Георгия Покидова, пытался помочь погибающим с «Виронии». На борту «Алева» находилось 1280 пассажиров, в том числе 843 (по другим данным 849) раненых. Спасти удалось только 6 человек, включая ранее сброшенного в море взрывом бомбы матроса Сергея Заяицкого.

в воде людей, «Снег» бросил концы на оставшиеся после гибели «Циклона» шлюпки, подтянув их к отводам правого и левого бортов, на ходу принимая спасенных на палубу. Шлюпки остались за кормой на длинных буксирах. В каждой оставили по паре матросов, которые должны были продолжать спасение погибающих.

Но в конце концов Орлов вынужден был застопорить ход. «Снег» не мог двигаться через сплошное поле из человеческих голов.

Вся картина освещалась багровым светом бушующего на «Виронии» пожара. Лайнер все еще стоял с задранной вверх кормой, обнажив винты, кренясь на правый борт и медленно уходя в воду. Багровый свет, тысячеголосый вой создавал мистическую сцену конца света.

Уцепившись за леерную стойку, Супруненко спустился на отвод правого борта. Одной рукой держась за стойку, другой дотягивался до воды, нащупывая скользкие волосы или размокшие воротники. Весь экипаж «Снега» принимал участие в спасении людей. Матросы подхватывали бьющиеся как в лихорадке тела, тащили их в жилые отсеки и в машину, чтобы привести в чувство. Некоторые из поднятых на борт, словно потеряв рассудок, продолжали орать и выть, извиваясь в судорогах.

Супруненко увидел, как около торпедного аппарата капитан-лейтенант Гусельников поддерживает вытасченную из воды женщину — офицера с двумя серебряными нашивками на рукаве намокшего кителя. Гусельников дал ей переодеться в доставленную из каюты собственную тельняшку и исподнее. Женщина была в таком состоянии, что уже не думала о том, что на нее со всех сторон смотрят мужчины. Она быстро содрала с себя всю одежду, сверкнув русалочным блеском молодого тела, и натянула на высокую грудь тельняшку комиссара и его кальсоны. И упала на палубу. Комиссар хотел ее отнести вниз, но попытавшись поднять женщину, сам подскользнулся и упал. Супруненко помог Гусельникову отнести женщину в каюту. На узком трапе капитан-лейтенант

сказал ему: «Думал ли ты когда-нибудь, что нас будут вот так топить, как слепых котят в луже?»

Супруненко поднялся на верхнюю палубу. На ней вповалку лежали спасенные. Вода стекала с них ручьями. Мокрые, лоснящиеся, с черными от мазута лицами, они напомнили матросу тюленей, а не людей.

Пылающая «Вирония» уже легла на борт, быстро погружаясь.

Супруненко не понял, что случилось, когда из-под обоих бортов сторожевика поднялись огромные столбы воды. Корабль подбросило, а сбитый с ног сигнальщик, ударившись обо что-то головой, на мгновение потерял сознание.

Быстро придя в себя и вскочив на ноги, он поразился тому, что не узнал своего корабля. Впереди вместо надстройки, мостика и фокмачты зияла пустота. Ноги заскользили, корма задиралась вверх, обнажая работающие винты.

Супруненко вцепился в леера, пытаясь устоять на ногах, наблюдая, как носовая часть «Снега», оторванная вместе с носовым орудием и надстройкой, заносится за корму, медленно переворачиваясь через левый борт.

Как и «Циклон», «Снег» был разорван пополам взрывом мины.

Невдалеке тяжело стучала машинами перегруженная спасенными «Буря» капитан-лейтенанта Маклецова. Она медленно, чуть не черпая бортами воду, проходила мимо погибающего «Снега».

Супруненко закричал и замахал рукой. Ему казалось, что он остался на кормовой части «Снега» совершенно один. Только что забитая спасенными палуба опустела.

С «Бури» ответили в мегафон: «Подойти не могу! Еле держусь на плаву!»

Супруненко, не раздумывая, прыгнул за борт. С «Бури» бросили конец и, подтянув его к борту, вытащили на палубу. Мокрый и ошеломленный, до конца не понимающий масштабы происходящего, сигнальщик

лежал среди других спасенных, глядя как уходит под воду кормовая часть его сторожевика «Снег».

22:00

На мостике эскадренного миноносца «Калинин» контр-адмирал Ралль тревожно прислушивался к доносящимся издали взрывам. Рядом с адмиралом на мостике «Калинина» находились: командир эсминца капитан 3-го ранга Стасов, начальник штаба минной обороны капитан 1-го ранга Александров и бригадный комиссар Кокин.

Эсминец шел малым ходом, ведя за собой в кильватерной колонне своих собратьев: «Артем» и «Володарский».

На западе, за кормой, догорал закат. Становилось уже совсем темно. Вдали продолжали грохотать взрывы, виднелись огромные языки пламени, пожирающие очередную корабль.

Ралль приказал всем кораблям арьергарда встать на якорь, а командиру катера МО-211 старшему лейтенанту Козихину пройти вперед и разведать обстановку.

Три «новика» прогрохотали якорь-цепями.

Ралль пытался связаться по радио с командующим на крейсере «Киров», но «Киров» не отвечал. Не отвечал и «Минск», где находился начальник штаба КБФ.

Адмирал Ралль вызвал на мостик эсминца специалистов своего штаба, чтобы обсудить с ними возможные варианты дальнейших действий. Штабные более склонялись к продолжению движения, чтобы утром быть достаточно далеко от хищных когтей вражеской авиации.

Адмирал задумался, но в этот момент к борту подошел посланный вперед катер МО-211. Его командир старший лейтенант Козихин голосом доложил, что ему не удалось обнаружить сторожевики «плохой погоды» или установить с ними какую-либо связь.

Впереди горел какой-то транспорт, но огня уже почти не было видно. Либо потушили, либо транспорт погиб. Плавающих мин он не обнаружил. Идущие впереди

арьергарда «ижорцы» также пока мин не затралили. Все «вычистили» идущие впереди быстроходные тральщики.

Катер отошел от борта, и адмирал подумал, что, возможно, его штабные правы. Следует продолжить движение. Судя по всему, сторожевики «плохой погоды» ушли уже очень далеко вперед. Если бы что-нибудь впереди случилось, они либо вернулись, либо доложили бы об этом каким-нибудь другим способом.

22:10

Ралль приказал кораблям сниматься с якоря и малым ходом продолжать движение. Капитан 3-го ранга Стасов дал команду на съемку с якоря и звонком машинного телеграфа передал в машинные отделения сигнал о готовности.

«Калинин», задрожав корпусом, медленно сдвинулся с места. Вода привычно зажурчала вдоль бортов, уходя за корму в слабый бурун от работающих на малом ходу винтов. Следом тронулся «Володарский», за ним — «Артем».

Внезапная вспышка ослепила всех находящихся на мостике, но грохота взрыва не слышал никто.

Капитана 3-го ранга Стасова швырнуло на ростры. Когда он пришел в себя, то понял, что машины встали, винты не вращались, корабль дрейфовал, откуда-то с шумом вырвалась или вода, или мазут. Возле себя Стасов нащупал фуражку. По кожаному козырьку с выпуклым шитьем командир «Калинина» понял, что она адмиральская. Стасов, превозмогая боль во всем теле и головокружение, бросился по трапу обратно на ходовой мостик. И с удивлением остановился: на мостике не было никого. И только услышав стон, ошеломленный командир «Калинина» увидел тела офицеров, распростертых на ребристых решетках настила. Стонал капитан 1-го ранга Александров, у которого обе ноги были перебиты в голених. Рядом с ним ничком лежал адмирал. Не совсем соображая, что он делает, капитан 3-го ранга стал трясти

адмирала за плечо, приговаривая: «Товарищ контр-адмирал! Юрий Федорович! Вот ваша фуражка... Я нашел».

На мгновение у Стасова мелькнула мысль, что адмирал погиб. Но он продолжал трясти его, забыв даже о своих обязанностях командира корабля, ощутимо кренящегося на правый борт и погружающегося носом.

Адмирал неожиданно очнулся и сел на настиле мостика, взяв из рук Стасова фуражку с благодарностью.

— Доложите, что с кораблем, — приказал Ралль, с трудом вставая на ноги.

У адмирала от ушиба онемел бок и оказались поврежденными суставы правой ноги. Полученная контузия и глубокий ушиб почки приведут адмирала вскоре к безвременному концу.

Но как ни плохо было состояние адмирала, состояние эсминца «Калинин» было и того хуже. Затраченная параваном мина разворотила носовую часть эсминца и корпус со стороны правого борта. Из строя вышли все вспомогательные механизмы. Встали машины.

22:12

Находящийся в машинном отделении «Калинина» матрос Дубровский почувствовал, как эсминец сильно трянуло. Он за что-то ухватился, чтобы удержаться на ногах, увидев в этот момент, как содрало маскировочный брезент и крышки световых люков машинного отделения.

В помещение водопадом хлынула вода. Одновременно сел пар и остановились все механизмы.

С большим трудом Дубровскому удалось выбраться на верхнюю палубу. На палубе в полной темноте металась люди. Кто-то пытался руководить заводкой пластыря на пробоины. Из разрушенных топливных цистерн в море хлестал мазут. «Калинин» стоял опасно накренившись на правый борт.

У носового торпедного аппарата Дубровский увидел адмирала Ралля и командира эсминца капитана 3-го

ранга Стасова. Матросы на носилках несли к борту начальника штаба минной обороны капитана 1-го ранга Александра.

— Доставьте начальника штаба на «Володарский», — кому-то в темноте приказывал адмирал, — и передайте его в руки медиков. Срочно.

У борта покачивался морской охотник, куда матросы передавали носилки с капитаном 1-го ранга Александровым.

— Я тоже перейду на «Володарский», — предупредил адмирал Стасова, — пусть 211-й сдаст раненых и вернется к нам.

— Есть, — ответил капитан 3-го ранга Стасов.

Дубровский пытался вернуться в машинное отделение, но вода в помещении вспомогательных механизмов стояла уже по грудь. Запустить механизмы и насосы в таких условиях было невозможно.

Он снова вышел на верхнюю палубу.

Кто-то кричал:

— Все, кто не занят — вниз! Крепить носовую переборку!

Дубровский спустился в помещение впереди ходового мостика.

В свете аварийных фонарей он увидел, что пробитая носовая переборка течет, как решето.

Он понял, что корабль обречен.

22:15

Старший лейтенант Козихин осторожно отвел свой катер МО-211 от борта кренящегося «Калинина», приняв около десяти человек раненых и обваренных паром, которых он должен был передать на стоящий за кормой «Калинина» эсминец «Володарский».

Подойдя к левому борту «Володарского», Козихин приказал прежде всего передать на эсминец носилки, на которых с перебитыми ногами лежал капитан 1-го ранга Александров.

Четверо матросов катера подняли носилки до уровня верхней палубы «Володарского», где они были подхвачены крепкими руками тамошних краснофлотцев. Капитан 3-го ранга Фалин, спустившись с мостика эсминца, склонился над носилками начальника штаба, что-то сказав. Что именно, Козихин не расслышал. Затем, перегнувшись через борт, Фалин спросил Козихина, какова обстановка на «Калинине».

Командир катера ответил, что насколько ему известно, «Калинин» зацепил правым параваном мину и получил повреждения. Как они серьезны — ему неизвестно. Но адмирал и штаб все еще находятся на эсминце. Экипаж борется за живучесть.

Капитан 2-го ранга Фалин стал подниматься на мостик «Володарского», а старший лейтенант Козихин, передав на эсинец всех раненых с «Калинина», готовился вернуться в распоряжение адмирала Ралля. Внезапная яркая вспышка почти ослепила старшего лейтенанта Козихина. Он успел заметить, как всех находившихся на верхней палубе катера выбросило за борт. Ударная волна потащила за борт и его самого, но он успел вцепиться в поручни мостика и крикнуть в машину: «Назад! Полный!»

На МО-211 обрушились потоки горячей нефти, хлынувшие из разорванных цистерн «Володарского». Катер загорелся, и в любой момент могла взорваться его собственная бензоцистерна.

Находившийся в машине старший моторист Морозов в одиночку сумел запустить все три мотора. Катер рвануло назад. Потрясенный Козихин пытался понять, что произошло. Эсминца «Володарский» на поверхности моря не было. Видимо, мина вызвала детонацию боезапаса, включая торпеды и мины. Он буквально исчез в ослепительной вспышке страшного взрыва, оставив на поверхности лишь озеро горячей нефти.

Опомнившись от шока, Козихин снова подвел свой катер к тому месту, где только что стоял на якоре «Володарский».

Просто не верилось, что эскадренный миноносец водоизмещением более полутора тысяч тонн может вот так мгновенно разлететься на атомы*. И унести с собой около двухсот человек.

22:20

Яркая вспышка, сопровождавшая почти мгновенную гибель эсминца «Володарский», была такой резкой, что на какое-то время ослепила лейтенанта Панцырного — командира катера МО-210. Грохот взрыва ударил в уши, а взрывная волна чуть не сбросила его с мостика. Когда лейтенант вновь обрел зрение, то был потрясен: на том месте, где еще минуту назад стояли эсминец и катер, было пусто, только что-то хлюпало и клокотало в волнах.

Катер Панцырного находился с правого борта эскадренного миноносца «Артем», на мостике которого вместе с командиром эсминца старшим лейтенантом Сеем находился командир дивизиона «новиков» капитан 2-го ранга Сидоров. Чтобы отойти от «Артема», Панцырный должен был попросить разрешения у комдива, но он тут же дал ход катеру и пошел к месту гибели «Володарского», желая убедиться в том, что эта фантастическая картина мгновенной гибели эсминца ему не померещилась.

Зрение лейтенанта восстановилось и, подойдя к месту катастрофы, он ясно увидел, как в пузырящейся воде крутятся какие-то обломки и тряпки. Из пучины, поглотившей корабль, бурно всплывал мазут.

* С «Володарского» не спасся никто, а потому Лауристин и Бочкарев официально считаются погибшими именно на этом эсминце. Однако существуют свидетели, утверждающие, что Лауристин был убит выстрелом в спину еще до посадки на эсминец на стенке таллиннского порта. Рассказывают также, что и Бочкарев был убит попаданием снаряда в катер, который доставлял уполномоченного ЦК на эсминец. И хотя доказать ничего невозможно, все могло именно так и произойти.

Панцырный был уверен, что «Володарский» был торпедирован подводной лодкой. Приказав подготовить глубинные бомбы, он повел МО-210 в том направлении, где по его расчетам могла находиться немецкая подлодка. Но в наступившей кромешной тьме уже ничего невозможно было рассмотреть. Сбросив для острастки несколько глубинных бомб, Панцырный вернулся к месту катастрофы. На этот раз его матросы вытащили из воды человека, покрытого с головы до ног толстым слоем мазута. Им оказался радист Сорокин с катера МО-211.

— Что с вашим катером? — спросил лейтенант у спасенного, когда тому промыли лицо.

— Не знаю, — ответил тот, — меня снесло с палубы прямо в горящую нефть. Сам не понимаю, почему не сгорел.

Лейтенант решил вернуться к «Артему», силуэт которого просматривался примерно в полукабельтове.

Развернув катер, он направил его к стоявшему на якоре эсминцу.

22:30

Лейтенант Панцырный, охваченный ужасом, застопорил ход своего охотника.

Огромный сноп пламени вырвался из середины эскадренного миноносца «Артем», последний раз осветив стройный силуэт старого «Азарда».

Еще в свете этой вспышки Панцырный успел заметить, как эсминец, разламываясь надвое и складываясь подобно циркулю, становится почти вертикально в воде.

Грохот взрыва оглушил. Панцырному показалось, что его ударили по голове кувалдой. Катер подбросило вверх и бросило обратно в воду. Заглох двигатель.

И тут же грохнул второй взрыв. В мгновенной вспышке мелькнула уходящая в воду корма «Артема», освещенная снопом пламени, вырвавшегося, как показалось, из-под воды. Видимо, детонировали торпеды эсминца. И снова наступила тьма.

Снова действуя почти инстинктивно, оглушенный и полуослепший лейтенант, почувствовав, как взревели запущенные авиационные моторы его катера, ринулся полным ходом к месту гибели «Артема».

В пузырящемся водовороте, из которого фонтанами бил мазут, в страшном хороводе кружились обломки и человеческие тела. Матросы начали подбирать тонущих. Привязав к бросательным концам пробковые круги, из темноты стали выуживать тех, у кого еще хватало сил за эти круги уцепиться. Спасенные просили пить. Их тошнило. Мазут разъедал глаза. Промывать их было нечем — на катере кончалась пресная вода.

Из темноты на конце вытащили кого-то в офицерском кителе. Им оказался командир «Артема» старший лейтенант Сей. Он спросил, не нашли ли командира дивизиона капитана 2-го ранга Сидорова. Сидорова не было. Искать в темноте его было невозможно.

Панцырный кричал в магэфон: «Внимание! Находящиеся в воде! Здесь «мошка»! Плывите на мой голос!»

Таким образом на МО-210 удалось принять около пятидесяти человек, забив все помещения до отказа и невероятно перегрузив катер.

Вокруг не было видно ни одного корабля. Панцырный уже не искал катер Козихина, считая, что тот погиб вместе с «Володарским».

«Калинина» тоже нигде видно не было.

Считая, что арьергард адмирала Ралля полностью уничтожен и охранять ему больше некого, лейтенант Панцырный принял решение следовать на восток самостоятельно и попытаться догнать ушедшие вперед корабли.

В этот момент радист передал ему радиограмму.

Это был поступивший с крейсера «Киров» приказ адмирала Трибуца, предписывавший всем кораблям и транспортам немедленно встать на якорь и прекратить движение до рассвета.

Решив этот приказ проигнорировать, поскольку в нем ничего не говорилось о катерах, командир МО-210

подумал о том, что теперь ушедшие вперед корабли догнать не составит большого труда, так как все они будут стоять на якорях.

22:40

Лейтенант Панцырный ошибался, думая, что катер МО-211 старшего лейтенанта Козихина погиб от взрыва, разнесшего на куски эскадренный миноносец «Володарский».

Катер Козихина слегка обгорел, потерял пять человек экипажа, но остался на плаву, полностью сохранив боеспособность.

Как раз в тот момент, когда катер лейтенанта Панцырного, перегруженный полусотней спасенных с эскадренного миноносца «Артем», устремился на восток, катер Козихина снова стоял у борта погибающего эсминца «Калинин».

Чудовищные по силе взрывы, почти мгновенно уничтожившие эсминцы «Володарский» и «Артем», воздушной волной и гидравлическими ударами долбили и тяжело поврежденный «Калинин». Через новые пробоины и разошедшиеся швы вода, с грозным шипением вытесняя воздух, стала быстро заполнять все помещения корабля.

«Калинин» все глубже уходил носом в воду, поднимая корму и ложась на правый борт.

Теряющего сознание от контузии и боли в ноге адмирала Ралля передали на МО-211. Туда же перешли офицеры штаба минной обороны. После чего капитан 3-го ранга Стасов дал команду оставить корабль.

Матрос Дубровский выскочил на верхнюю палубу, уже понимая, что «Калинин» гибнет. Черная бездна воды, пенящаяся за бортом, ужаснула его и на какое-то мгновение турбинист в нерешительности остановился. Тем более, что к «Калинину» направлялся какой-то, как ему показалось, буксир.

Дубровский надеялся, что ему удастся перебраться на это судно. Оглушительный взрыв, как всегда сопровождаемый

ослепительной вспышкой, мгновенно уничтоживший подходящее судно, ударной волной сбросил Дубровского в воду. Он забарахтался в воде, сбрасывая форменку, брюки и ботинки, а затем стал быстро отплывать от эсминца. Выросший на Волге матрос был отличным пловцом.

Оглянувшись, он увидел темный силуэт вставшей почти вертикально кормы «Калинина», быстро уходящей в воду.

Ни спасательного жилета, ни каких-либо других спасательных средств у Дубровского не было. Более того, плыть ему пришлось не в воде, а в густой и вонючей смеси мазута, солярки и бензина, настоенной на соленой волне. Резало глаза, тело корежили постоянные судороги рвоты. Но Дубровский продолжал бороться за жизнь.

22:45

Яркая вспышка ослепила командира эскадренного миноносца «Славный» капитана 3-го ранга Осадчего и ударная волна, сбив офицера с ног, бросила его на настил мостика.

Исправив накануне повреждения, полученные от взрыва мины в правом параване, «Славный», потеряв из вида остальные корабли отряда прикрытия адмирала Пантелеева, шел малым ходом в сгущающейся темноте.

В 22:30 радисты «Славного» приняли приказ адмирала Трибуца всем до рассвета встать на якорь.

Осадчего удивил этот приказ. Теория военно-морского искусства с первого курса училища вдалбливала в головы непреложную истину: нельзя останавливаться при форсировании минного поля.

Однако командующему всегда виднее, и Осадчий приказал встать на якорь. Снова была спущена шлюпка, поставленная перед носом эсминца для наблюдения за плывущими навстречу кораблю минами, а вдоль бортов несли бессменную вахту матросы и пассажиры-авиаторы, вооруженные длинными шестами и досками.

И в этот момент в левом параване эсминца взорвалась еще одна мина.

«Славный» подбросило в воде и резко положило на правый борт. А затем нос стал стремительно уходить в воду.

Стоявшего у торпедного аппарата матроса Ракитянского сбросило за борт. Старшину 1-й статьи Шевченко сбilo с ног, разбило голову о какой-то острый предмет, накрыло волной и понесло за борт. В последний момент старшине удалось схватиться за леер.

В котельном отделении разорвало цистерну с мазутом. Топливо хлынуло в помещение, подбираясь к топкам котлов. Вспыхнул пожар, который, к счастью, удалось потушить машинистам главстаршины Седихина.

Взрывом выбило все заглушки из полученной ранее пробоины в носовом артиллерийском погребе и помещение снова начало заливаться водой. Пришлось опять выгружать боезапас, на этот раз выкидывая его за борт.

Новый взрыв причинил много мелких подводных пробоин в труднодоступных местах трюма. Матросы вырубали стеллажи, отрывали целые листы внутренней обшивки, разыскивая эти пробоины в трюмах.

Боцман Колосов со своей командой заводил на обнаруженные пробоины пластыри.

Эсминец лишился хода и управления, беспомощно покачиваясь на якоре. Мимо эсминца продолжали плыть мины. Вооруженные шестью матросы уже уверенными движениями отводили их от борта, пропуская по цепочке за корму. С державшейся у форштевня шлюпки ночную темноту разорвали крики предупреждения о новых минах, идущих на «Славный».

Внезапно одна из мин, поднятая на гребень волны, обошла шлюпку.

С полубака корабля мину заметили, когда она была уже совсем близко. Дали команду на шлюпку, но той было уже не перехватить идущую на эсминец рогающую смерть.

«Славный» стоял, струной натянув якорь-цепь, без хода и энергии беззащитной мишенью на пути мины. С полубака мина всем была отчетливо видна. Растопырив свои смертоносные рога, медленно переваливаясь с волны на волну, она неумолимо приближалась к форштевню эсминца. Матросы сгрудились на носу, выставив навстречу черному шару плотный частокол футштоков. Но с высокого полубака «Славного» мину было уже не достать.

В этот момент кто-то пронзительно закричал: «Крыса! На верхней палубе крыса!» Крыс было несколько. Выскочив откуда-то снизу, они одна за другой устремились в воду. Бывалые моряки знали, что это означает.

Еще один плеск волны и страшные рога черного шара коснутся корабля. При общем оцепенении неожиданно прозвучала команда старшего лейтенанта Василия Сергеева, имя которого навечно осталось в истории корабля как имя его спасителя:

— Трави якорь-цепь!

Офицера осенила простая мысль: надо ослабить якорь-цепь и ветер вместе со встречным течением снесут корабль назад.

Звенья якорь-цепи загремели в клюзе и «Славный» попятился назад от наступавшего черного шара. Еще звено и корабль снова подался назад. Черный шар какое-то время упорно следовал за отступающим «Славным», но вот, сбитый волной, пошел в сторону, скользнул мимо форштевня и, подгоняемый мягкими ударами футштоков, прошел вдоль правого борта эсминца и ушел за корму.

На «Славном», переведя дух, продолжили спасательные работы.

22:55

Адмирал Пантелеев, все еще находясь на мостике подорванного лидера «Минск», прочел доложенную ему радиограмму, переданную с крейсера «Киров» о приказе встать на якорь до рассвета.

«Минск» и так стоял на якоре, осев носом и с заметным креном на правый борт.

Поиск экипажа погибшего эсминца «Скорый» прекратился. Из воды, к всеобщему удивлению, удалось вытащить около ста человек. Почти всех приняли морские охотники и ушли, чтобы передать спасенных на транспорта.

На «Минске» в напряженно-лихорадочном темпе шли восстановительные работы. Приводили в порядок машины, механизмы и рулевое управление. Никто не тешил себя иллюзиями: если за ночь не удастся устранить повреждения — лидер обречен. С рассветом его придется самим затопить, чтобы не сделать корабль легкой добычей авиации противника.

Из темноты около «Минска» вынырнул морской охотник, с которого Пантелееву голосом доложили о гибели эсминцев арьергарда.

— Где адмирал Ралль? — поинтересовался Пантелеев.

— Ранен, снят с «Калинина» на катер, — последовал ответ.

Адмирал Пантелеев почувствовал, что смертельно устал. Страшно хотелось есть. Оставив на мостике капитана 2-го ранга Петунина, адмирал спустился в кают-компанию.

Войдя в кают-компанию, адмирал (по его собственным словам) ахнул. Кают-компания походила на свалку мусора, битого стекла и ломаной мебели. Взрывом мины все предметы сорвало с креплений, поломало и отбросило в угол. Буфет был разбит, посуда из него вылетела и превратилась в груды черепков. В слабом свете ручного фонарика недавно уютная кают-компания «Минска» показалась адмиралу мрачной пещерой. Диван у борта остался на месте, хотя и был завален осколками разбитых плафонов. Под осколками, к своему удивлению, Пантелеев обнаружил совершенно целый патефон с расколотой пластинкой. Адмирал завел его и поставил мембрану на уцелевшую часть пластинки. Темное помещение

разбитой кают-компании наполнили звуки веселой песенки «Кукарача» в исполнении известной опереточной артистки Новиковой. Странно звучал задорный голос певицы в такой обстановке.

Пантелеев перебрался в боевую рубку, куда ему принесли стакан крепкого чая, сушки с тмином и плитку шоколада. С палубы доносились крики: «Слева мина! Осторожнее! У вас под носом мина!» Затем Пантелеев услышал всплески и, выглянув из рубки, увидел прыгающих за борт людей. Он встревожился. Что случилось? Адмиралу доложили, что матросы прыгают за борт, чтобы отвести в сторону плывущие на корабль мины.

Надвинулась темная августовская ночь. Все корабли сил прикрытия либо погибли, либо были выведены из строя. «Минск» стоял без хода, света и управления с недействующей радиостанцией. «Скорый» погиб. Где-то позади в ночной темноте остался подорванный «Славный». Впереди находился «Киров» с остатками своего охранения.

Средств для командования и управления не было.

Адмирал продолжал сидеть в боевой рубке, борясь со сном и посасывая сушку с тмином.

23:05

Военный корреспондент Михайловский находился в воде уже больше часа, после того как взрывом мины его сбросило с палубы «Виронии». Он плыл минут пять-шесть, затем переворачивался на спину и в таком положении отдыхал минут двадцать, накапливая силы. Иногда путались мысли, возвращая его к каким-то малозначительным эпизодам далекого детства, но очередной глоток соленой воды, перехватывающий дыхание, возвращал журналиста в реальность.

Он уже даже привык к своему положению и совсем не чувствовал себя обреченным. Иногда руки инстинктивно тянулись вперед, желая хоть за что-нибудь ухватиться. Но кругом была вода и только вода.

В мозгу автоматически билась мысль: вдруг кто-нибудь заметит и спасет.

Впереди Михайловского проплыли какие-то ящики. Он пытался догнать их, но волна уносила их быстрее, чем Михайловский мог плыть. Удвоив энергию, он погнался за одним из ящиков. Их разделял уже какой-то десяток метров, когда встречная волна накрыла Михайловского с головой, унося ящик буквально из-под рук куда-то в сторону.

Надвинувшаяся темнота пугала больше всего. Михайловский понимал, что всю ночь ему не продержаться. Наступила апатия типа «будь что будет». Он был один. Один среди моря. Кричать и звать на помощь было бесполезно. Некого.

Тело немело от холода, по всему организму растекался неведомый страшный озноб. Мерзли не только руки и ноги, но леденело и сердце, куда забирался холод.

Волна вынесла погибающего журналиста на гребень и он увидел темный силуэт катера, идущего прямо на него. Он среагировал тупо, считая, что это галлюцинация.

Потом опомнился и, размахивая руками, попытался чуть ли не выпрыгнуть из воды. Только бы заметили и не прошли мимо или отвернули в сторону.

Его заметили. Катер застопорил ход и Михайловскому бросили конец. Он судорожно схватился за трос и почувствовал, как повисает в воздухе. Что-то мешало матросам вытащить его на палубу. Руки Михайловского сами разжались и он снова упал в воду, ударился головой обо что-то твердое и потерял сознание. Хлынувшая в легкие соленая вода привела корреспондента в себя. Вынырнув на поверхность, он увидел возле себя еще один спасательный конец с петлей беседочного узла. Но руки уже окоченели так, что пальцы не сгибались. С большим трудом ему удалось просунуть в петлю левую ногу, за которую в конце концов его и вытащили на палубу. Все тело сразу же свела страшная судорога. Михайловский упал ничком на палубу и провалился в бездонную пропасть.

Флагманский артиллерист отряда легких сил капитан 2-го ранга Сагоян пришел в себя только оказавшись в воде. Ему показалось, что до этого он долгое время пребывал без сознания. Но сколько прошло времени, прежде чем он понял, что плывет, держась за какое-то бревно — он сказать не мог.

Сагоян находился на мостике эсминца «Артем» вместе с командиром дивизиона капитаном 2-го ранга Сидоровым и командиром эсминца старшим лейтенантом Сеем. Когда подорвался «Калинин», и в ослепительной вспышке исчез «Володарский», на мостике «Артема» решили послать свои шлюпки на помощь. Во всяком случае, Сагоян помнил, как соответствующие распоряжения отдавал капитан 2-го ранга Сидоров. Больше он не помнил ничего и даже не мог сказать, что же произошло с «Артемом».

Однако, придя в себя, капитан 2-го ранга обнаружил, что плывет в одном белье. Когда он освободился от реглана, кителя, брюк и ботинок — он не помнил.

Болела голова, ломило все тело, судорога сводила ноги, немели руки. Временами конвульсиями налетали приступы рвоты. Видимо, он здорово наглотался мазута. Разъедало глаза. Вокруг стояла кромешная темнота. Сагояну казалось временами, что он видит какие-то огни: иногда вдали, иногда — совсем близко, но он понимал, что это скорее всего галлюцинации.

Яркая вспышка взрыва внезапно осветила большой пароход не далее, чем метрах в ста от него. Через мгновение транспорт был охвачен пламенем, осветившим все вокруг. Если подобное событие можно назвать удачей, то для капитана 2-го ранга Сагояна это было несомненной удачей, ибо в свете вспыхнувшего на судне пожара он увидел несколько кораблей, спешащих к горящему транспорту, и, забыв об усталости, энергично поплыл в их направлении.

Айро Вери — старший уполномоченный НКВД Эстонской ССР — был прикомандирован в распоряжение замнаркома внутренних дел товарища Кингисеппа, выполняя роль телохранителя и порученца.

Когда накануне ночью все они опоздали на эсминец «Сметливый», где их ждал сам нарком товарищ Кумм с членами коллегии НКВД и русскими прокурорами, Вери вместе с Кингисеппом попал на старый пароход «Ярвамаа», которым командовал русский капитан*.

«Ярвамаа» вышел в первом конвое. На палубе было полно людей. Много раненых, хотя, как выяснилось, на судне совсем не было медицинского персонала. Товарищ Кингисепп со своими оперативниками занял каюту и салон капитана. Но их было много даже для капитанских помещений, где сразу стало тесно и душно. Вери попросил у товарища Кингисеппа разрешения провести ночь на верхней палубе, чтобы не стеснять старших товарищей, и ему охотно разрешили. Отец Вери был рыбаком и часто говаривал: на любом судне, если хочешь остаться в живых, всегда ночуй на верхней палубе. Это не так удобно, как в кубрике или в каюте, но жизнь дороже.

Вери, одетый в штатский плащ поверх формы, пристроился с кормовой стороны надстройки прямо на палубе, прислонился к чему-то спиной, нахлобучив кепку на глаза и подняв воротник плаща. В таком положении оперуполномоченный даже умудрился вздремнуть.

Он не видел огромный снап огня и летящие вверх обломки, когда мина взорвалась с левого борта транспорта, подбросив его над водой и резко положив на левый борт.

Если бы Вери стоял на палубе, его наверняка выбросило бы за борт или убило бы взрывной волной. Даже

* Капитан М.Х.Голофастов (погиб).

в полулежачем положении его подбросило над палубой и кинуло куда-то в сторону люка кормового трюма — прямо на лежащих там людей. При этом он разбил себе голову, ударившись обо что-то. Кровь заливала ему глаза, но скользя по телам и мокрой палубе, Вери вскочил на ноги. Вся надстройка парохода была охвачена пламенем. Откуда-то с шумом и свистом вырывался пар и сжатый воздух. Видимо, на ходовом мостике были убиты все, поскольку судно не управлялось, а дрейфовало с сильным креном на левый борт. По палубе метались люди, крича и воя от ужаса. Никто не пытался ни навести порядок, ни организовать спуск шлюпок, чтобы снять раненых.

Вери вспомнил о товарище Кингисеппе и пытался пробиться в каюту капитана. Трап с левого борта, ведущий на надстройку, был разрушен, а из входа в помещение комсостава, где была сорвана с задраек водонепроницаемая дверь, валил то ли дым от пожара, то ли пар из разбитых трубопроводов. Пламя бушевало и на шлюпочной палубе, пожирая спасательные средства. От бушующего огня было светло, как днем.

Вери видел, что к гибнущему пароходу подходят несколько небольших кораблей, которые он принял за буксиры*. Подходят медленно, постоянно останавливаясь и меняя курсы. Как бы раздумывая, стоит подходить или нет.

Многие уже бросились в воду и плыли в направлении этих кораблей. Неожиданно где-то в середине судна снова что-то грохнуло, заскрежетало и ухнуло. В воздух поднялся новый сноп пламени, полетели обломки. «Ярвамаа» вздрогнула, задрожала ломающимся корпусом и упала на борт со страшным шипением поглощаемого морем огня.

* В действительности это были быстроходные тральщики Т-215, Т-211 и Т-218 из отряда прикрытия адмирала Пантелева, потерявшие в темноте и суматохе свои подорванные корабли, взяв на себя функции спасателей.

Вери не помнил, как оказался в воде, как его кружило в огромной воронке вместе с сотнями других людей и обломков.

Оперуполномоченный опомнился только от того, что ощутил как его горло обожгло спиртом и с удивлением обнаружил себя лежащим в трюме какого-то судна. Он был совершенно голым и черным от мазута. Кто-то в промасленной робе ложкой вливал ему в рот спирт. Рядом с ним в отсеке, прислонясь к переборке, сидел еще какой-то человек в рабочей матросской робе, со слипшимися от мазута волосами и слезящимися красными глазами. Это был капитан 2-го ранга Сагоян. Глотнув еще ложку спирта, Вери потерял сознание*.

23:30

Капитан 2-го ранга Цобель малым ходом вел сетевой заградитель «Азимут» через ночную тьму, прочесывая район, где более часа назад, примерно в 22:05, с мостика заградителя наблюдали чудовищной силы взрыв. Похоже, что взорвался один из транспортов их 2-го конвоя, в охранении которого и находился «Азимут». Строй конвоя давно нарушился и в темноте транспорты разбрелись кто куда.

Некоторые, приняв приказ командующего флотом встать на якорь, остановились. Другие продолжали движение: то ли не поняли приказ, то ли не желали ему подчиняться, памятуя о том, что на минном поле останавливаться нельзя. Куда-то пропала и канонерская лодка «Москва», где находился командир 2-го конвоя капитан 2-го ранга Антонов.

«Азимут» шел через ночь, но не мог обнаружить ничего. На том месте, где наблюдался взрыв не было ни обломков, ни плавающих в воде людей, ни огромных

* С парохода «Ярвамаа» спаслось 11 пассажиров и 5 человек команды (из 956).

озер мазута и солярки. Попались только два спасательных круга с надписью «Эверита»*.

Капитан 2-го ранга Цобель решил прекратить поиск и встал на якорь, ожидая рассвета и дальнейших приказаний.

23:40

Капитан турбоэлектрохода «Луга» Миронов приказал стать на якорь, как только получил приказ командующего флотом остановить движение. На борту «Луги» находились только раненых 1226 человек, распределенных примерно в равной пропорции по трюмам и верхней палубе.

Судно остановилось. Вблизи стоял на якоре пароход «Скрунда», а чуть далее — «Вторая Пятилетка». Ни одного корабля охранения видно не было.

Впрочем, все эти детали мало беспокоили главного врача «Луги» Федора Коровина, назначенного на судно в последний момент вместо заболевшего Барановского. Еще до отхода Коровин организовал на судне операционную, где два хирурга военно-морского госпиталя Яновский и Игнатьев непрерывно оперировали тяжело-раненых.

Перед выходом в море 3-го конвоя Коровин, собрав на короткое совещание весь медперсонал транспорта, предупредил их быть готовыми ко всему и не рассматривать переход в Кронштадт как легкую прогулку морем.

— А что может случиться? — поинтересовалась юная медсестра Аня Гашина.

— Что может случиться? — переспросил Коровин. —

* Видимо, это был пароход «Эверита», который, несмотря на свой тоннаж — 3251 БрТ, подорвавшись на mine, мгновенно затонул. Сила взрыва объясняется наличием на борту большого количества боеприпасов, взятых с острова Найссаар. Из 40 человек команды и 1500 пассажиров (гарнизон Найссаара) не спасся никто.

Все может случиться. Могут бомбить. Можно подорваться на mine. Могут атаковать торпедные катера, с берега обстрелять могут. Так что будьте готовы ко всему.

Но быть готовым ко всему невозможно.

И сам Коровин на мгновение растерялся, когда из-под левой скулы стоявшего на якоре транспорта вырвался сноп огня и высокий столб воды, сопровождаемый гулким рокотом подводного взрыва. «Лугу» подбросило и накренило на левый борт. Видимо, плавающая мина ударила турбоэлектроход в левую скулу.

Когда Коровин несколько пришел в себя, нос транспорта уже стремительно уходил в воду, а на верхней палубе началась неопишуемая паника. Люди стали бросаться за борт.

Коровин с ужасом наблюдал, как молоденький солдат, у которого обе ноги были в гипсе, опираясь руками о палубу, дополз до борта, перевалился через фальшборт и, упав в воду, мгновенно пошел ко дну. Обезумевшая от страха женщина, прижав к груди завернутого в одеяло ребенка и схватив за руку другого, примерно трех лет, бросилась с ними за борт. Она и трехлетний мальчик сразу же скрылись под водой, но завернутый в одеяло ребенок остался плавать на поверхности.

В этот момент медсестра Анна Гашина, которая совсем недавно со слезами жаловалась Коровину, что не умеет плавать, бросилась в воду и подхватила плавающего в одеяле грудного младенца. Кто-то бросил им круг и Анна, положив ребенка на круг, уцепилась за него. Течение относило ее прямо к стоящей поблизости «Скрунде».

Между тем, нос «Луги» погрузился в воду по верхнюю палубу. Корма задралась, обнажив винты. Носовой трюм оказался полностью затопленным и более трехсот находящихся там раненых погибли. Санитары во главе с Николаем Сониным сумели вытащить из трюма всего несколько человек, прежде чем его до верхней палубы затопила вода.

— Прекратить панику! — ревел с мостика через мегафон голос капитана Миронова. — Всем оставаться на местах!

23:45

Матрос Петр Григорьев был одним из тех, кому посчастливилось выбраться из носового трюма «Луги». Когда после оглушительного взрыва в трюм хлынула вода, Григорьеву показалось, что в транспорт попала бомба. Многих раненых в носовом трюме взрывом мины убило на месте, а крики других быстро заглушила хлынувшая через огромную пробоину вода. Откуда-то сверху доносились панические крики: «Пожар! Тонем!». Раненые в бинтах и гипсе поползли по трапу вверх. Григорьев не мог сказать точно, удалось ли кому-нибудь кроме него добраться до верхней палубы, но когда он это сделал, верхняя палуба «Луги» была уже в воде, и Григорьева сразу же смыло в море. Он был убежден, что погибнет. Далеко ли можно уплыть с перевязанными руками, спиной, исколотой осколками, с почти невидящими глазами. Соленая вода стала сразу же разъедать незарубцевавшиеся раны и он наверняка бы утонул, если бы судьба не послала ему толстенную длинную доску, за которую Петр Григорьев ухватился ранеными руками и с трудом поплыл, болтая ногами. Он то обвивался вокруг доски, то она оказывалась у него под мышками, то начинала яростно вырываться из рук. Он понимал, что эта доска сейчас его единственная опора и надежда на спасение. Все его помыслы и надежды были теперь связаны с ней — простой необструганной доской.

В полной темноте среди волн раненому Пете-Галифе совсем непросто было держать голову над водой так высоко, чтобы не захлебнуться.

Неожиданный удар волны перевернул доску, и не уцепись за нее Петр намертво обеими руками, доску бы наверняка вырвало и навсегда унесло в ночную тьму.

Григорьев постоянно внушал себе мысль, что его

вот-вот заметят и спасут. И он продолжал бороться за жизнь, пытаясь согреться, меняя положение тела и не отпуская доски. Он сильно ослаб после ранения, когда попавший в крейсер «Киров» снаряд изрешетил его осколками. Он это понял сейчас, находясь в воде посреди ночного залива. Он почувствовал, как слабеют его мышцы, как становятся дряблыми, словно тряпки, руки. Соленая вода уже причиняла жгучую боль. Она попадала в разбитый нос, раненый рот, огнем жгла все израненное тело, заливала горло. И вдобавок все тело пронизывал холод, расплывавшийся, как ртуть, от рук к плечам и дальше по всему телу. Судорогой сводило ноги.

Ориентировка была полностью потеряна. Григорьев не понимал, куда плывет, да его как-то это мало беспокоило. Он только крепче обнимал доску, встречая очередную волну с белым гребнем пены, ясно различимым даже в темноте. Руки и ноги деревенели. Дышать становилось все труднее. Вдохнуть свежий воздух удавалось только между мерно бегущими волнами. Все труднее становилось держать голову над волнами, не отпуская доски.

В его голове постоянно звучали слова: «Сильные выживают, слабые погибают». Григорьеву очень хотелось быть сильным и он не сдавался.

23:48

Капитан Остапенко медленно подводил «Скрунду» к борту подорвавшейся «Луги».

«Луга» упорно не хотела тонуть. Задрав вверх корму с винтами под углом примерно в 30 градусов и соответственно погрузив в воду нос, транспорт дрейфовал в этом нелепом положении, каждый момент рискуя подорваться на новой mine. О буксировке турбохода в таком положении не могло быть и речи.

Капитану Миронову и старшему врачу Коровину удалось ликвидировать панику на борту. Многие из бросившихся в море были втянуты обратно на палубу, вернее, на ту ее часть, что еще торчала над водой.

Передвигаться по палубе было сложно даже здоровым людям, которые постоянно рисковали сорваться и съехать по наклонной палубе, как с горки, прямо в воду. О раненых и говорить было нечего. Удержаться на мокрой и скользкой палубе у них не было никакой возможности. Кроме трехсот человек, погибших в носовом трюме, в воду соскользнули почти все находившиеся на верхней палубе «Луги». Со «Скрунды» и «Второй Пятилетки» спустили шлюпки, стараясь подобрать оказавшихся в воде, кого не унесло в темноту и у кого были силы еще держаться на плаву.

В подобных условиях Федор Коровин сделал отчаянную попытку спасти раненых, находившихся в центральном и кормовом трюмах. Матросы натянули над палубой леера, за которые можно было держаться, передвигаясь от трюма к борту.

При этом палуба «Скрунды» оказалась значительно ниже палубы «Луги», задранной вверх под тридцать градусов.

Передача раненых происходила с величайшим трудом. Некоторые срывались в воду вместе с санитарями. Многие дополнительно калечились, когда их почти сбрасывали на палубу «Скрунды».

Кроме того, если «Луга» усилиями доктора Смольникова была все-таки приведена в состояние более-менее напоминающее госпитальное судно, то «Скрунда» к перевозке раненых была совершенно не приспособлена. На старом угольщике было грязно, везде осела угольная пыль, а трюмы были забиты металлоломом и чугунными болванками. Все помещения были переполнены еще при выходе из Таллинна, так что раненых с «Луги» в буквальном смысле слова пришлось складывать друг на друга и где попало.

Неутомимый доктор Коровин неоднократно перебирался с тонущей «Луги» на «Скрунду» и обратно, руководя передачей раненых и их размещением на новом месте.

Даже в подобных нечеловеческих условиях подчиненные Коровину врачи и медсестры продолжали выполнять свои обязанности у коек и носилок с ранеными: поправляли повязки, давали лекарства, делали перевязки. Раненые кричали от боли, стонали, хрипели. Некоторые умоляли, чтобы их пристрелили.

Какой-то лейтенант, раненный в ноги и живот, которого передавали вместе с носилками на «Скрунду», сорвался из-за отсутствия на носилках предохранительных ремней и упал на палубу парохода прямо на перебитые осколками ноги. Находясь, видимо, в состоянии шока, офицер неожиданно вскочил и, прежде чем кто-нибудь успел ему помешать, бросился за борт.

В этот момент к противоположному борту «Скрунды» подскочил катер и передал на транспорт несколько человек, выловленных ранее из воды. Среди них вскарабкался по шторм-трапу на борт «Скрунды» главстаршина Глеб Веретенников — солист ансамбля песни и пляски КБФ, которого еще со времени первого налета авиации снесло взрывной волной с «Виронии». Веретенникова поразило огромное количество народа, теснившегося на верхней палубе «Скрунды», особенно раненых в бинтах и гипсе. Раненые продолжали прибывать, а Веретенников, с трудом протиснувшись на другой борт парохода, принял участие в приемке раненых с полузатонувшей «Луги». Казалось, им не было конца.

Матросы обоих судов и санитары, выбиваясь из сил, скользя по мокрой, наклонной палубе, продолжали свою адскую работу, пытаясь вырвать из лап смерти по возможности как можно больше людей, раненных и искалеченных в ожесточенных боях на подступах к главной базе Балтийского флота.

В полной темноте мелькали тусклые лучи аварийных фонарей и слышался властный голос доктора Коровина.

Адмирал Трибуц в своём салоне на крейсере «Киров» пытался собраться с мыслями и наметить дальнейший план действий. Еще до наступления темноты адмирал дал приказ остановить движение всех конвоев и отрядов боевых кораблей, не хуже других зная из теории военно-морского искусства о том, что при форсировании минного поля останавливаться нельзя.

Но в данном случае обстановка была совершенно особой, не имеющей никакого исторического аналога, а следовательно, и соответствующего научно-прикладного анализа.

Сотни, а возможно тысячи мин, сорванные с якорей, страшными косяками шли навстречу кораблям и транспортам, подчиняясь только воле встречного ветра и волн. Никакой защиты от них не было, да и не существовало. Особенно с наступлением темноты. С высокобортных транспортов мину и в светлое время суток было трудно заметить и почти невозможно предотвратить ее столкновение с судном.

Лучше отстояться на якоре, спустить шлюпки с наблюдателями и пытаться, по мере возможности, отводить свободно гуляющие по морю шары от бортов кораблей.

Сведения об уже понесенных потерях, которые флагманская служба связи сумела вытащить из бушующего эфира, повергли адмирала в шок. Знакомые корабли и еще более знакомые командиры ушли в вечность, в небытие, перестали существовать к исходу суток 28 августа.

Многие сведения доходили до «Кирова» в неточном или сильно искаженном виде, ретранслируемые случайными и вовсе неизвестными источниками. Так совсем недавно пришло сразу два сообщения о гибели лидера «Минск» со всем экипажем и находящимся на нем штабом флота во главе с адмиралом Пантелеевым. Особенно досадна была гибель Пантелеева. Не говоря уже о

том, что Трибуц очень хорошо сработался с Пантелеевым, он выше военных талантов своего начальника штаба ценил его высокую порядочность как человека, особенно в условиях той жестокой реальности, когда проявлять свою порядочность было крайне опасно. Трибуц понимал, что если ему удастся благополучно прибыть в Ленинград, неминуемо начнется следствие по всем аспектам деятельности флота, обороны Таллинна и этого похода, а потому потеря такого важного свидетеля как адмирал Пантелеев, который мог честно и беспристрастно объяснить многие поступки и решения командующего флотом, была для адмирала Трибуца очень болезненной.

Глубокую личную боль причинили известия о гибели на «Артеме» капитана 2-го ранга Сидорова и на «Волдарском» — капитана 2-го ранга Фалина. Оба были старыми соплавателями адмирала. С первым он когда-то служил в одной бригаде, зная его как отличного моряка с широким кругозором и огромным опытом. С Николаем Фалиным Трибуцу довелось еще в молодости совершить переход вокруг Европы — из Кронштадта в Севастополь на линейном корабле «Парижская Коммуна», а затем вместе служить на балтийских эсминцах.

Трибуц уже знал и о гибели других командиров кораблей: капитана 3-го ранга Баландина, старшего лейтенанта Родзиева, старшего лейтенанта Орлова, капитан-лейтенанта Филиппова, капитана 3-го ранга Аверочкина. Он еще ничего не знал об остальных. В частности, о судьбе контр-адмирала Ралля. По одним сведениям он погиб, по другим — был раненым снят на катер.

И все время перед глазами стоял переламывающийся пополам «Яков Свердлов» и стелящийся над морем дым, оставшийся на месте мгновенно затонувшего эсминца.

Но то, что еще цел «Киров» — это большая удача. Укрытый ночной темнотой крейсер стоял посреди наспигованного минами залива. Сотни глаз выставленных на верхней палубе наблюдателей следили за поверхностью воды. Четыре шлюпки дежурили у форштевня крейсера.

Адмирал понимал, что противник был захвачен по каким-то причинам врасплох. Видимо, немцы не ожидали, что так быстро удастся осуществить погрузку войск на транспорты, организовать конвои и увести из Таллинна такую уйму кораблей. Весь прошедший день говорил именно об этом. Не очень уверенные и целеустремленные атаки авиации, полное отсутствие в море немецких и финских торпедных катеров, импровизированные действия с берега. Завтра все будет хуже. С первыми же лучами солнца начнутся систематические налеты авиации на все корабли и суда, атаки надводных кораблей и мины. Мины никуда не денутся. Они были сегодня, они будут завтра. По его расчетам, они сейчас находятся где-то на середине минного заграждения, форсировать которое засветло так и не удалось.

Прежде всего необходимо восстановить порядок охраны. «Яков Свердлов», охранявший «Киров» со стороны левого борта, погиб. Где-то за кормой в темноте остался подорванный «Гордый», несший охранение с правого борта. Отстал и «Ленинград», шедший в замке ордера. Остался только «Сметливый».

Что касается остальных кораблей, то в штабе уже знали, что все эсминцы и сторожевики арьергарда адмирала Ралля погибли. В штабе считали, что погиб «Минск», а чуть ранее — «Скорый». При проведении любой операции на море в штаб флагмана всегда приходит большой объем искаженной или просто неверной информации.

Подорвался и отстал «Славный». Его дальнейшая судьба была пока неизвестна. Неизвестно было также, где находится лидер «Ленинград», а также эсминцы «Свирепый» и «Суровый». Связи с ними не было, но и никаких сообщений об их гибели или серьезных повреждениях также не поступало.

Зато с правого борта «Кирова» возник из темноты (и чуть не попал под обстрел) тральщик «Патрон» старшего лейтенанта Ефимова, который входил в отряд тральщиков,

ведущих силы прикрытия адмирала Пантелеева. Пока было неясно, почему «Патрон» оторвался от сил прикрытия и где остальные тральщики отряда. Ему было приказано оставаться с правого борта «Кирова», заменив поврежденный «Гордый». Если не удастся связаться с другими кораблями, то придется поставить с левого борта «Сметливый» и с первыми же лучами рассвета сниматься с якоря и идти в Кронштадт.

— Завтра, — предрек адмирал Трибуц находящимся вместе с ним в салоне адмиралу Дрозду и капитану 1-го ранга Питерскому, — главную опасность будут представлять не мины, а авиация противника.

Никто из присутствующих не возражал. Все понимали, что именно так и будет. В связи с гибелью, выходом из строя и уходом практически всех боевых кораблей, беззащитные, переполненные людьми транспорты фактически оставляются на растерзание немецким бомбардировщикам. Воцарившаяся в адмиральском салоне тишина была очень напряженной.

Чтобы прервать неловкое молчание, адмирал Трибуц нервным жестом взял со стола бумагу, представленную ему накануне адмиралом Дроздом. Это был рапорт командира «Кирова» капитана 2-го ранга Сухорукова на имя Дрозда, напоминающий о том, что в ходе обороны Таллинна с крейсера в составе сводного батальона морской пехоты на сухопутный фронт было направлено сорок два человека. Ни один из них на корабль не вернулся. Сухоруков просил указаний у Дрозда, как этих людей теперь числить? Но Дрозд лишь завизировал рапорт, предоставив принять решение командующему флотом.

— Как же их можно числить? — переспросил Трибуц, накладывая резолюцию. — Только пропавшими без вести.

29 АВГУСТА 1941 ГОДА, ПЯТНИЦА.

00:05

Капитан 3-го ранга Горбачев — командир лидера «Ленинград» — и его старший помощник капитан-лейтенант Проказов с тревогой всматривались в непроглядную темноту августовской ночи, плотным, почти непроницаемым одеялом окутавшей Финский залив.

По последнему определению места они находились примерно в десяти милях к западу от острова Вандло.

Лидер стоял на якоре, монотонно покачиваясь на встречной волне. С палубы постоянно доносились нервные, предупреждающие крики матросов о появлении вблизи корабля плавающих мин. Некоторых сгрудившиеся вдоль бортов матросы провожали настороженными взглядами, когда мины, подпрыгивая и покачиваясь на волнах, медленно проплывали мимо корабля; некоторых стгоняли от борта нежными ударами футштоков, передавая их по цепочке и отправляя за корму.

Все светлое время суток «Ленинград», находясь в составе главных сил, шел, держась на расстоянии примерно в полутора кабельтовых в кильватер крейсера «Киров», впереди бригады подводных лодок капитана 1-го ранга Египко.

Орудия лидера приняли участие в отражении пары робких налетов немецких бомбардировщиков на корабли отряда главных сил, а в основном время вначале текло достаточно монотонно, отмечаемое лишь сменой вахт и звоном склянок.

С мостика лидера не видели ни перископов подводных лодок, ни грозных белых усов несущихся в атаку торпедных катеров.

Опыт подсказывал Горбачеву, что в подобных условиях вряд ли возможна атака подводных лодок и торпедных катеров противника.

Главную опасность представляли авиация и мины. Но немецкая авиация все светлое время суток 28 августа действовала как-то нерешительно и неорганизованно. А мины вскоре дали о себе знать.

Обстановка осложнялась еще и тем, что корабли главных сил следовали за тральщиками в режиме главным образом среднего и малого ходов. На такой скорости режущие механизмы параван-охранителей были не в состоянии подрезать минрепы вражеских мин даже в том случае, если в них не были вплетены звенья якорь-цепей. А потому подтягивали мины вместе с параванами к борту, резко увеличивая вероятность подрыва.

Сначала стали попадаться плавающие мины, видимо, подсеченные и не уничтоженные идущими впереди тральщиками.

— Прямо по носу мина! — постоянно кричал впередсмотрящий сигнальщик Веричев, дублируя свой крик резкими короткими свистками.

На ходовом мостике взвизгивали ревуны машинного телеграфа и капитан 3-го ранга Горбачев давал короткие отрывистые команды на руль, где почти бессменную вахту нес лучший рулевой «Ленинграда» старшина 1-й статьи Николай Мухин.

В одном случае, когда мина проходила всего в метре от борта, с полубака доложили, что прямо на лидер идет еще одна мина. Маневрировать в таких условиях, казалось бы, совершенно невозможно. Одна мина направлялась прямо к левому борту «Ленинграда», вторая — шла на форштевень. При маневре уклонения вправо левый борт лидера неизбежно должен был ударить по мине. При повороте влево существовала опасность подрыва

сразу на двух минах. Между тем, мина, идущая к борту, как бы обладая разумом, уклонилась от вытянутых в ее сторону футштоков, закрутилась вокруг своей оси, как бы готовясь к последнему броску на корабль. На одно мгновение на «Ленинграде» наступило полное оцепенение. Все смотрели на приближающуюся смерть, с каким-то массовым фатализмом ожидая ее.

В этот момент капитан 3-го ранга Горбачев увидел, как один из стоявших на палубе матросов, передав футшток стоявшему рядом, прыгнул за борт. Отталкивая мину руками, он поплыл прочь от корабля.

— Лево руля! — скомандовал Горбачев, и лидер в последнюю секунду уклонился от идущей прямо на его нос мины, оставляя ее в полутора метрах по левому борту.

Когда неожиданно остановился «Киров», затралив параванами обоих бортов по мине, Горбачев остановил лидер. Бросившегося за борт матроса, который даже не обвязался концом, удалось втащить обратно на палубу и отправить в лазарет, чтобы согреться. Командиру доложили, что фамилия матроса Козлов.

Последовательность взрывов, которые в течение нескольких минут отправили на дно «Яков Свердлов», подводную лодку «С-5» и тяжело повредили «Гордый», волной ужаса накрыла всех на борту «Ленинграда».

Опомнившись от шока и потрясения при виде переламывающегося пополам «Якова Свердлова», Горбачев, дав команду на руль, повел лидер на помощь погибающим, но в этот момент услышал отчаянный крик сигнальщика: «В правом параване мина!» Через секунду новый доклад: «В левом параване мина!»

Горбачев остановил корабль, а затем дал задний ход. Параваны всплыли вместе с минами.

Приказав обрубить параваны, Горбачев задним ходом вывел «Ленинград» из опасной зоны, остановил корабль и приказал поставить новые параваны.

И в этот момент по лидеру, стоявшему без хода, открыла огонь батарея противника с мыса Юминда.

Командир БЧ-2 лидера старший лейтенант Нефедов и артиллерийские офицеры — лейтенанты Белый и Сви-рин, накопившие за время осады Таллинна большой опыт в контрбатарейной борьбе с артиллерией против-ника, быстро засекли вражескую батарею. Во время обо-роны Таллинна, когда немецкие войска вошли в зону обстрела корабельной артиллерии, лейтенант Сви-рин почти все время проводил на башне «Длинный Герман», научившись по дымам и вспышкам точно и быстро за-секать артиллерийские позиции немцев и передавать по-лученные координаты на лидер. Сейчас управляемые им пять стотридцаток «Ленинграда» открыли беглый огонь по берегу.

Пока «Ленинград» менял параваны и сражался с не-мецкой береговой батареей, остатки отряда главных сил ушли далеко вперед.

Лидер шел малым ходом, то и дело уклоняясь от плывущих навстречу мин, обнаруживать которые с каж-дой минутой становилось все труднее. С мостика лидера наблюдали вспышки взрывов вдали. Порой ветер доно-сил рокочущий гул разрывов.

Горбачев уже вторые сутки не покидал мостика. Впрочем, идти ему было некуда. В его каюте обосновал-ся заместитель начальника политуправления КБФ бри-гадный комиссар Корякин, в салоне — полковой комис-сар Вишневский, а каюту старпома занимал нарком ком-мунального хозяйства Эстонии Радек. В кают-компани находились тридцать пять летчиков и техников, которые не могли улететь из Таллинна из-за поврежденных ма-шин, уничтоженных при эвакуации.

Впрочем, все они теперь высыпали на верхнюю палу-бу, чтобы не быть блокированными внизу в случае под-рыва корабля. Летчики, вооружившись футштоками, шестами и досками помогали матросам отталкивать мины от корабля. Некоторые встали к орудиям на по-дачу снарядов или влились в число наблюдателей.

Что касается сановных пассажиров, то они стояли на

юте, выглядя несколько комично от одетых поверх шинелей спасательных поясов, напоминая в сумерках больших императорских пингвинов, случайно попавших на корабль. Полковой комиссар Вишневский даже поднимался на кормовой мостик, где справлялся у старшего помощника Проказова, все ли готово к спуску шлюпок в случае «аварийной обстановки». И каков порядок посадки в шлюпки лиц из числа руководства КБФ? Капитан-лейтенант Проказов хотел отшутиться: мол о каких шлюпках может идти речь, когда все идет нормально. Идем в Кронштадт. Шли бы вы, ей-Богу, спокойно спать, товарищ полковой комиссар. И товарищам, которые с вами, скажите, чтоб не волновались.

Однако, пока капитан-лейтенант Проказов говорил Всеволоду Вишневскому эти успокаивающие слова, минимум трижды раздавались крики наблюдателей, предупреждающие о плавающих минах. Поэтому слова старпома звучали не очень убедительно.

Полковой комиссар Вишневский был человеком злопамятным, о чем офицеры КБФ знали очень хорошо, стараясь не обострять с ним отношений. Проказов знал, что накануне Горбачев фактически согнал Вишневского с ходового мостика, который тот хотел использовать как трибуну для стихийного митинга. Он мог поступить также, поскольку в походе был хозяином кормового мостика, где находился командный пункт старшего помощника командира, но решил не лезть на рожон. Извинившись, сославшись на неотложные дела, капитан-лейтенант ушел с мостика, оставив за себя главстаршину Немчинова. Сам же он поднялся на ходовой мостик, решив доложить командиру лидера о беспокойстве высокопоставленных пассажиров, что им в случае гибели лидера не достанется места в спасательных шлюпках.

Капитан 3-го ранга Горбачев выслушал своего помощника с улыбкой:

— Пусть поволнуются. Я, что ли, не волнуюсь. Дай им футштоки — пусть мины отталкивают.

Как раз в это время с радиорубки доложили, что принят приказ командующего приостановить движение и встать на якорь.

Горбачев немедленно приказал встать на якорь, переведя ручки машинного телеграфа на «Стоп».

«Ленинград» прогрохотал якорь-цепью.

Горбачев считал приказ командующего совершенно правильным. При наличии такого огромного количества плавающих мин движение ночью представлялось совершенно невозможным. Никакая теория, не рекомендовавшая останавливаться при форсировании минного заграждения, в данных условиях не действовала. Не существовало и никаких методов борьбы с минами, которые косяками шли в полной темноте на корабли.

Не успели стать на якорь, как переговорная труба из радиорубки доложила, что принято радио от начальника штаба флота адмирала Пантелеева. «Минск» подорвался на mine, потерял ход и нуждается в помощи. Однако своего места «Минск» точно не давал. Затем такие же призывы были приняты со «Славного» и «Гордого».

Пока Горбачев размышлял над полученными радиogramмами, с полубака раздался душераздирающий крик: «Полундра! Мины! Две, три! Пять!!!»

Плкнув на угрозу подводных лодок, включили прожектор. Такого еще видеть не приходилось. Около пятнадцати мин, охватывая «Ленинград» с обоих бортов, приближались к лидеру с трех сторон. В этой картине было что-то мистически жуткое. Казалось бы, ветер и течение, которые прибивали мины с носа и левого борта, должны были отгонять их от правого борта. Но ничуть ни бывало. С правого борта мины также шли к борту «Ленинграда», как и с левого.

Тишину нарушил хриплый голос старшего боцмана «Ленинграда» мичмана Дормидонтова:

— Шевелись, моряки! Отпихивай их рогатинами!

Малейшее неосторожное движение, при котором взорвалась хотя бы одна мина, вызвало бы немедленно

детонацию остальных и мгновенное уничтожение в огненном вихре самого лидера и почти трехсот человек, находящихся на его борту. И как всегда случается в минуты смертельной опасности, когда обстановка уже выглядит, казалось бы, совершенно безнадежной, выход нашелся, стихийно подсказанный мощным коллективным инстинктом самосохранения.

Один за другим, обвязавшись концами, а иногда и не делая этого, моряки «Ленинграда» стали прыгать за борт, ставя себя между минами и бортами своего корабля. Иногда по одному, иногда вдвоем они выставляли перед минами живой щит, отплывая вместе с ними от корабля, уводя страшные шары за корму «Ленинграда».

Луч включенного на мостике прожектора своим прозрачным светом выхватывал из крошечной тьмы совершенно невероятные картины борьбы мокрых и голых живых людей с черной и мертвой смертью, подпрыгивающей на лоснящейся поверхности ночного залива.

А с палубы продолжали доноситься крики сигнальщиков:

— Прямо по носу мина!

— Две мины с левого борта!

И новые люди бросались за борт к ним навстречу.

00:10

Анна Щетинина, капитан парохода «Сауле», в наступившей темноте потеряла из вида остальные транспорты своего конвоя. Пароход продолжал идти малым ходом в восточном направлении. Выставленные на полубак и по бортам наблюдатели из числа добровольцев-пассажиров следили за плавающими минами.

За время стоянки в Таллинне Щетининой удалось более-менее отремонтировать старый латвийский пароход и подготовить его к переходу в Ленинград.

«Сауле» был построен полвека назад в Ньюкастле, имел название «Борс» и в 1927 году был приобретен латвийской компанией «Джура» для нужд молодой респуб-

лики. Повреждения, полученные накануне от налета немецкой авиации, для такого ветхого судна были очень серьезными и, конечно, качественно отремонтировать их подручными средствами за четыре неполных дня не удалось. Снесенное правое крыло мостика, разумеется, восстановить не смогли. Открывшуюся пропасть кое-как оградили найденным листом железа и фанерой. Залатали, где могли, разбитые трубопроводы, отремонтировали рулевую машину (без всякой гарантии), перебрали и ввели в строй поврежденные осколками вспомогательные механизмы. Старший механик, семидесятилетний Ян Эйве, второй механик Петр Кузнецов со своими мотористами трое суток работали практически без сна. Не меньше работы было и у палубной команды, возглавляемой боцманом Ильей Ашихиным.

В ремонте судна приняли участие и бойцы зенитного дивизиона, принятые на борт вместе с техникой и грузами в количестве 950 человек. В последнюю минуту на «Сауле» погрузили еще около сотни раненых беженцев...

Получив по радио приказ встать на якорь, Щетинина без всяких колебаний решила этот приказ игнорировать. Она уже достаточно ясно представляла себе сложившуюся обстановку. С наступлением темноты строй их 2-го конвоя рассыпался, никто не руководил движением, боевые корабли либо погибли, либо занимались спасением друг друга. Теперь ей предписывают простоять на якоре посреди залива. С рассвета начнутся атаки с воздуха. Ей хватило впечатлений от воздушных атак еще 24 августа, когда немецкие бомбардировщики загнали на камни «Сигулду» и повредили «Сауле». Если же продолжать движение всю ночь, то завтра к середине дня можно будет уже добраться до Гогланда.

Мины? Щетинина взглянула на карту, где весьма схематично были нанесены минные заграждения противника на пути от Таллинна до Кронштадта. Эту карту ее штурман Сергей Ступников получил в штабе на «Виронии» вечером 26 августа.

Если попытаться обойти эти минные заграждения с севера, а затем, немного изменив курс на юго-восток, можно прийти прямо на Гогланд. Прямо в штурманской рубке Щетинина провела короткое совещание со своим помощником Николаем Брызгиным и штурманом Сергеем Ступниковым. Оба согласились с мнением капитана, хотя Ступников выразил опасение, что при таком маневре можно нарваться на надводные корабли противника. В немецкие надводные корабли Щетинина уже не верила, а вот на торпедные катера немецкие и финские нарваться на северном курсе было более чем вероятно. Но это все же лучше, чем стоять всю ночь на якоре среди компота из плавающих мин. А все светлое время суток следующего дня идти под непрерывными ударами вражеской авиации.

«Сауле» изменил курс и под покровом ночи малым ходом пошел на север.

Время уже перевалило за полночь, когда Анна Щетинина повернула свой пароход на юго-восток — туда, где за далеким горизонтом находился остров Гогланд — один из последних балтийских островов, еще остававшихся в наших руках.

00:15

В тепле моторного отсека катера МО военный корреспондент Михайловский постепенно пришел в себя. Тело перестали сводить судороги, туман в голове рассеивался. Вскоре он даже стал различать отдельные слова, а затем и целые фразы. Кто-то громким голосом кричал: «Огнетушитель! Огнетушитель!»

При слове «огнетушитель» Михайловский окончательно очнулся и сел, прислонившись спиной к переборке. Рядом сидел еще какой-то человек в матросской робе с лицом перепачканным следами мазута. Оказалось, что он тоже спасенный с «Виронии». Капитан-лейтенант Грачев — командир подводной лодки «Щ-301». Лодка подорвалась на mine и погибла еще в начале перехода.

Спасшихся катер пересадил на «Виронию». Грачев не помнил, как снова оказался в воде. Наверное, снесло взрывом. Долго плавал, пока не подобрал этот катер. О судьбе четырнадцати спасшихся с подводной лодки моряков не знает ничего.

Михайловский ничем помочь не мог. Он также не знал ничего о судьбе тех, кто был вместе с ним на «Виронии» в течение долгих дней обороны Таллинна.

Сверху постоянно слышались громкие тревожные голоса, предупреждающие о плавающих минах и раздавался спокойный голос командира катера, командовавшего рулем.

Неожиданно прозвучал протяжный крик: «Человек на mine!»

С трудом поднявшись на ноги, шатаясь как пьяный, цепляясь за поручни, Михайловский выбрался на верхнюю палубу.

Палуба была переполнена спасенными из воды. Голые люди сидели и лежали на ней, дрожа от холода, но не желая спускаться вниз, чтобы хоть слегка обогреться. Они уже знали, что значит находиться внизу, когда корабль, подорвавшись на mine, мгновенно уходит в пучину.

Все уговоры и приказы командира очистить верхнюю палубу не приводили ни к чему, а применять силу к этим несчастным ни у кого не хватало духу...

Приглядевшись, Михайловский увидел в темноте захлестываемого волнами человека, словно приклеенного к круглому телу мины.

Катер медленно приближался к нему задним ходом. Несмотря на смертельную усталость, литературный мозг Михайловского немедленно оценил всю парадоксальность этой картины. Смерть и спасение!

Мина, предназначенная для смерти и уничтожения, оказалась для кого-то и средством спасения. Мина — спасательный шар в схватке человека со смертью. Отпусти ее — и тебе конец: обессиленный сразу пойдешь ко дну.

— Отплывайте в сторону! — прокричал командир в мегафон. — Сейчас мы к вам подойдем!

Ухватившийся за мину человек долго не мог освободиться от своей страшной спасительницы. Наконец он все-таки отплыл в сторону, и катер малым ходом приблизился к нему. С борта бросили спасательный конец и человек с каким-то жадным исступлением вцепился в него.

Спасенного втянули на палубу. Им оказался юноша в матросской форме с посиневшим лицом и застывшими, устремленными в одну точку, остекленевшими глазами.

Несмотря на все уговоры, спасенный, оказавшийся курсантом училища имени Фрунзе, отказывался отпустить конец. Его уговаривали, пытались разжать пальцы, но ничего не помогало. В итоге конец пришлось обрубить, оставив кончик в не разжимающихся ладонях курсанта. Юношу отнесли в кубрик и положили на койку, чтобы пришел в себя...

Михайловский снова спустился вниз в тепло моторного отсека.

В этот момент катер резко дернуло и подбросило. Чтобы удержаться на ногах, Михайловский схватился за какую-то горячую трубу, отпустил ее, вскрикнул от ожога и упал на палубу.

— Мину расстреляли, — успокоил его матрос-моторист.

Еще не затих прошедший по воде металлический гул, как снова послышались голоса сигнальщиков:

— Справа по борту мина!

— Слева мина!

— Прямо по курсу мина!

А затем раздалась команда: «Все навех!»

Михайловский опять вышел на верхнюю палубу. И на этот раз очнулся окончательно.

Катер стоял в центре сплошного минного поля из плавающих мин. Они шли на маленький корабль, окружая его со всех сторон.

Работая моторами на самом малом ходу, катер, пока

существовала возможность, пятился от наступающих мин. Все способные двигаться выбежали на верхнюю палубу.

Видя, как черные шары смерти словно по огромному бильярдному столу катятся на катер, Михайловский решил, что уж теперь его песенка наверняка спета.

В этот момент с мостика дали команду: «Все свободные от вахты — за борт! Руками отталкивать мины!»

Стоявшие рядом с Михайловским матросы быстро сбросили с себя непромокаемые плащи, сапоги и брюки и устремились в ночное море навстречу наседающим минам.

С мостика слышались отрывистые команды: «Задний ход! Лево руля!». Катер, как по смертельному лабиринту, лавировал среди мин и матросских голов в воде, стараясь не задеть ни тех, ни других. Мины шли потоком, как с заводского конвейера. Стоило обойти одну, как перед охотником появлялись две новых.

Из темноты Михайловский услышал недовольный голос командира катера:

— Надо бы всех спасенных куда-нибудь пересадить. А то забили верхнюю палубу. Того и гляди — перевернемся.

Катер встал. Идти дальше было уже невозможно. Мины, отталкиваемые плавающими за бортом матросами, обтекали кораблик с двух сторон. Ничего подобного Михайловскому никогда видеть не приходилось.

00:25

На мостике эскадренного миноносца «Свирепый» командир дивизиона эскадренных миноносцев капитан 2-го ранга Маслов и исполняющий обязанности командира миноносца капитан-лейтенант Мазепин размышляли над радиограммой, пришедшей с «Минска» от адмирала Пантелеева. Радиостанция лидера «Минск» ожила и послала в ночную тьму штабные директивы. «Свирепому» предписывалось разыскать эсминец «Гордый» и отбуксировать его в Кронштадт. При этом давалось примерное

место, где находился лишившийся хода полузатопленный «Гордый».

Эта радиограмма совсем не соответствовала планам Маслова и Мазепина, видевшими свою главную задачу на переходе из Таллинна в Кронштадт в охране транспортов 1-го конвоя. Правда, в охранении оставался еще эсминец «Суровый», где находился командир конвоя капитан 2-го ранга Богданов, и сторожевики. Но с «Суровым» не было связи и от Богданова не поступало никаких указаний.

До наступления темноты «Свирепый» неотлучно находился при транспортах 1-го конвоя. Будучи бессильным защитить их от мин, эсминец довольно успешно отгонял от транспортов шквальным зенитным огнем самолеты противника и подводные лодки, одну из которых ему даже удалось таранить*.

«Обнаружил, забросал глубинными бомбами и таранил подводную лодку противника, — предупреждая остальные корабли, сообщила радиостанция «Свирепого». — Лодка предположительно уничтожена».

Но, видимо, подводная лодка противника либо действовала не в одиночку, либо так и не была уничтожена. Потому что в 19:43, когда «Свирепый» снова ставил дымовую завесу, чтобы прикрыть транспорты от огня немецкой береговой батареи с мыса Юминда, с мостика заметили две торпеды, которые прошли по правому борту на расстоянии 25—30 метров, обгоняя корабль.

«Свирепый» обследовал этот район и сбросил еще две серии глубинных бомб. Однако на этот раз никакого конкретного результата атаки не наблюдалось.

Ведя охоту за подводной лодкой противника, «Свирепый» сильно отстал от конвоя и вдобавок попал под атаку трех «юнкерсов», появившихся неизвестно откуда.

Бомбардировщики один за другим, воя включенными

* Снова напоминаем, что в это время никаких подводных лодок противника в этом районе не было.

сиренами, спикировали на эсминец, сбросив несколько бомб. «Свирепый», маневрируя на скорости двенадцать узлов, вел яростный зенитно-заградительный огонь.

Одна из бомб взорвалась метрах в двадцати от корабля. Эсминец сильно потрянуло и подбросило в воде. В результате сотрясения корпуса в посту управления постановкой дымзавес (пост ДА-2) вырвало кислотный клапан. Румпельное отделение наполнилось дымом, которым разъело обмотку мотора рулевого управления и мотор вышел из строя. При ликвидации аварии несколько человек получили ожоги и были направлены в лазарет.

Отбившись от самолетов, «Свирепый», увеличив скорость, пытался догнать конвой, но около 20:00 подсек параваном мину и вынужден был остановиться.

Почти одновременно с этим происшествием сигнальщики начали почти непрерывно докладывать об обнаружении плавающих мин. На эсминце к бортам выставили матросов с футштоками, чтобы отталкивать мины от бортов. Пришлось уменьшить скорость хода до пяти узлов, осторожно продвигаясь в восточном направлении.

Караван догнать не удалось. В наступившей темноте главным было не пропустить очередную мину, идущую на эсминец.

Откровенно говоря, у капитана 2-го ранга Маслова больше болела душа за судьбу своих эсминцев, нежели потерявшихся транспортов 1-го конвоя. Поэтому, получив приказ идти на помощь подорвавшемуся «Гордому», командир дивизиона хотел немедленно начать его выполнение, но посоветовавшись с Мазепиным и его старпомом Стрельцовым решил подождать, когда хоть немного рассветет.

«Свирепый» стоял на якоре, и его моряки, как и на всех других кораблях, надеялись, что им придется обнаружить и миновать все сотни плавающих мин, которые ветром, течением и злым роком несло навстречу затемненным кораблям, прорывающимся из Таллинна в Ленинград. И никто не знал, кто сумеет быстрее добраться

до Ленинграда — корабли КБФ, ведущие транспорты с десятками тысяч солдат, имевших бесценный опыт двухмесячных ожесточенных боев за Таллинн, или противник, чьи танки, круша наспех сформированные и необученные дивизии народного ополчения, рвались к городу по суше, охватывая его удавкой гигантского кольца.

00:35

Капитан турбохода «Луга» Миронов, с трудом передвигаясь по наклонной палубе, еще раз убедился, что на судне не осталось никого, кроме него и двенадцати добровольцев, которых он попросил остаться в надежде спасти турбоход.

Героический труд его экипажа и моряков «Скрунды» закончился. Все раненые были эвакуированы с «Луги», если не считать трехсот человек, погибших при затоплении носового трюма.

Эта тяжелейшая работа усугублялась еще и тем обстоятельством, которое занозой торчало во всех головах, что «Луга» в любую следующую минуту утонет, унеся с собой всех раненых, и тех, кто пытался их спасти, переправляя на «Скрунду».

Однако переборка между первым и вторым трюмами оказалась достаточно прочной, и «Луга» продолжала держаться на плаву с задранной вверх кормой, оголенным винтом и неработающей турбиной.

В таком виде судно дрейфовало по минному полю, но тонуть отказывалось. Убедившись в безнадежном состоянии судна, капитан Миронов приказал сойти всем в шлюпку и открыть кингстоны.

И с открытыми кингстонами «Луга» долго не хотела тонуть. Она жалобно стонала, когда вода вытесняла воздух из затапливаемых помещений. Наконец свист вытесняемого воздуха и шум пара из разбитых трубопроводов слились в один пронзительный вой, «Луга» встала вертикально кормой вверх и медленно, как бы нехотя, стала уходить в воду.

Детали трагедии скрыла темнота.

Капитан Миронов точно определил место гибели своего судна: 59 градусов 47 минут северной широты и 25 градусов 26 минут восточной долготы.

После гибели судна Миронов приказал направить шлюпку к черневшему в ночи силуэту теплохода «Вторая пятилетка».

С теплохода сбросили трап, и моряки «Луги» поднялись на борт «Второй пятилетки», стоявшей среди ночного залива на якоре.

«Скрунды» не было видно. «Луга» затонула. Где другие суда конвоя — не знали ни капитан погибшей «Луги» Миронов, ни капитан «Второй пятилетки» Лукин. Не поступало никаких указаний ни от командира конвоя, ни с лоцманских судов.

Выполнялся приказ командующего КБФ провести темное время суток стоя на якоре.

00:40

Лейтенант Панцырный с мостика своего катера «МО-210» увидел в темноте силуэты крупных кораблей и догадался, что это отряд главных сил. Лейтенант не решился идти дальше. Малым кораблям в ночное время было категорически запрещено без вызова подходить к крейсерам и эсминцам, чтобы не быть принятыми в темноте за противника со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Выключив моторы, лейтенант решил дождаться рассвета.

«МО-210» медленно дрейфовал в темноте и наконец придрейфовал к другому катеру, также стоявшему без хода. Это оказался «МО-142» старшего лейтенанта Обухова, который шел в составе главных сил, но из-за повреждения мотора и течи отстал, а теперь также боялся приблизиться к главным силам флота.

— Кто там впереди? — спросил Панцырный у Обухова.

— Можно сказать, один «Киров», — ответил Обухов. — И еще с ним, кажется, «Сметливый». Что с тральщиками — не знаю. Остальные или погибли, или подорвались.

— А «Яков Свердлов»? — поинтересовался с тревогой Панцырный. — Что с ним?

— На моих глазах погиб, — рассказал Обухов. — Я находился в каких-то двух кабельтовых от него. Вдруг над эсминцем поднялся столб пламени, и он стал переламываться. Нос и корма оказались задранными, а на середине уже перекатывались волны. Корма все больше задирались вверх, винты оголило, с палубы посыпались люди вместе с глубинными бомбами. Одна из этих бомб взорвалась почти у моего борта. Катер так трянуло, что заглох левый мотор и потек корпус. Поэтому и отстал.

Панцырный, в свою очередь, рассказал Обухову о гибели отряда контр-адмирала Ралля, чему он был очевидцем.

— Значит, нет больше «новиков» на Балтике, — подвел печальный итог Обухов. — Погибли все до одного.

— Да, — согласился Панцырный, — выходит, что все семь погибли. За два месяца.

Командиры катеров минуту помолчали, а потом лейтенант Панцырный, указывая на силуэт «Кирова», спросил:

— Какие-нибудь корабли ушли дальше?

— Наверяд ли, — ответил Обухов. — Мы обогнали все караваны.

— Почему же эскадра остановилась? — продолжал допытываться Панцырный.

Старший лейтенант Обухов пожал плечами:

— Не знаю. Говорят, что где-то показались торпедные катера. На крейсере, видно, ждут рассвета.

— Очень интересно! — удивился Панцырный. — Ведь любому курсанту известно, что нельзя останавливаться на минном поле при его форсировании. Кроме того, для такого перехода как наш, самое лучшее время — темная

ночь. В темноте всегда бы удалось отделаться меньшими потерями.

— Командующий на «Кирове», — рассмеялся Обухов. — Иди посоветуй, как ему действовать.

— Он, наверное, только и ждет моих советов, — мрачно пошутил лейтенант Панцырный.

Он взглянул на часы. До рассвета было еще около четырех часов. Лейтенант разрешил большей части команды отдыхать, а сам остался на мостике.

00:50

Сброшенный взрывом авиабомбы с парохода «Алев» матрос Сергей Заяицкий и спасенная им женщина все еще находились на плоту, который, благодаря счастливому случаю, повстречался у них на пути, когда они плыли, держась за бревно. Заяицкий сначала сам забрался на плот, а затем втащил на него и женщину.

Нашли какие-то обрывки веревки и с их помощью привязали к плоту две плавающих поблизости бочки и толстый деревянный брус.

Немного передохнув, стали смотреть по сторонам — искать находящихся в воде людей. Вскоре обнаружили еще несколько барахтающихся в воде людей и помогли им забраться на плот. Пассажиров на плоту прибывало и он погружался все глубже в воду, но не переворачивался и не тонул: не давали бочки и толстый брус.

Затем на залив опустилась ночь.

Спасенные сидели на плоту. Разговаривать не было сил. Сидели молча, всматриваясь в темноту — не мелькнет ли где-нибудь тень парохода или хотя бы катера.

Шли часы, но ничего обнаружить не удалось. Никто не появлялся. Лишь время от времени горизонт озарялся багровыми вспышками и холодный ночной ветер доносил до них рокот далеких взрывов.

Те малые штурманские познания, которыми владел матрос Заяицкий, помогли ему примерно определить место, где находился плот: примерно в девяноста милях

к западу от Ленинграда. Если ветер и течение были благоприятными, то можно было надеяться дня через два добраться до Кронштадта. Но при встречном ветре и течении об этом и нечего было думать. Их постоянно относило в западном направлении и в итоге могло где-нибудь прибить к берегу, занятому противником, или снести еще дальше — к линии дозора немецких патрульных катеров.

Несколько раз Сергею мерещились проходящие мимо корабли. Он, а за ним и все остальные, кричали и отчаянно махали руками, как будто кто-то мог это заметить в кромешной темноте.

Мокрые и продрогшие они продолжали сидеть и лежать на погрузившемся плоту, через который свободно гуляла волна. Вокруг была только тьма, в которую они продолжали вглядываться со слабеющей надеждой.

00:55

Командир тральщика «Патрон» (Т-203) старший лейтенант Ефимов в наступившей темноте окончательно потерял и все тральщики своего дивизиона, и отряд прикрытия адмирала Пантелеева.

Впереди открылся «Киров», а справа по борту накренившийся, стоявший без хода, «Гордый».

Впрочем, как тральщик, «Патрон» уже перестал существовать. Все тралы — основные и запасные — были перебиты и израсходованы. Корабль шел, выставив, как и все, собственные параваны-охранители. В радиорубке внимательно слушали эфир, где отсутствовало какое-либо подобие радиодисциплины.

Транспорты и даже боевые корабли переговаривались между собой открытым текстом по системе УКВ «Рейд». Из переговоров явствовало, что практически все — и боевые корабли, и транспорты — потеряли свое место в ордере, строй конвоев распался. Радиосистема «Дозор», по которой шли исключительно циркулярные радиограммы командования флотом, передавал в 22:30

приказ Трибуца встать на якорь, с тех пор многозначительно молчала.

Появившаяся в эфире радиостанция лидера «Минск» упорно вызывала лидер «Ленинград», но ответов «Ленинграда» на тральщике не слышали. Неожиданно на УКВ возник «Киров», с которого на «Патрон» передали приказ оставаться на месте, заняв позицию охранения с правого борта крейсера. И быть готовым с первыми лучами рассвета начать движение.

Старший лейтенант Ефимов искренне обрадовался этому сообщению. Беспризорное блуждание всегда тягостно для любого корабля и особенно для командира, который прежнюю боевую задачу уже выполнять не мог, а новой еще не имел. Стоянка на якоре в течение нескольких часов представляла возможность хоть какого-то отдыха измученному экипажу «Патрона», фактически не смыкающему глаз с момента выхода на Эзель с бомбами для дальних бомбардировщиков полковника Преображенского. Хотя об отдыхе говорить можно было только условно. Все помещения тральщика были переполнены. Еще накануне, когда «Патрон» следовал с тралами, ведя за собой отряд прикрытия, юркие малые охотники и сторожевые катера передали на тральщик около сотни подобранных из воды людей с разных погибших кораблей и судов. Их принимал фельдшер «Патрона» Николай Иванов, пытаясь всех помыть в душе, чтобы хоть немного отмыть мазут, коркой покрывавший лица и тела спасенных, переодеть их в сухое обмундирование и как-то разместить их по помещениям маленького корабля. Фельдшеру помогали практически все свободные от вахты. Но помещений не хватало. Кроме того, многие спасенные отказывались уходить вниз. Они сидели голые в спасательных поясах на верхней палубе, готовые в любую минуту снова оказаться в воде и создавая весьма экзотическую картину, совершенно немислимую на боевом корабле в военное время.

Ефимов мечтал пересадить их всех на какой-нибудь

крупный транспорт, но ни один транспорт ему по пути не попался и старший лейтенант решил смириться с подобной обстановкой до прихода в Кронштадт.

01:05

Ударная волна сбила с ног всех находящихся на мостике эскадренного миноносца «Суровый»: командира 1-го конвоя капитана 2-го ранга Богданова, командира корабля капитана 2-го ранга Андреева и командира БЧ-2 эсминца старшего лейтенанта Мешкова.

Корабль подбросило в воде и резко накренило на правый борт.

Взрыва мины, рванувшей в левом параване, не слышал никто и поняли, что случилось, лишь по огромному, медленно оседающему столбу воды, поднимавшемуся над эсминцем.

Взрывом выбило предохранители единственной работающей турбины. Машина остановилась. Погас свет. Мигнул и снова погас. Засветились тусклые синие лампы аварийного освещения.

Все шло своим чередом. Сначала взрывом мины в параване вечером 26 августа вывело из строя одну из турбин, которую так и не удалось ввести в строй к началу прорыва. Теперь выбило и вторую турбину. Корабль лишился хода, грузно раскачиваясь.

К счастью, из докладов групп борьбы за живучесть выяснилось, что корпус «Сурового» не пострадал от взрыва, и поступления воды внутрь корабля нет. Из машины доложили, что серьезных повреждений у них также нет и они постараются запустить турбину примерно через полчаса...

До наступления темноты «Суровый» делал все что мог, чтобы сохранить в строю транспорты 1-го конвоя и прикрыть их от ударов авиации противника. Зенитчики эсминца вели шквальный зенитно-заградительный огонь по появляющимся бомбардировщикам противника и даже подбили один из них. Оставляя за собой шлейф

густого черного дыма, «юнкерс» ушел в сторону северного берега залива.

Вместе со «Свирепым» «Суровый» ставил дымзавесы, закрывая транспорты от огня немецкой береговой батареи на мысе Юминда и, также как и «Свирепый», постоянно отгонял от конвоя подводные лодки противника. Первая из них была «обнаружена» около 18:00. Все на мостике ясно увидели всего в двух кабельтовых от эсминца перископ, разрезающий поверхность воды на курсе пересечения. Забыв о параванах, эсминец дал ход, развив его до двадцати узлов, и ринулся в атаку на субмарину. От большой скорости хода с треском сорвало параван-охранители, засосало под днище и выкинуло за корму в бурлящую кильватерную струю. Под короткие гудки ревуна в море полетели глубинные бомбы. Резкий грохот взрывов неприятно бил по ушам, гейзеры воды поднимались призрачной чередой, медленно оседая. Один из таких взрывов оказался гораздо мощнее других. Капитан 2-го ранга Андреев даже забеспокоился, не повреждены ли винты и перо руля — так корабль рвануло по оси корма-нос. «Суровый» тяжело зарылся в воду. Набежавшая волна, залив верхнюю палубу полубака, разбилась о носовую надстройку.

Конечно, это могла быть мина, детонированная взрывом глубинной бомбы, но всем хотелось думать, что это взорвалась подводная лодка, чей перископ они только что обнаружили.

Они поняли, что ошиблись, когда ясно увидели торпеду, идущую прямо в середину левого борта «Сурового». В момент перекладки руля что-то случилось с рулевой машиной, маневр не удалось совершить, и все с ужасом ждали взрыва. Но, к счастью, ничего не произошло. Видимо, торпеда, выпущенная с большого расстояния, затонула, не дойдя до эсминца.

Нужно было вооружить новые параваны, но для этого уже не хватало времени. Транспорты конвоя ушли уже достаточно далеко вперед.

Идя без параванов со скоростью восемнадцать узлов, «Суровый» без труда догнал конвой. «Свирепого» в районе каравана не было и охранением командовал капитан-лейтенант Сукач с «Аметиста».

Дальше начался кошмар. Подорвались на минах «Вирония» и «Алев», спасательное судно «Сатурн», сторожевики «Циклон» и «Снег».

Отчаянно маневрируя на минном поле, «Суровый» подбирал из воды людей с погибших кораблей и судов, что было совсем непросто в сгущающейся темноте. Из пучины удалось вытащить не менее 150 человек — мокрых, ошеломленных, измазанных мазутом. Многие из них были ранены или обожжены. Всех — хотели они этого или нет — спустили в трюм, применяя силу к тем, кто этого не желал. Закончив спасательные работы, «Суровый» оказался один в полной темноте. Определились, выяснив, что находятся в 15 милях к западу от Вандло. Поставили новые параваны и только дали ход, как в одном из них взорвалась мина...

Капитан 2-го ранга Богданов нервничал. В конце концов, его главной задачей было управление движением конвоя, а именно его 1-й конвой понес в этот день самые крупные потери. Погибли: транспорт № 530 «Элла», транспорт № 511 «Алев», штабной корабль «Вирония» и спасательное судно «Сатурн». Ему казалось, что это слишком много, тем более что другие конвои ни о каких потерях не сообщали. Он надеялся догнать свои транспорты, будучи уверенным, что те продолжают движение на восток, поскольку на «Суровом» приказ Трибуца о приостановке движения до рассвета принят не был.

Томительно тянулось время, а механики «Сурового» все не могли запустить турбину. «Суровый» стоял без хода, дрейфуя в северо-западном направлении.

Капитан 2-го ранга Андреев несколько раз интересовался по переговорной трубе: «Как дела? Когда будет ход?» — получая неизменный ответ: «Сейчас будет порядок, товарищ командир. Еще десять минут».

Из темноты внезапно вынырнул морской охотник, по которому чуть не открыло огонь носовое орудие старшины 1-й статьи Зубина. В последний момент опытный старшина узнал по силуэту родную «мошку». Это оказался катер «МО-211» лейтенанта Козихина, переполненный спасенными с эсминца «Калинин», среди которых находились адмирал Ралль и командир погибшего эсминца капитан 3-го ранга Стасов.

Козихин намеревался сдать спасенных на «Суровый», но капитан 2-го ранга Андреев стал решительно возражать, ссылаясь на то, что эсминец уже переполнен и, кроме того, поврежден.

Но тут в разговор вмешался капитан 2-го ранга Богданов, который решил пересесть на катер, с тем чтобы попытаться догнать транспорты своего конвоя. Он попросил Андреева принять с катера спасенных, которых и было-то не больше восемнадцати человек. Тем более, что адмирал Ралль и капитан 3-го ранга Стасов покидать катер и переходить на поврежденный эсминец, стоящий к тому же посреди минного поля, отказались.

Капитан 2-го ранга Богданов перешел на охотник, а полтора десятка спасенных (главным образом офицеры штаба контр-адмирала Ралля, снятые с «Калинина») перешли на палубу «Сурового».

Катер «МО-211» дал ход и мгновенно исчез в темноте.

В этот момент старшина группы радистов Золотов доложил командиру корабля по переговорной трубе, что получена радиограмма со «Славного», который подорвался на mine, лишился хода, нуждается в помощи и дает свое место.

Капитан 2-го ранга Андреев взглянул на карту. Место «Славного» находилось примерно в трех милях юго-восточнее «Сурового». С восходом солнца он окажется в пределах визуальной видимости.

— Золотов, — сказал Андреев в пахнувший чистолем раструб переговорной трубы, — мы тоже стоим без хода. Ты что, забыл?

Не слушая ответа, командир «Сурового» запросил машинное отделение:

— Ну что там у вас? Будет когда-нибудь ход?

Но вместо ответа из машины командир услышал крик сигнальщика:

— Прямо по носу мина!

01:20

Командир учебного судна «Ленинградсовет» старший лейтенант Амелько и лоцман 1-го конвоя старший лейтенант Шанько в штурманской рубке, склонившись над картой, обдумывали наиболее оптимальный курс дальнейшего движения.

«Ленинградсовет», считавшийся, помимо всех прочих возложенных на него задач, лоцманским судном 1-го конвоя, потерял свои транспорты с наступлением темноты и сейчас стоял на якоре, имея за кормой транспорты «Казахстан» и «Тобол» из состава 2-го и 3-го конвоев. Впереди учебного судна покачивались четыре «ижорца», которые должны были вести 1-й конвой через минные заграждения.

А на буксире «Ленинградсовета» шли еще два катера типа «КМ-4». Накануне, когда «Ленинградсовет» еще гордо в качестве лоцманского судна шествовал впереди 1-го конвоя, ему пару раз пришлось отбиваться от самолетов противника. Правда, оба раза с помощью эсминца «Свирепый». Но две антикварных 76-мм пушки, которыми был вооружен балтийский ветеран, и четыре крупнокалиберных пулемета внесли свою лепту в заградительный огонь на пути бомбардировщиков к 1-му конвою. В разгар одного из авиационных налетов сигнальщики впервые доложили о плавающих минах, замеченных прямо по курсу.

Матрос-рулевой Базин был виртуозом своего дела, с полуслова понимая команды, которые среди грохота разрывов скорее приходилось угадывать, чем слышать.

Еще с момента гибели транспорта «Элла» Амелько

постоянно посылал буксируемые «казмки» и свои шлюпки спасать погибающих людей, а когда в гуще минного заграждения погибли «Вирония», «Алев», «Сатурн», «Циклон» и «Снег», Амелько развернул свое старое судно и пошел в гущу событий, маневрируя между всплывшими минами.

В итоге на «Ленинградсовет» было поднято около 300 человек, среди них немало раненых. Боцман «Ленинградсовета» главстаршина Иванкин выдавал спасенным сухое обмундирование, распределял их по помещениям корабля, забитыми почти до отказа эвакуируемыми армейскими подразделениями. Ранеными в меру своих возможностей занимался корабельный доктор Василий Козьяков.

К наступлению темноты перегруженный «Ленинградсовет», и без этого принявший на борт в Таллинне бойцов сухопутных частей, раненых, доставленных прямо с фронта, гражданских лиц (главным образом женщин и детей), стал плохо слушаться руля.

А между тем видимость сократилась до двухсот метров и рассмотреть все плавающие мины уже не представлялось никакой возможности.

Старший лейтенант Амелько нашел выход. Он приказал буксируемым «казмкам», подрыв которых на минах из-за малого размера почти исключался, пойти вперед и каждые пять минут сбрасывать по глубинной бомбе.

Взрывы глубинных бомб вызывали детонацию мин, и по курсу корабля время от времени взмывали вверх огромные столбы воды.

Кроме того, выдвинутые вперед катера обнаруживали плавающие мины и безжалостно расстреливали их из пулеметов на дальних подступах к «Ленинградсовету».

Все это было хорошо, но от постоянных взрывов глубинных бомб, детонирующих и расстреливаемых мин, на «Ленинградсовете» вышли из строя навигационные приборы, включая и оба гирокомпасы.

Старшему лейтенанту Амелько пришлось мобилизовать

все свои познания в штурманском деле, искусство которого он постигал в свое время именно на борту «Ленинградсовета».

А потому приказ стать на якорь до рассвета он воспринял даже с чувством некоторого облегчения.

Трудно вести корабль по минам в полной темноте, полагаясь исключительно на счисление.

01:35

Лейтенант Дармограй, промокший и уставший, в течение нескольких часов отталкивающий длиннущей доской мины от борта эскадренного миноносца «Славный» и участвовавший в заведении пластыря на пробоины корабля, еле держался на ногах. Он решил спуститься в кают-компанию и выпить стакан горячего чая, чтобы хоть немного восстановить силы. Старший лейтенант Сергеев, продолжавший руководить борьбой с минами, выслушав просьбу авиатора, молча кивнул головой.

Дармограй пошел к знакомому люку, ведущему в кают-компанию, и кое-как спустился вниз по искореженному трапу. Весь коридор был загроможден сорванными с петель дверями офицерских кают. Дверь самой кают-компании была также сорвана с петель, обнажая темный проем — в помещении, как, впрочем, и по всему кораблю не было света. На подволоке коридора тускло горели лампочки аварийного освещения. Появившийся из темноты проема какой-то матрос в мокрой, измазанной робе, сказал Дармограю, что в кают-компании все разбито: мебель, посуда, зеркала и плафоны.

Дармограй поднялся обратно на верхнюю палубу.

— Ногами в борт упрись! — кто-то кричал из темноты. — Подталкивай ее снизу, рогов не касайся!

Мины продолжали плыть на качающийся без хода эсминец.

На шкафуте собралось около двадцати матросов во главе со старшим политруком Масловым.

Узнав в Дармограе старшего группы эвакуируемых

авиаторов, Маслов сказал ему: «Один из ваших техников ранен. В лазарете находится».

Раненым оказался техник-лейтенант Дорошенко, специалист по вооружению самолетов. Незадолго до первого взрыва мины он сидел на станине торпедного аппарата, беседуя с матросами. Лейтенант не слышал взрыва и сам не понимал как оказался на противоположном борту эсминца. Оказывается, его протащило под торпедными трубами, раздробив правую ногу и переломав ребра. Он лежал на кафельном полу, заходясь от боли. Дармограй отыскал врача, попросив, чтобы Дорошенко дали чего-нибудь болеуспокаивающего. Врач посмотрел на авиатора с удивлением: «Уже два месяца никакой анестезии не видели. Операцию вашему технику надо делать. Да сами видите. Какая операция в таких условиях. Света нет и все друг у друга на головах лежат».

Дармограй вернулся на свое место на полубаке эсминца. Подсеченные ушедшими вперед кораблями мины, как казалось лейтенанту, бесконечной чередой продолжали свое шествие навстречу стоявшему без хода «Славному».

01:45

Адмирал Пантелеев и начальник его походного штаба капитан 1-го ранга Пилиповский спустились в лазарет лидера «Минск», где в каморке корабельного врача приходил в себя самый старший из спасенных с эсминца «Скорый» офицеров — командир БЧ-5 инженер капитан-лейтенант Краснов.

Увидев столь большое начальство, офицер хотел подняться с крошечного диванчика у переборки, несмотря на протестующий жест адмирала: «Лежи, лежи!»

Краснов сел, опустив босые ноги на линолеум палубы. Пилиповский сел рядом с ним на диванчик, а адмирал опустился на стул. Столик доктора сорвало с креплений взрывом мины и его унесли из помещения. Сорванный с переборки стенной шкафчик стоял, прислоненный

к борту под иллюминатором с разбитыми стеклами. В помещении было полутемно, хотя механикам «Минска» удалось запустить машины — лампочки на корабле еще светили в четверть своего накала.

Адмирал и его начальник штаба хотели выслушать у Краснова подробности того, что несколько часов назад произошло на «Скором» — новейшем эсминце, отправленном на дно взрывом одной мины. Хотя «Скорый», конечно, не был первым из серии новейших эсминцев типа «7У», погибших или надолго выведенных из строя в результате взрыва одной мины или попадания единственной торпеды.

Достаточно вспомнить, как от попадания относительно слабых торпед с торпедных катеров переломились пополам эсминцы «Сторожевой» и «Смелый», как погиб от взрыва магнитной мины «Статный» и был изувечен «Страшный», как попаданием фактически одной авиабомбы был потоплен «Сердитый». И теперь «Скорый»!

Какой-то странный дефект был в самой конструкции этих эсминцев, созданных по личному указанию товарища Сталина в качестве «улучшенного» проекта гораздо более надежных «семерок». С начала войны погибла только одна «семерка», а «семерок У» уже погибло четыре единицы и были надолго выведены из строя еще две. Итого — шесть!*

Эта мысль постоянно мучила адмирала Пантелеева, желавшего разобраться в чем тут дело. Почему эти корабли оказались такими уязвимыми и хрупкими, не выдерживая ударов, которые с достоинством держали корабли более старых проектов?

Капитан-лейтенант Краснов мало мог добавить к тому, что уже было известно начальнику штаба КБФ из

* Интересно отметить, что из пяти эсминцев этого типа, находившихся на Черноморском театре военных действий, погибли четыре. Уцелел один «Сообразительный».

рапортов уцелевших на ранее погибших «семерках У». В момент взрыва он находился на посту энергетики и живучести. Он успел убедиться в том, что механизмы, системы и валопроводы первого эшелона энергетики видимых повреждений не имели и первое время продолжали работать нормально.

После взрыва по всей кормовой части погас свет. Под током оказались только магистрали правой носовой четверти. Аварийное аккумуляторное освещение включилось только в 3-м котельном отделении.

После взрыва в течение 3—4 минут эсминец держался без заметного крена и дифферента. В течение примерно этого времени Краснов успел приказать ставить дополнительные подпоры со стороны 1-го машинного отделения на водонепроницаемую переборку на 109-м шпангоуте, для чего в это машинное отделение была вызвана носовая аварийная партия. Затем он распорядился, чтобы была обеспечена работа турбогенератора № 1. В это же время он постоянно пытался дозвониться по телефону до машинных и котельных отсеков 2-го эшелона, но там никто не отвечал. Поэтому он направился туда, чтобы лично выяснить обстановку. Пробегая по левому борту, Краснов выяснил, что в корму от 3-го котельного отделения вся верхняя палуба завалена обломками. В груду обломков превращена кормовая надстройка, сорван со станины торпедный аппарат. Световые люки 2-го машинного отделения были сорваны с креплений, разбиты и разбросаны по верхней палубе. Люк запасного выхода из 3-го котельного отделения был открыт, деформирован и заклинен. Он заглянул в люк и увидел, что отсек примерно на три четверти объема заполнен водой.

В этот момент носовая часть эсминца стала быстро валиться на правый борт, затем встала вертикально в воде и, перевернувшись, затонула. Краснов остался на кормовой части, которая продержалась на плаву еще несколько минут, а затем ушла в воду. Ему показалось,

что кормовая часть «Скорого» была увлечена затонувшей носовой частью, но точно он этого утверждать не может. Корабль переломился где-то в районе 160-го шпангоута. Он, конечно, сейчас многого не может вспомнить, но позднее напишет подробный рапорт...

Адмирал Пантелеев вернулся на мостик лидера. В отличие от всех предыдущих случаев, «Скорый» погиб у него на глазах и начальник штаба КБФ, заторможенно среагировав на событие, сейчас начал осознавать весь ужас произошедшего и происходящего, а также и меру собственной ответственности. Даже имеющейся у него неполной информации было достаточно, чтобы понять, что боевое прикрытие конвоев подверглось практически полному разгрому и завтра, в течение долгого светлого времени суток (синоптики обещали прекрасную, почти штилевую погоду без облачности и осадков) транспорты с десятками тысяч человек на борту останутся полностью беззащитными от ударов с воздуха, с моря и из-под воды. А впереди всех ждала новая ловушка — Ленинград, к которому стремительно катились немецкие войска, и откуда уходить флоту было уже некуда.

Чтобы развеять сон, адмирал прошелся по мостику, вслушиваясь в мерное жужжание машинных вентиляторов, что говорило о скором завершении ремонтных работ в машине. Но в ходовой рубке дела обстояли значительно хуже. От взрыва мины вышли из строя все компасы и, даже если машины будут полностью введены в строй, «Минску» так или иначе понадобится навигационное лидирование. Другими словами — поводырь, за которым мог бы следовать ослепший лидер.

И мины! Кругом мины, а ни одного тральщика у отряда не осталось! Все пять базовых тральщиков, если не считать «Гака», разбрелись неизвестно куда. Впрочем, тралов у них все равно уже не осталось. Тем не менее, они могли бы идти впереди «Минска» с выставленными параванами. Все-таки страховка!

Адмирал вспомнил, как накануне выхода из Таллина, начальник штаба минной обороны капитан 1-го ранга Александров предложил погрузить на все тральщики дополнительные комплекты тралов и тральных вех, которых в изобилии хранилось на складах главной базы КБФ. Но как-то случилось, что это предложение прошло у всех мимо ушей и огромное количество минно-трального снаряжения было уничтожено вместе со складами или просто брошено. Только с началом движения флота на прорыв выяснилось, что ни на одном тральщике нет в наличии ни единой тральной вехи, чтобы обозначить протраленный фарватер!

Но кто же думал, что придется столкнуться с таким количеством мин! Никому в голову не пришло организовать настоящую разведку минной обстановки на предполагаемом маршруте движения кораблей и конвоев.

Конечно, этим должен был заниматься не штаб КБФ, а штаб минной обороны. У штаба КБФ было достаточно дел с организацией эвакуации, с посадкой людей на транспорты и т.п.

Сейчас, когда имеются сведения, что отряд адмирала Ралля, судя по всему, полностью погиб, а сам адмирал неизвестно где, не хочется думать о явных недоработках штаба минной обороны. Но куда деваться! Так или иначе, но ответственность лежит и на штабе КБФ как вышней инстанции. Но как можно было все продумать, когда на осуществление столь масштабной военно-морской операции командование выделило всего двое суток. Эти двое суток приходилось работать под непрерывным артиллерийским огнем и ударами авиации противника.

Адмирал вспомнил о своих штабных офицерах, большая часть которых находилась на борту «Виронии». Масштабы катастрофы еще не дошли полностью до него, и Пантелеев еще не мог представить себе, что подавляющей части его подчиненных уже нет в живых.

В этот момент в темноте замигали какие-то сигналы и у борта «Минска» появился катер «МО-208», на котором,

к удивлению адмирала Пантелеева, оказался командир 1-го конвоя капитан 2-го ранга Богданов, пересевший с «МО-211» лейтенанта Козихина, который отказались покинуть контуженный адмирал Ралль и ошеломленные офицеры штаба минной обороны.

— А что с «Суровым»? — поинтересовался у Богданова адмирал Пантелеев.

Капитан 2-го ранга Богданов доложил, что «Суровый» потерял ход в результате взрыва мины в параване, но механики уверены, что им удастся запустить турбину. Насколько ему известно, «Суровый» никаких серьезных повреждений от взрыва не получил, но он, Богданов, вынужден был пересесть на охотник, чтобы найти свои транспорты и возобновить управление конвоем.

— Какие были потери накануне? — спросил адмирал.

— Два транспорта потеряли, товарищ адмирал, — честно доложил Богданов, забыв о гибели «Эллы», — и два тральщика.

О «Сатурне» и двух сторожевиках «плохой погоды» он тоже ничего не сказал, но попросил:

— Нам бы, товарищ адмирал, к утру хоть какое-нибудь воздушное прикрытие обеспечьте.

Пантелеев вздохнул и вместо ответа пожелал капитану 2-го ранга Богданову удачи.

Где он возьмет воздушное прикрытие?

«Минск» продолжал стоять среди ночи с дифферен-том на нос и креном на правый борт, хотя и уменьшившимся, но еще вполне ощутимым. Адмирал приказал принести на мостик стакан крепкого чая, чтобы немного сбросить свинцовую усталость.

02:00

Капитан 2-го ранга Неон Антонов малым ходом вел канонерскую лодку «Москва» вдоль строя транспортов своего 2-го конвоя. Волею начальства и судьбы капитан 2-го ранга Антонов занимал сразу три должности: командира дивизиона канонерских лодок, куда кроме

«Москвы» входила еще «Амгунь», командира самой канонерской лодки «Москва» — вооруженной шаланды Балттехфлота и командира 2-го конвоя.

До наступления темноты они, достаточно легко отбиваясь от не очень настойчивых атак вражеских самолетов, не понесли никаких потерь и держали строй, которому могли бы позавидовать боевые корабли. Семь крупных транспортов и замыкающая строй парусно-моторная шхуна «Атта». Конвой шел почти без происшествий. Однажды поднялся переполох, когда «Иван Папанин» неожиданно стал выходить из строя и вылезать с протраленной полосы, подняв сигнал, что атакован подводной лодкой. Конвой остановился.

Антонов по системе «Рейд» связался с капитаном «Папанина», опытнейшим Александром Смирновым, чтобы узнать что случилось. Капитан Смирнов уверял, что сам и вся вахта видели след идущей прямо на их теплоход торпеды и сумели от нее уклониться. Антонов приказал «Ивану Папанину» снова стать в строй и, после некоторой задержки, 2-й конвой возобновил движение.

Затем, уже с наступлением сумерек, отстал «Казахстан», сообщив, что попал на минное поле. Это было странно, поскольку «Казахстан» шел почти в хвосте колонны. Когда же совсем стемнело, и справа и слева ночь стала озаряться вспышками взрывов, капитан 2-го ранга Антонов продолжал малым ходом вести свой конвой на восток, опекая вместе со сторожевиком «Чапаев» свои транспорты с обоих бортов. Иногда он стопорил ход «Москвы», пропуская караван мимо себя, как на смотре, пересчитывая вверенные ему транспорты по головам.

Капитан 2-го ранга Неон Антонов был опытным моряком, почти до самого начала войны служившим на Дальнем Востоке, где командовал знаменитым посыльным судном НКВД «Воровский». После тихоокеанского театра Балтика казалась Антонову дворовой лужей. Не было на этом театре того морского простора, к которому он привык...

Получив приказ Трибуца приостановить движение, капитан 2-го ранга Антонов, передав приказ на транспорты, снова прошелся вдоль их строя, проверяя наличие судов.

Отсутствовал «Казахстан». Отстав еще засветло от каравана, он так его и не догнал. Но существовала надежда, что утром такой опытный капитан, как Калитаев, найдет способ снова присоединиться к конвою. Куда-то пропал «Сауле», который с наступлением темноты еще шел на своем месте в строю. Антонов знал, что «Сауле» командует женщина, а потому очень беспокоился об этом старом пароходе. Он не верил в способность женщин командовать кораблями, особенно в боевой обстановке, считая, что тут не может быть никаких исключений.

Не было и «Эвериты». Судя по докладу капитана 2-го ранга Цобеля с «Азимута», «Эверита», видимо, в темноте сошла с протраленного фарватера и погибла, подорвавшись на mine.

Исчезла и шхуна «Атта», отстав от каравана из-за поломки мотора. В строю оставались четыре транспорта: «Иван Папанин», «Шауляй», «Найссаар» и маленький, водоизмещением всего в 205 БрТ, эстонский пароходик «Эргонаутис». Погибшей можно было условно считать только «Эвериту». Всех остальных капитан 2-го ранга Антонов надеялся разыскать после рассвета.

02:15

Командир 3-го конвоя капитан 2-го ранга Янсон в ходовой рубке канонерской лодки «Амгунь» вместе с командиром канонерки капитан-лейтенантом Вальдманом подводил предварительные итоги прошедшего дня. Погибла «Луга» с большими потерями раненых и пассажиров. Еще ранее подорвалось на mine и погибло спасательное судно «Кольвань». Куда-то пропал с наступлением темноты танкер № 12. Вечером, когда уже начинало темнеть, отстала от каравана «Аусма». Но осталь-

ные все были налицо, покачиваясь в темноте на якорях: «Балхаш», «Тобол», «Скрунда», «Вторая пятилетка», «Лейк Люцерна» и маленький пароходик «Кумари» водоизмещением в 237 БрТ, принадлежащий эстонскому пароходству.

С первыми же лучами рассвета Янсон предполагал возобновить движение на восток, следуя за выделенными ему четырем «ижорцами» и четырем КТЩ.

Смущало другое. Куда-то пропали все боевые корабли, которые должны были прикрыть конвой от ударов авиации, подводных лодок и торпедных катеров противника в светлое время суток.

Еще накануне, около 18:30 предыдущего дня, главные силы флота, построенные вокруг крейсера «Киров», обогнали караван и исчезли за линией восточного горизонта. Но за этими главными силами должен был идти отряд прикрытия адмирала Пантелеева и отряд арьергарда адмирала Ралля. Оба эти отряда как раз и имели задачу прикрыть конвой до меридиана Гогланда от ударов с воздуха и из-под воды.

Но боевые корабли так и не появились.

На мостике «Амгуни» слышали отдаленные взрывы и наблюдали, как ночная тьма время от времени озарялась багровыми всполохами. Но все были почему-то уверены, что это гибнут, атакуемые подводными лодками, транспорты других конвоев.

Никому и в голову не приходило, что это гибнут или полностью теряют боеспособность от подрыва на минах исключительно боевые корабли именно тех отрядов, которые должны были прикрывать конвой на переходе.

А потому все надеялись на них, ожидая их появления после восхода солнца.

02:25

Капитан-лейтенант финского флота Пеуранхеймо, нервничая, посматривал на часы. Три его торпедных катера «Винха», «Сюексю» и «Рейу» ревели двигателями,

готовясь к выходу в море. Только накануне флотилия из трех катеров вернулась из района шхер Барэ, где она действовала на линии советских коммуникаций, вместо своего постоянного базирования в шхерном районе Пеллинге недалеко от Хельсинки. Катера капитан-лейтенанта Пеуранхеймо входили в Отдельный отряд кораблей, подчиненный непосредственно командующему военно-морскими силами Финляндии генерал-лейтенанту Валье.

Катера должны были пройти планово-профилактический ремонт, а затем выдвинуться к острову Койвисто с тем, чтобы оперировать на выходе из Выборгского залива...

Военно-морской флот молодой республики Финляндия всегда мечтал о большом количестве торпедных катеров. Побудительной причиной к этому послужили действия английских торпедных катеров в Восточной части Финского залива и особенно успешная атака доблестных английских катерников на Кронштадт в августе 1919 года.

В 1922 году финны купили у итальянцев два их старых катера постройки 1917 года. Это были деревянные катера водоизмещением 12 тонн и скоростью 22 узла. Они могли нести две торпеды. Эти катера, хорошо действовавшие в Адриатике в первую мировую войну против Австро-венгерского флота, на балтийской волне имели склонность зарываться носами, за что и были прозваны «фонтанами».

Первая кораблестроительная программа независимой Финляндии предусматривала постройку сорока восьми торпедных катеров. Однако деньги нашлись на строительство только четырех катеров. Два из них строились в Англии, а два других, по английской лицензии, дома — в Турку и Борго.

Новые катера могли развивать скорость до сорока узлов и несли две торпеды в кормовых желобах. Корпуса их также были деревянными. Разумеется, что к началу второй мировой войны все семь подобных катеров,

которые успела к этому времени построить Финляндия, уже безнадежно устарели. В Италии и США был размещен заказ на десять современных торпедных катеров, но когда неожиданно разразилась так называемая Зимняя война с Советским Союзом, финны были вынуждены обходиться своими семью старыми, изъеденными древо-точцем катерами, которые на флоте все называли «гробами».

Обстановка несколько не изменилась и к июню 1941 года ВМС Финляндии имели в своем составе все те же семь антикварных «гробов». Тем не менее флотилия капитан-лейтенанта Пеуранхеймо действовала очень активно.

24 июня «гробы» захватили советский гидросамолет, совершивший вынужденную посадку в шхерах, что было первым боевым соприкосновением на море в новой войне.

Затем, действуя в районе острова Юссара, катера неоднократно атаковали советские транспорты, снабжавшие гарнизон Ханко.

9—11 июля катера в ночное время ставили мины на фарватере у эстонского побережья, что было очень трудно, учитывая ветхое состояние катеров и большой вес германских магнитных мин.

19 июля три катера вышли в район бухты Колга для атаки советского конвоя, о котором сообщила разведка. Однако конвоя не обнаружили.

На рассвете появился советский эсминец, который открыл огонь по отходящим катерам. Один снаряд разорвался за кормой катера «Винха», оторвав руль и один из винтов. Катер остановился. Чтобы отвлечь от него внимание противника, катер «Сюексю» атаковал вражеский эсминец. Пока тот отражал атаку и уклонялся от выпущенных торпед, финнам удалось взять поврежденный катер на буксир и отвести в безопасный район.

Боевое патрулирование, спорадические схватки с советскими торпедными катерами и морскими охотниками, которых было более, чем в двадцать раз больше, постановка мин на фарватерах противника, эскортирование

собственных судов было повседневной задачей семи торпедных катеров финского флота. Постепенно их оперативная зона смещалась в сторону Выборгского залива в поддержке наступления на Карельском перешейке сухопутной армии,двигающейся с севера на Ленинград.

Оперативная ответственность в южной части восточной Балтики и Финского залива постепенно переходила в руки немецкого командования военно-морской группы «Ост».

Днем 28 августа капитан-лейтенант Пеуранхеймо был неожиданно вызван в штаб Отдельного отряда кораблей, где ему сообщили со ссылкой на данные немецкой воздушной разведки, что русские эвакуировали Таллинн и в настоящее время в составе чудовищно огромного конвоя, растянувшегося почти на тридцать километров, двигаются на восток.

Немцы почему-то были уверены в том, что подобного никогда не случится, а потому, хотя и пытаются скрыть это обстоятельство, были полностью захвачены врасплох уходом красных кораблей. Флотилия торпедных катеров Циммермана, находящаяся в Вентспилсе, уже не в состоянии перехватить русские конвои, а одна полуфлотилия торпедных и сторожевых катеров, развернутая в финских шхерах, готовится выйти в море с наступлением темноты. Поэтому командование считает целесообразным, чтобы катера Пеуранхеймо также атаковали советские суда, прорывающиеся в Кронштадт.

На двух катерах из трех флотилии Пеуранхеймо были разобраны двигатели, а торпеды сданы в арсенал. Дозволившись из штаба Отдельного отряда до базы, капитан-лейтенант приказал готовить катера к боевому походу, назначив выход на полночь.

Но было уже половина третьего ночи, когда три торпедных катера капитан-лейтенанта Пеуранхеймо начали движение к опушкам шхер. На мостике своего флагманского катера «Сюексю» командир флотилии вместе с командиром катера мичманом Оваскайненом обдумывали

оптимальный курс движения на юго-восток, чтобы перехватить советские корабли, бредущие по Финскому заливу из одной ловушки в другую.

02:40

Егор Горохов — капитан буксирного парохода «Палдиски» — постоянно оглядывался назад, наблюдая за движением шхуны «Атта», которую он вел на длинном буксире. Грузенная боеприпасами парусно-моторная грузовая шхуна водоизмещением 125 БрТ, принадлежавшая Эстонскому пароходству, осталась из-за поломки двигателя от 2-го конвоя и не могла двигаться под парусами из-за встречного ветра. Лавировка же на минном поле была совершенно невозможна. Проходящий мимо буксир «Палдиски» взял дрейфующую шхуну на буксир.

«Палдиски» входил в состав 4-го конвоя, флагманом которого была канонерская лодка «И-8», где находился командир конвоя капитан 3-го ранга Глуховцев. «И-8» первой подорвалась на плавающей мине и почти мгновенно затонула, а сопровождавший конвой старый сторожевик «Разведчик» задержался на месте гибели канлодки, старой шаланды образца 1916 года, и с тех пор не появлялся. Около «Палдиски» держались еще две шхуны, два мотобота и какая-то самоходная баржа. Остальные суда конвоя, включая катерные тральщики, растворились в темноте.

Капитан Егоров решил рискнуть. Слыша впереди и южнее себя взрывы, он решил повернуть на север и идти этим курсом параллельно, как он полагал, выставленному минному заграждению, чтобы с началом рассвета повернуть на восток в надежде, что заграждение удастся обойти с фланга.

Волна была небольшой, но когда буксир, положив руль влево, стал менять курс, «Атту» стало кренить так, как будто был по меньшей мере шестибалльный шторм.

Все суда, оставшиеся от 4-го конвоя, повернули на север вслед за своим новым «флагманом». С правого

борта «Палдиски» изящно разрезала воду эстонская шхуна «Хильдяну» с эстонским же экипажем.

Сам Горохов попал на буксир «Палдиски» накануне выхода, когда куда-то исчез эстонский капитан парохода. Большую часть команды также составляли эстонцы, говорящие по-русски с чудовищным акцентом.

Ни одного боевого корабля в охранении не осталось, и как они завтра будут отбиваться от самолетов и надводных кораблей противника — Горохов не представлял. Ни одно из судов не имело никакого вооружения, если не считать двух матросов и старшины, вооруженных винтовками, сопровождающие на «Атте» груз боеприпасов.

Но пока главную угрозу представляли мины, а потому капитан Горохов не сомневался в правильности принятого им решения.

02:55

Лаврентий Берия — Генеральный комиссар госбезопасности, член Государственного Комитета Оборона и могущественного Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б), один из наиболее доверенных и приближенных к Сталину людей — очнулся от дремы, когда второй пилот самолета, на котором Берия направлялся в Ленинград, вышел в салон и радостно доложил:

— Все в порядке. Идем на посадку, Лаврентий Павлович.

Двухмоторный «Ли-2» — советский вариант американского самолета «Дуглас С-47», подтвердив прекрасную работу пилотов и штурмана, в полной темноте шел на посадку на грунтовую полосу Ржевского аэродрома, находящегося в восточном предместье Ленинграда.

Берия прилетел в «колыбель трех революций» по личному указанию Сталина, чтобы ознакомить руководство города, а также местное армейское и флотское командование с комплексом необходимых мероприятий на случай сдачи города противнику.

В эти мероприятия, помимо уничтожения многочисленных военных и невоенных объектов гигантского мегаполиса, входило и уничтожение Жданова и людей из его ближайшего окружения, что заставляло Лаврентия Павловича предвкушать огромное удовольствие.

Сравнительно недавно (после падения «железного наркома» Ежова) войдя в число высших руководителей страны, Берия, независимо от того, хотел он этого или нет, немедленно попал в страшную паутину кремлевского закулисья, где властвовал величайший интриган всех времен и народов товарищ Сталин.

За средневековыми стенами московского Кремля время как бы остановилось, сохранив и законсервировав обычаи, приемы и традиции самых мрачных средневековых деспотий. И в силу этих традиций кровавые интриги и беспощадная борьба велись исключительно за приближение к трону, на котором восседал властелин. Много позднее, сокрушив всех своих врагов, Лаврентий Павлович начнет борьбу и за сам трон дряхлеющего и впавшего в мрачное безумие Сталина.

Но пока Берия вкупе с набирающим силу Георгием Маленковым возглавил достаточно молодую, но наглую и дерзкую группу высших партаппаратчиков в борьбе против старых сталинских фаворитов: Молотова, Кагановича и Жданова. Великий вождь и отец всех народов пока еще, посасывая трубку, посмеивался в усы, наблюдая за кровожадной возней пауков в банке, ошибочно считая, что никогда не поздно любого из них раздавить по собственному усмотрению. Пройдет совсем немного времени, когда пауки, объединившись, выскочат из банки и растерзают его самого, а затем уже примутся резать друг друга с прежним ожесточением.

Но это еще впереди, а нынешняя борьба, сменившая лишь некоторые формы, в связи с нашествием внешнего врага, диктовала свою логику решения многих проблем.

Берия радовался тому положению, в которое попал Жданов благодаря крушению Северо-Западного фронта

и выхода немцев на ближние подступы к Ленинграду. Еще более радовало, что вместе со Ждановым оказался и старый сталинский дружок Ворошилов, настолько нагладно продемонстрировавший свою полную военную несостоятельность, что даже у товарища Сталина, еще имевшего на этот счет некоторые иллюзии, не осталось никаких сомнений.

Что же касается самого Жданова, который был во всех отношениях гораздо опаснее Ворошилова, то на данном этапе можно было считать его влияние на товарища Сталина законченным. С момента провала их глобальных стратегических замыслов, крушения большой разведывательной игры и военной катастрофы, в которую они совместными интригами ввергли страну, все доверие товарища Сталина к своим сатрапам было подорвано. И хотя к самому Берии это доверие было подорвано не в меньшей степени, чем к остальным, он в этот момент находился настолько близко к трону, что попал, как говорится, в мертвое пространство сталинского гнева, когда великий вождь пришел в себя от июньского сердечного приступа...

Экипажи самолетов, которым доверялась перевозка кремлевских вождей разного калибра, имели высочайшую выучку и снова доказали свое искусство: Берия даже не заметил, что самолет уже совершил посадку. Настолько мягко все произошло.

Развернувшись на взлетной полосе «Ли-2», мягко жужжа моторами, подрулил к одноэтажному деревянному зданию с вышкой контрольно-диспетчерского пункта, около которого стояли три черных «Паккарда» и группа людей.

Самолет заглушил двигатели, и борттехник, открыв дверь пассажирского салона, выставил трап, по которому первым спустился полковник Саркисов — бессменный начальник личной охраны Лаврентия Берии. Осмотревшись, он помог своему шефу спуститься на землю, элегантно подав ему руку. Лаврентий Павлович, одетый

в серый длинный пыльник и мягкую фетровую шляпу, спустился на ленинградскую землю.

От группы встречающих его людей отделились двое, одинаково одетые в кожаные пальто и фуражки полувоенного образца со звездочками. Подобные фуражки, не предусмотренные никакими уставными предписаниями о форме одежды, носили только представители высшей партийно-политической иерархии.

Одним из этих людей был сам Жданов, вторым — начальник управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области генерал Курбатов, имевший не меньше оснований для беспокойства в связи с приездом Берии, чем Жданов.

Короткие рукопожатия, настороженные взгляды. Полное молчание, нарушаемое лишь тяжелым астматическим дыханием Жданова.

Не произнеся ни слова, вся группа подошла к автомашинам, где Жданов, нервно вынув из кармана пальто полупустую пачку «Беломора», закурил и жадно затянулся, чем вызвал первые слова Лаврентия Павловича, произнесенные с момента выхода из самолета:

— Не кури! Дышать нечем.

Берия не курил, и в его присутствии мог курить только товарищ Сталин, которого только Берия мог постоянно убеждать бросить эту пагубную привычку...

Кавалькада машин быстро проехала по пустынному Среднеохтинскому проспекту мимо старорежимных двухэтажных особняков и череды обезглавленных полуразрушенных церквей, проскочила под массивными клепанymi фермами бывшего моста Петра Великого, свернула вправо по Тульскому переулку и выехала к огромному зданию бывшего Смольного института, выбранного еще по прихоти Ленина в качестве штаб-квартиры Ленинградского областного и городского комитетов партии большевиков. Именно здесь в свое время был подготовлен октябрьский переворот. Именно здесь несколько позднее пристрелили Кирова, назначив Жданова его преемником.

Жданов не курил уже около часа и чувствовал себя в высшей степени скверно. Те полпачки «Беломора», которые он нервно выкурил, ожидая прибытия самолета Берии, были явно недостаточны для организма, привыкшего к постоянному поступлению никотина. Организм требовал и алкоголя. Сосало под ложечкой, щемило сердце. Одутловатое лицо руководителя ленинградской партийной организации бледнело на глазах, резче обозначая полосу усов.

После фразы Сталина, сказанной ему по телефону 25 августа — «Я к тебе Лаврентия пришлю» — Жданов не мог уснуть и теперь сидел, раздавленный и морально, и физически.

Он хорошо знал что значит эта фраза «Лаврентия пришлю». Она могла вполне означать, что принято решение о физической ликвидации всего обкома и горкома «как не оправдавших доверия». Правда, Берия поехал вместе с ним в Смольный, а не с Курбатовым в Большой дом, и это немного успокаивало. В конце концов, генерал Курбатов встречал своего шефа на аэродроме и, если бы подобное решение было принято, то Берия вполне мог отдать все соответствующие распоряжения прямо там. Правда, генерал Курбатов все еще находился в Смольном.

Как не были страшны предчувствия, порожденные больной мнительностью Жданова, но то, что говорил Берия своим ровным и тусклым голосом с легким кавказским акцентом, было, по большому счету, еще страшнее.

Аритмия сердца давала себя знать с каждой минутой еще сильнее, но пить корвалол или глотать валидол в присутствии главного сталинского палача Жданову тоже не хотелось. Он продолжал сидеть на своем месте первого секретаря обкома, навалившись грудью на стол и стараясь сдержать тяжелое свистящее дыхание.

Берия же сидел на одном из стульев стола для засе-

даний, стоявшего перпендикулярно ждановскому столу, и время от времени бросал взгляды на большую, писанную маслом картину над головой Жданова, где Ленин и молодой Сталин выглядывали в окно Смольного, привлеченные залпом «Авроры», который возвестил, как известно, о начале «новой эры».

По долгу службы Лаврентий Берия хорошо знал, что Сталина тогда в Смольном не было. Он отсиживался на одной из частных квартир, ожидая результатов задуманной Ильичом авантюры и не очень доверял краснорожим немецким гренадерам из бывших военнопленных, на боевой мощи которых был основан весь ленинский план.

Знал он, что не было и никакого выстрела «Авроры», стоявшей на заводе, как и положено, без боеприпасов. Но картина ему, тем не менее, нравилась. Истории делают не истинные события, а их интерпретации через многие годы. А картина хороша тем, что на ней даже есть некоторые признаки религиозного мистицизма, как на картинах старинных мастеров, черпающих свое вдохновение из текстов Священного писания.

Берия в Ленинграде практически не бывал. Один раз приезжал тайно, когда нужно было без шума ликвидировать начальника здешнего НКВД Литвина, да и то все время находился на секретной базе своего ведомства в Колпино. Ему передалась от Сталина неприязнь к этому странному нерусскому и несоветскому городу, где за короткое время пришлось ликвидировать двух первых секретарей обкомов вместе с большим количеством местных чекистов и аппаратчиков и административно выслать чуть ли не половину населения. А сейчас, судя по всему, наступает черед и третьего руководителя обкома вместе с его многочисленными соратниками-сторонниками. Разными там Попковыми, Кузнецовыми и прочими...

— Товарищ Сталин, — подчеркнул Берия, — считает, что катастрофа на северо-западном направлении произошла исключительно по вине Жданова и Ворошилова. Войска фронта, готовые к наступлению и почти вдвое

превосходящие противостоящую им немецкую группировку, были рассеяны и обращены в бегство в течение недели. Причем флот, куратором которого от Политбюро являлся именно Жданов, вместо оказания поддержки правому флангу армии, фактически занимался самоспасением, не осуществив ни одной наступательной операции из числа тех, которые в большом количестве были разработаны штабом флота накануне войны и утверждены в общем плане известной Жданову операции «Гроза».

На это Жданов осмелился возразить, что об операции «Гроза» он фактически не знал ничего, кроме самого факта разработки такой операции. Ему никогда не сообщались какие-либо детали, а тем более сроки операции. Более того, его 19 июня почти насильно отправили в отпуск, видимо, для ввода противника в заблуждение, а затем, даже не проконсультировавшись с ним, заменили на посту Главкома Северо-Западного направления генерала армии Мерецкова маршалом Ворошиловым, который при всех его достоинствах...

Берия решил не слушать что у маршала Ворошилова имеется кроме достоинств, а потому на этом месте довольно бесцеремонно оборвал первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), заявив, что он приехал в Ленинград вовсе не для того, чтобы анализировать прошлое, а для того, чтобы разобраться в настоящем.

А настоящее таково, что товарищ Сталин уже не верит в способность Жданова и Ворошилова удержать город. Можно сказать даже больше — товарищ Сталин уверен, что город падет. Вопрос с Ворошиловым в связи с подобной уверенностью товарища Сталина будет решен в самом ближайшем будущем.

Жданов побледнел еще пуще. Он-то лучше других знал, как «решаются» подобные вопросы. Скажи ему сейчас Берия, что Ворошилова просто заменят Жуковым, он бы в это не поверил. Впрочем, и сам Берия тогда точно еще не знал, как товарищ Сталин намерен «решить» этот вопрос. А потому этот вопрос углублять не стал.

Что же касается самого Жданова, то на этот счет товарищ Сталин высказался гораздо яснее. «Товарищ Жданов, — сказал вождь, — разделит судьбу города. Устоит город — устоит Жданов. Падет город — падет и Жданов». Это высказывание товарища Сталина, разумеется, нуждалось в дальнейшей расшифровке. И Берия с удовольствием это сделал.

В случае падения Ленинграда товарищ Сталин запретил эвакуировать Жданова из города. Это вовсе не значит, конечно, что товарищ Сталин допустит, что такой человек, как Жданов, попал в руки гитлеровцев. Отсюда вытекает, что отныне Жданов держит свою судьбу в собственных руках. Особо товарищ Сталин хотел его предупредить, чтобы в руки фашистов, коль они возьмут Ленинград, не попал ни один объект, представляющий военную, научно-техническую или культурно-историческую ценность. Ни единого паровоза или вагона из подвижного состава железных дорог и, само собой, ни одного боевого корабля, парохода или даже буксира. Если товарищ Жданов не сможет обеспечить и этого, то он, Берия, уполномочен предупредить, что в этом случае с ним поступят как с врагом народа. Например, как поступили с Тухачевским или с Ежовым. Жданов знает подробности, поэтому о них можно не рассказывать.

Далее: поскольку совершенно ясно, что немцы и финны в самое ближайшее время блокируют город, все что можно необходимо эвакуировать водным путем за Волхов. Все боеспособные войска, технические и плавсредства, запасы боеприпасов и продовольствия. Словом, все, что возможно.

— А население? — чуть слышно спросил Жданов.

Многострадальное население Ленинграда истреблялось тысячами, начиная еще с 1918 года, когда городом заправлял Зиновьев. Никто не знал, сколько с тех пор был расстреляно, утоплено в баржах, заморено голодом, выслано навсегда в неизвестном направлении, забито на допросах, превращено в лагерную пыль. Волны террора

накатывались на город страшным черным цунами средневекового моря. Жертвы Красного террора, жертвы заговора Таганцева, жертвы страшных чисток после убийства Кирова, жертвы Большого террора, когда НКВД уже не справлялось с трупами жертв массового истребления населения, прокручивая их через знаменитую мясорубку Большого дома и сваливая в огромную общую могилу на Левашовской пустоши. Последние семь лет этим террором руководил в городе сам Жданов, поставивший свою подпись ниже сталинской в знаменитой телеграмме о необходимости замены не слишком расторопного палача Ягоды на более шустрого — Ежова.

Поэтому Жданов знал, что делал, когда спрашивал, какую роль в перечисленных Берией мероприятиях отводится населению города. Никто его при этом не мог даже заподозрить в либерализме. Как следует обращаться с населением он знал не хуже, если не лучше Лаврентия Павловича. Тем более, что и время-то было военное.

— Есть мнение, — задумчиво сказал Берия, — что известная часть населения откровенно ждет немцев. Более того, по имеющимся у меня сведениям, уже сформировано городское управление во главе с бургомистром и даже правительство для управления всей северо-западной частью СССР. Списки этих людей согласованы с немецким командованием и известны нам практически по фамильно. Когда ты увидишь эти списки, ты будешь поражен, какие люди там оказались.

— И из обкома кто-нибудь есть? — выдохнул Жданов.

— Отовсюду есть, — уклонился от прямого ответа Берия. — И из обкома, и из штаба фронта, и из штаба флота. Ну и эти... интеллигенты, конечно. Их большинство. И уверяют, что они отражают интересы народа. То есть населения города. Твоего населения, Андрей. Как ты полагаешь?

Жданов молчал.

— Вот и разберись со всеми, — продолжал Берия. — Эвакуировать их нецелесообразно. Немцам оставлять —

тоже никакого резона нет. Значит, выход сам собой напрашивается. Понимаешь?

Больше Жданов терпеть был уже не в силах. Не стесняясь присутствия своего зловещего гостя, он достал папиросу и закурил, но чтобы не обострять отношений, открыл фрамугу в одном из окон.

Затем сел против Берии за стол для заседаний и, жадно затягиваясь, спросил:

— Кто этим будет заниматься? Курбатов? Или пришлешь кого-нибудь?

— Курбатов? — переспросил Берия. — Зачем Курбатов? Курбатов своим делом будет заниматься. Населением ты будешь заниматься сам.

— Сам? — на этот раз переспросил Жданов, сглотнув вместе с папиросным дымом слюну. — Обычно этим всегда занималось твое ведомство. Какими силами я должен действовать? Войска с фронта снимать?

— Ты не понял совсем, — раздраженно, а потому с более сильным акцентом, ответил Берия. — Такие мероприятия, что в 1937 году проводились, сейчас ни к чему. Делать надо, как в 31—32-м делали. Тем более, что на немцев списать можно. Зачем город окружили? Панимаешь? Вот такое мнение есть.

Жданов хотел что-то ответить, но в этот момент страшный гром загрохотал над городом, задрожали стекла. Берия вздрогнул и вскочил на ноги. Его желтое лицо стало белым, как у Жданова.

— Бамбежка?! — закричал он. — Пачиму не предупредили? Пачиму трэвоги нэ было?

Лаврентий Павлович трусом не был. Напротив, он обладал достаточным мужеством, без которого не мог состояться авантюрист такого масштаба. Но тут все произошло так неожиданно, как доской по затылку. И напряженные нервы не выдержали.

Жданов схватил телефонную трубку.

Берия быстро взял себя в руки. Тем более, что снова воцарилась тишина.

— Ничего страшного, — успокоил Жданов, кладя трубку. — Пушка наша стреляет с полигона на Ржевке. Стреляет по наступающему противнику.

Ничего страшного действительно не произошло. Это произвело свои первые выстрелы по скоплению немецких танков и живой силы 406-мм орудие Научно-исследовательского морского артиллерийского полигона. Орудие, предназначавшееся для строящегося на Балтийском заводе линкора «Советский Союз» было в колпинском направлении, где противник уже захватил совхоз «Красный Бор». В том, что это мощное орудие открыло огонь, ничего страшного не было, если не считать того, что это означало нахождение противника в пределах дальности огня орудия, составлявшего чуть больше тридцати километров.

Немцы двигались к Ленинграду с гораздо большей скоростью, чем это делал прорывающийся из Таллинна флот. И у товарища Сталина не могло быть никаких оснований для оптимизма*.

* Сталин не верил в возможность спасения Ленинграда, даже когда после сентябрьских штурмов противник был остановлен и линия фронта стабилизировалась. Не верил он в это и позднее, когда уже стало ясно, что немцы брать город не собираются. В своей совершенно секретной директиве Жданову от 23 октября 1941 года Сталин писал: «Если в течение нескольких ближайших дней не прорвет фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией... все ваши войска будут взяты в плен. Восстановление этой связи необходимо..., чтобы дать выход войскам Ленинградского фронта для отхода на восток во избежание плена... Либо вы в эти 2—3 дня прорвете фронт и получите возможность отойти на восток, либо попадете в плен. Это необходимо на случай сдачи Ленинграда. Армия для нас важней».

В тот же день эта директива Сталина была подтверждена приказом генерала Василевского, в котором говорилось: «Прошу учесть, что в данном случае речь идет не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении и выводе армий Ленинградского фронта» (см. продолжение на след. странице).

04:05

Подполковник (оберст-лейтенант) Эрнст Грилле — заместитель командира 77-й авиабоевой группы «Люфтваффе» — произвольно ткнул указкой в висевшую на стене карту Финского залива, описав некое подобие эллипса в районе острова Гогланд, где, по его мнению, должна была находиться основная масса русских кораблей, ушедшая вчера во второй половине дня из Таллинна.

Вчера вообще был сумасшедший день, связанный с оккупацией столицы Эстонии. Примерно в 13:30 второй батальон 151-го пехотного полка под командованием майора Дридгера захватил Ратушную площадь Таллинна. 151-й пехотный полк входил в состав 61-й дивизии, а вместе с ним в центре эстонской столицы появились и части 217-й дивизии.

Командиры дивизий сразу же затеяли спор: кому принадлежит честь овладения Таллинном. Между тем, в столицу Эстонии вступили части 294-й дивизии, составляющие главные силы боевой оперативной группы генерала Фридриха, которые несколько часов спустя заняли Палдиски и начали движение на Хаапсалу. В штабах существовало опасение, что советские войска, оставшиеся на островах, попытаются высадить десант в районе Таллинна, а потому главной задачей вступивших в Таллинн частей считалась оборона побережья. Комендантом города был назначен начальник 192-й полевой комендатуры 42-го армейского корпуса полковник Скультетус, которому было чем заняться. Было захвачено в плен около двенадцати тысяч матросов, солдат и офицеров Красной Армии, а также огромное количество боеприпасов и снаряжения.

О судьбе флота в свете данных директив мы еще поговорим. Что же касается населения, то все знают, что с ним произошло. Оно было ВЫМОРЕНО голодом в полном соответствии с методиками, разработанными в начале 30-х годов.

В суматохе все как-то забыли о советских кораблях. Авиация получила задачу бомбить цели на островах Моонзундского архипелага, а семь бомбардировщиков «Ю-88» получили приказ из штаба группы армий «Север» нанести удар по Беломорканалу. Основные же силы действующей под Таллинном авиации были переключены на поддержку сухопутных войск, наступающих на Ленинград.

Именно эти семь бомбардировщиков из 2-й эскадрильи 77-й авиагруппы, возвращаясь после бомбежки Беломорканала, сообщили об огромном советском конвое из боевых кораблей и транспортов,двигающемся на восток. Они же произвели на эти суда первую атаку, сообщив о потоплении нескольких судов.

Вначале в больших штабах отнеслись к этому сообщению без особого волнения. Пусть они себе следуют на восток. Когда эти корабли придут в Ленинград, сам Ленинград уже будет захвачен вермахтом и все достанется нам же в качестве трофеев. А Германия очень нуждается в морском транспорте.

Такое отношение к этому событию было вызвано явно под воздействием царящей в штабах эйфории, связанной с захватом Таллинна. Но, как водится, уже через час в штабах началась истерика. На транспорты погружено по меньшей мере шестьдесят тысяч солдат, имеющих боевой опыт. Эти войска станут мощным подкреплением тем силам Красной Армии, что ныне сражаются на подступах к Ленинграду. Транспорты не должны дойти до Кронштадта.

77-й авиабоевой группе было приказано немедленно поднимать в воздух все наличные силы бомбардировочной авиации и начать атаки на русские конвои.

Было уже около 4 часов вечера, и все наличные силы, находившиеся «под рукой», составляла 61-я учебно-боевая эскадрилья майора Георга Лунца, состоящая главным образом из курсантов-выпускников нескольких летних школ «Люфтваффе», проходящих боевую практи-

ку под руководством своих инструкторов. Они были собраны по тревоге и подняты в воздух. Все машины без потерь вернулись на аэродромы, последние уже в сумерках, что вызвало беспокойство по поводу их безопасной посадки.

Но все обошлось без аварий и поломок. Если верить докладам ликующих «фендриков», они отправили на дно все советские корабли.

Но этого быть не могло хотя бы потому, что их было слишком мало. Этого не могло быть и потому, что у немцев не было Морской авиации, — «Все, что летает, принадлежит Герингу!» — и проблемы с обнаружением, опознанием и атакой кораблей, находящихся в море, даже с определением их курса и скорости, существовали и у гораздо более опытных пилотов и штурманов, чем у тех «птенчиков», что были брошены на русские корабли вечером вчерашнего дня.

А между тем приказы сыпались один за другим, требуя безусловного уничтожения «Красного каравана». Ночью в штабе 77-й авиагруппы спешно планировали схему воздушных ударов, ничего толком не зная даже о точном местонахождении советских кораблей.

Предположительно, с учетом их движения в течение ночи в восточном направлении, они должны находиться где-то на подходе к острову Гогланд. А к расчетному времени контакта в 06:30, часть их может уже находиться восточнее Гогланда, где конвои уже смогут быть прикрыты с воздуха советской авиацией, действующей с ленинградских авиабаз.

Вылет первой волны бомбардировщиков был назначен на 6 часов утра, а в 03:20 в воздух были подняты два самолета-разведчика, чьи экипажи имели опыт ночных полетов. Сообщения от них о местонахождении кораблей противника ожидалось теперь с минуты на минуту.

Экипажи бомбардировщиков были подняты в половине четвертого утра. После короткого завтрака — чашка кофе и гренки с маслом — все были собраны на

инструктаж. Техники и механики уже прогревали двигатели пикировщиков.

Ожидая сообщения с самолетов-разведчиков, подполковник Грилле воспользовался случаем, чтобы еще раз напомнить экипажам бомбардировщиков, как опознавать с воздуха советские боевые корабли. На стенах помещения были вывешены аэрофотосъемки крейсера «Киров» и всех типов эскадренных миноносцев. Однако, предупредил Грилле, главной вашей целью должны стать транспорты с войсками. Проблем с опознаванием быть не должно. Все корабли, находящиеся восточнее меридиана Ревель-Хельсинки, являются кораблями противника. Это касается всей акватории Финского залива до самого устья реки Невы включительно. Есть ли там финские корабли — неизвестно. По крайней мере, финны нас ни о чем не предупреждали. Так что действуйте не раздумывая.

Появившийся в этот момент штаб-фельдфебель подал подполковнику бланк радиограммы. Это было первое сообщение с самолетов-разведчиков. Прочтя его, подполковник Грилле не поверил своим глазам. Разведывательные самолеты сообщали, что армада противника, судя по всему, всю ночь стояла на якоре и продолжает стоять, ожидая рассвета. Корабли русских находятся еще примерно в сорока милях ЗАПАДНЕЕ Гогланда и милях в пятнадцати западнее острова Вандло. Точно распознать диспозицию конвоев в темноте не удалось.

Но сообщенного было вполне достаточно. Это означало, что конвои противника будут ВСЕ светлое время сегодняшних суток находиться под ударами бомбардировщиков авиагруппы.

04:25

Капитан 3-го ранга Абрамович-Блэк, стоя на полубаке крейсера «Киров», услышал гул самолета высоко в ночном небе. За всю ночь это был первый случай, когда немцы как-то дали о себе знать. То, что самолет немецкий, никто на крейсере не сомневался нисколько. Види-

мо, немцы интересуются, насколько далеко наши корабли ушли за ночь, и можно представить себе, каким приятным сюрпризом для них будет открытие, что всю ночь боевые корабли и транспорты простояли на якоре, не продвинувшись вперед ни на милю.

В эту ночь на крейсере никто (кроме, пожалуй, дивизионного комиссара Лебедева, который уверяет, что проснулся только в Кронштадте) не сомкнул глаз. Все свободные от вахт, экипажи башен, расчеты зенитных установок, котельщики и мотористы находились на верхней палубе, ведя наблюдение за идущими на корабль минами и помогая их отталкивать от борта. Мин становились меньше, но не настолько, чтобы хотя бы на мгновение расслабиться.

Зайдя в полутемную кают-компанию, где на диванах не раздеваясь дремали несколько сменившихся с вахты офицеров, главным образом, инженер-механики, Абрамович-Блэк выпил стакан крепкого чая. Поговорить было не с кем. А поговорить очень хотелось. Будучи одновременно профессиональным моряком и профессиональным писателем, Абрамович-Блэк лучше других понимал, что ему, участнику знаменитого Ледового похода Балтийского флота, судьбою подарено и участие в этом переходе, который так же, как и Ледовый, навечно останется в анналах трагической истории Балтийского флота. Но, в отличие от Ледового перехода, надолго останется под спудом секретности, из-под которого будут пробиваться наружу лишь сладкие официальные реляции и кошмарные слухи.

В голове Абрамовича-Блэка уже рождалась книга об этом переходе, завершившем жаркое лето 1941-го года для Краснознаменного Балтийского флота. Невзирая на строжайшее запрещение и пользуясь своим более-менее привилегированным положением в качестве редактора корабельной многотиражки, Абрамович-Блэк уже написал несколько тетрадей касательно событий июля-августа 1941 года. И примерно полтетради с того момента,

когда крейсер «Киров», выставив усы параванов-охранителей, пошел за дивизионом базовых тральщиков, оставляя за кормой пылающий Таллинн.

Писатель слушал, запоминал и записывал реплики офицеров и матросов, хотя большая часть этих реплик сводилась к страстному желанию добраться до Кронштадта. Было ясно, что в глубине души далеко не все были уверены в благополучном исходе этого перехода.

В этой связи была очень интересна реакция экипажа на неожиданный приказ Трибуца приостановить движение до утра. После того, как накануне «Киров» влез в самую гущу минного поля, захватывая мины параванами обоих бортов, почти все поняли, что двигаться дальше в подобной обстановке является самоубийством. Особенно в темноте. Но многие после остановки движения стали выражать недовольство, считая, что за ночь можно было добраться до Гогланда, а с рассветом к минам, которых меньше не станет, еще добавятся и налеты авиации. Имея доступ в радиорубку, Абрамович-Блэк знал о гибели на минах большого количества боевых кораблей, часть из которых подорвалась у него на глазах («Яков Свердлов», «Гордый» и «С-5»), а ночные сводки еще и преувеличивали потери, включив в число погибших кораблей «Минск» и «Славный», а в число подорванных — лидер «Ленинград», что означало почти поголовное уничтожение всех крупных боевых кораблей.

Налицо уже была панорамная трагедия. Трагедия еще неоконченная, второй акт которой должен был начаться с рассветом. Пока еще можно было сказать, что боевые корабли гибли и подрывались во имя спасения транспортов, перегруженных войсками и беженцами. Приняв мины противника на себя, они проложили транспортам дорогу. И хотя ничего подобного не было, так по крайней мере можно будет написать в рапорте. Но что будет завтра, когда погибнут последние боевые корабли и беззащитные транспорты будут предоставлены собственной судьбе?

В свое время, после удачного завершения Ледового похода, прошедшего почти без потерь, был расстрелян командовавший походом адмирал Щастный. Что будет с нынешним командованием Балтийского флота, потерявшего уже половину своих кораблей в еще не завершеном Таллиннском переходе?

Такие вопросы ставил Абрамович-Блэк на страницах своих походных тетрадей, находясь на борту «Кирова» в центре Финского залива на рассвете 29 августа 1941 года. Редактор корабельной многотиражки еще не знал, что одним из первых участников этого перехода будет расстрелян он сам.

04:35

Лейтенант Абрамичев валился с ног от усталости. Со вчерашнего вечера он нес «минную вахту», наблюдая за поверхностью залива с палубы транспорта «Казахстан», до боли в глазах всматриваясь в воду за бортом. От усталости путались мысли, а воспаленные глаза видели мину чуть ли не на каждой волне.

Абрамичев понял, что нужно хотя бы часок подремать, чтобы сохранить способность к каким-то действиям. Он не спал практически уже более сорока восьми часов, когда его бойцы отражали атаки немцев на Таллинн, когда он вел их к гавани и грузил на борт «Казахстана». Сдав свой пост старшине Якимову, Абрамичев побрел по палубе, ища свободное место, чтобы прилечь.

Палуба «Казахстана» напоминала бивак пехотного полка, застигнутого в чистом поле после дневного маршброска. Всюду завернувшись в плащ-палатки и накрывшись шинелями лежали вповалку красноармейцы, обнимая свои винтовки, поскольку для «винтовочных пирамид» места на палубе не было. Можно сказать, что не было ни одного свободного сантиметра. Люди лежали, прижавшись друг к другу. Абрамичев медленно брел в носовую часть судна. Тело гудело от усталости, влажная прохлада пронизывала до костей.

Неожиданно он увидел бойца, завернувшегося в плащ-палатку, возле которого было буквально сантиметров сорок свободного пространства. Абрамичев улегся туда, накрывшись шинелью. Он продрог так, что невольно прижался к бойцу, пытаясь прибиться к чужому теплу. Но теплее не становилось. Лейтенант потянул на себя край плащ-палатки и коснулся мертвой ледяной руки. Он отпрянул в сторону и приподнял край плащ-палатки. Луна, появившаяся как бы специально из облаков, осветила спокойное молодое лицо умершего.

Совершенно неожиданно для самого себя Абрамичев вдруг почувствовал зависть к своему мертвому соседу. Для него все уже было позади. А что ждет их впереди — не знал никто. Покрыв покойного плащ-палаткой, Абрамичев пошел искать другого места для ночлега. Он нашел его почти у самых носовых кнехт, лег на палубу и, уже не чувствуя холода, провалился в черную пустоту.

«Казахстан» продолжал мерно покачиваться на якоре. Пробежавшая по поверхности воды лунная дорожка осветила силуэты еще нескольких транспортных, стоявших неподалеку, и какое-то судно, украшенное изящным клиперным форштевнем, как на старинной акварели.

04:50

Военный корреспондент Михайловский наконец задремал в крошечном кубрике катера МО, после того как катеру каким-то чудом удалось выскочить из той минной ловушки, в которую он попал накануне. Михайловскому стало казаться, что теперь все опасности уже позади и его приключения закончились по крайней мере до прибытия в Кронштадт.

Журналист проснулся от того, что кто-то настойчиво тормошил его за плечо. Михайловский с трудом открыл глаза и увидел знакомого матроса, вытащившего его из воды.

— Давайте на верхнюю палубу, — сказал матрос. — Всех будем пересаживать на «Ленинградсовет». Подходим.

Михайловскому страшно не хотелось уходить с этого маленького и юркого катера, на котором он уже чувствовал себя в полной безопасности. И подорваться на mine у такого «малыша» меньше шансов и вражеская авиация вряд ли на него позарится. А на большом судне опять попадешь в какую-нибудь беду.

Но деваться было некуда. Корреспондент с трудом встал. Он был голым по пояс. Выданную накануне робу он снял, готовясь прыгать за борт, когда полчища мин окружили маленький охотник. Матрос снял с себя голландку и чуть ли не силой натянул ее на Михайловского, несмотря на его протесты.

— Бери, — твердо сказал матрос. — В Кронштадте мне новую выдадут...

С трудом выбравшись на верхнюю палубу, Михайловский увидел, что катер подходит к борту «Ленинградсовета». Журналист сразу узнал этот корабль, на котором ему не раз приходилось бывать раньше. Он хорошо знал и его командира — старшего лейтенанта Амелько, стройного молодого офицера со смуглым загорелым лицом и светлыми, расчесанными на пробор волосами.

Пока Михайловский размышлял, хватит ли у него сил вскарабкаться на борт учебного судна по штормтрапу, выяснилось, что гостеприимный «Ленинградсовет» вывалил с правого борта парадный трап для приема спасенных. На нижней ступеньке трапа матросы подхватывали переходящих на судно, так что Михайловский даже не заметил, как оказался на палубе.

Не успел журналист осмотреться на новом месте, как кто-то окликнул его. Михайловский обернулся и увидел своего коллегу — военного корреспондента Анатолия Тарасенкова, с которым они вместе вышли из Таллинна на «Виронии». Он был в мокрых брюках, кителе и в одних носках.

Оказывается, его также сбросило в воду с палубы «Виронии» еще во время первой бомбежки. Но Тарасенкову

повезло больше — его быстро подобрал катер и пересадил на «Ленинградсовет».

Слушая его рассказ, Михайловский вдруг обнаружил, что у него по лицу течет кровь. Где и как он разбил голову, корреспондент вспомнить не мог. В корабельной санчасти ему промыли рану, сделали перевязку, пообещав, что шрам на голове останется на всю жизнь как память о переходе из Таллинна в Кронштадт.

В санчасти Михайловский впервые за двое суток имел возможность взглянуть на себя в зеркало. Заросший щетиной, с всклокоченными волосами, с лихорадочным блеском воспаленных глаз, одетый в голландку на два размера больше, да к тому же и босиком, корреспондент действительно напоминал выходца с того света.

Так его и представил Тарасенков, приведя в кубрик, переполненный спасенными:

— Принимайте. Еще один выходец с того света.

Спасенные были одеты кто во что: в полинявшие робы, старые комбинезоны, фуфайки, тельняшки, рваные бушлаты. Отличить офицеров от матросов было совершенно невозможно. Среди них Михайловский узнал машинистку штаба флота Галю Горскую, одетую в тельняшку и рабочие матросские брюки.

Михайловский поинтересовался у Тарасенкова о судьбе других журналистов, находившихся на «Виронии». В частности, о судьбе профессора Цехновицера.

— Трудно сказать, — ответил Тарасенков. — Это же потеря: одни прекрасно умели плавать и погибли, другие, вроде меня, не ахти какие пловцы, а все-таки выгребли...

Тарасенков достал из кармана кителя пачку промокших и слипшихся писем от жены и стал их раскладывать на столе, желая высушить.

Из соседних кубриков доносились стоны и крики. Там везли раненых, доставленных на «Ленинградсовет» прямо с фронта перед выходом из Таллинна.

Голова у Михайловского кружилась. Все происходя-

щее казалось ему каким-то невероятным сном. Радостный галдеж спасенных, сопровождаемый криками и стоками раненых и умирающих, спертая духота кубрика создавала какую-то нереальную обстановку. Казалось, что стоит лишь открыть слипающиеся глаза, и он снова окажется один в бескрайнем море, барахтающийся в волнах без всякой надежды на спасение...

05:10

Стоя на накренившемся мостике эскадренного миноносца «Гордый», капитан 3-го ранга Ефет вглядывался в восточную часть горизонта, окрашенную уже первыми лучами рассвета. Он ожидал появления буксира «Октябрь», который вместе с двумя сторожевыми катерами должен был прийти из Кронштадта на помощь «Гордому». По крайней мере, так пообещали в штабе Кронштадтской ВМБ, когда с ними удалось связаться по радио.

На «Гордом» всю ночь не прекращались аварийные работы: визжали пилы, стучали топоры и кувалды, люди ходили по пояс в воде, которая продолжала наступать, просачиваясь через пластыри и прорываясь в разошедшиеся швы. Брусьями и клиньями моряки подкрепляли водонепроницаемые переборки. Но кажущиеся прочными стальные корабельные переборки не выдерживали: под напором воды они вначале вздувались, а затем с треском проламывались.

Старшина команды трюмных машинистов Иван Анисимов, соединив между собой несколько гофрированных противопожных трубок, нырнул в воду, чтобы еще раз обследовать пробоину. Старшину сменил мичман Нестеренко. Был заведен новый пластырь, поставлены брусья и клинья, перекрыв поступление воды в этот отсек. Группа борьбы за живучесть перешла в смежный отсек, где снова пришлось нырять под воду.

А турбомоторная группа во главе с раненым, но не покинувшим своего поста старшиной 2-й статьи Раскиным пыталась восстановить поврежденный дизель-генератор.

Наконец дизель победно затарахтел и в помещениях «Гордого» зажегся свет. После этого Раскин упал на палубу и потерял сознание.

Затем заработали электромоторы аварийных насосов, вода пошла за борт, ее уровень в помещениях корабля больше не повышался.

«Октябрь» не появлялся, но когда над морем едва забрезжил рассвет, сигнальщики доложили о появлении на горизонте эскадренного миноносца, державшего курс прямо на «Гордый». Приостановив работы, люди с надеждой ждали подходившего собрата.

Вскоре стало ясно, что подходивший корабль — эс-минец «Свирепый».

05:25

Капитан-лейтенант Мазепин осторожно подвел эскадренный миноносец «Свирепый» к борту «Гордого» — настолько близко, что можно было переговариваться с капитаном 3-го ранга Ефетом голосом, не прибегая к помощи мегафона.

Ефет объяснил состояние своего корабля. Приняли около трехсот тонн воды, доступ которой внутрь «Гордого» удалось предотвратить, но откачать не удастся. Хо́да нет. Необходима буксировка.

На том и порешили.

«Свирепый» зашел впереди «Гордого», а затем, отрабатывая малым задним ходом, стал приближаться к погрузившемуся носу «Гордого».

На корме «Свирепого» матросы во главе со старпомом эсминца лейтенантом Стрельцовым готовились передать на «Гордый» шестидюймовый буксирный конец.

Капитан-лейтенант Мазепин давал команды на руль, где нес бессменную вахту рулевой — старшина Нагибин — опытный и бывалый моряк, кончивший в свое время Одесскую мореходку и призванный перед самой войной из торгового флота. Он успел обойти почти все океаны мира, изведать тихоокеанский тайфун, тропические ураганы

Индийского океана, торнадо у берегов Калифорнии. А сейчас в центре штилевого Финского залива старшина ювелирно управлял эсминцем «Свирепый», подводя его корму под нос подорвавшегося «Гордого».

Баковая команда «Гордого» во главе со старшим боцманом мичманом Грязевым приняла буксирный конец и завела его вокруг носовых кнехт.

Другая группа матросов, работая ручной лебедкой, выбирала якорь. Шпили на «Гордом» не действовали.

— По местам стоять! — приказал старпом «Гордого» капитан-лейтенант Красницкий.

— Поехали, — сказал капитан 2-го ранга Маслов Мазепину.

Винты «Свирепого» вспенили воду за кормой, буксирный трос натянулся как струна.

Капитан-лейтенант Мазепин колдовал ручками машинных телеграфов, давая ход то вперед, то назад. «Гордый» не двигался с места.

Мазепин снова отработал машиной назад, перевел ручки телеграфа на «Малый», а затем быстро на «Средний вперед». Еще легкое движение ручки машинного телеграфа вперед, и с громом, напоминающим выстрел из стомиллиметрового орудия, буксирный конец лопнул. Его оборванные концы стальными змеями заметались на юте «Свирепого» и полубаке «Гордого», к счастью, никого не задев и не покалечив.

Стали заводить новый конец.

Видимо, «Гордый» был очень сильно заполнен водой, потому что и новый конец лопнул, а «Гордый» так и не сдвинулся с места.

Между тем светало, и сигнальщики тревожно следили за небом и горизонтом, ожидая появления самолетов и кораблей противника.

После короткого обмена мнениями, когда лопнул второй буксирный конец, с «Гордого» на «Свирепый» решили завести тяжелую якорь-цепь. Это было легче сказать, чем сделать.

Шпили на «Гордом» не работали и якорь-цепь с огромным трудом крюками начали вытаскивать из цепного ящика и передавать на «Свирепый». Там ее пытались закрепить, но цепь плохо входила в полуклюзы «Свирепого». Китель лейтенанта Стрельцова порвался в локтях, руки были разодраны в кровь, но матросы под его руководством все-таки завели цепь и обнесли ее вокруг тумбы четвертого орудия. Дополнительно к цепи завели еще пару стальных тросов.

Снова забурлила вода за кормой «Свирепого», и «Гордый» наконец медленно сдвинулся с места, завибрировав всем корпусом.

Капитан 3-го ранга Ефет, сняв фуражку, оттер пот со лба. Если бы и с якорь-цепью ничего не вышло, пришлось бы пересаживать остатки экипажа «Гордого» на «Свирепый», а сам «Гордый» затопить.

«Свирепый» продолжал медленно и с натугой тянуть «Гордый» на буксире. Средняя скорость движения составляла пять узлов. На обоих кораблях уже с тревогой поглядывали в сереющее небо. Еще в темноте все ясно слышали гул авиационных двигателей и не строили никаких иллюзий относительно их принадлежности, мечтая лишь о том, чтобы грядущий день выдался пасмурным и дождливым, как и несколько дней назад. Но все говорило об обратном. Погода обещала быть прекрасной.

— Прикажете поставить на бакштов шлюпку с запасом продовольствия и пресной воды, — распорядился Ефет, обращаясь к своему старпому капитан-лейтенанту Красницкому. — Чтобы было кому нас вылавливать из воды после ударов авиации.

Приказание было быстро выполнено.

«Гордый», шедший на буксире у «Свирепого», сам вел на буксире спасательную шлюпку, где добровольно вызвался находиться старшина 2-й статьи Федор Самойленко.

05:35

«По местам стоять! С якоря сниматься!» — пролаяли боевые громкоговорители крейсера «Киров». Легкая дымка тумана, висевшая над поверхностью воды, придавала всем оставшимся в порядке кораблям несколько призрачный вид.

Только что тральщик «Патрон» старшего лейтенанта Ефимова, выставив за неимением тралов параван-охранители, обошел «Киров» со всех сторон, обнаружив с левого борта крейсера одну мину, которую немедленно расстрелял. Затем «Патрон» проверил пространство вокруг «Сметливого» и получил приказ занять место корабля охранения с левого борта крейсера.

На все корабли отряда главных сил был передан приказ: «Начать движение в 05:40».

На мостике «Кирова» адмирал Трибуц нетерпеливо посматривал на часы, время от времени поднимая бинокль к глазам, стараясь определить: начали тральщики движение или нет.

— Товарищ командующий, — обратился к Трибуцу капитан 1-го ранга Питерский, — следует ли передать приказ о начале движения всем кораблям флота и транспортам, или приказ касается только главных сил?

Трибуц как-то рассеянно взглянул на начальника своего походного штаба:

— Да, конечно. Передайте приказ на все конвои и отряды.

Капитан 1-го ранга высказал мнение, что было бы лучше не рваться вперед, а пропустить вначале транспорты, чтобы иметь возможность обеспечить им зенитное прикрытие, поскольку с минуты на минуту следует ожидать атак вражеской авиации. Данные о понесенных ночью потерях говорят о том, что переполненные войсками транспорты остались фактически без какого-либо прикрытия. Это может привести к новым большим и неоправданным потерям.

— Нет, — твердо возразил командующий КБФ. — Больше нельзя терять ни секунды. Мы сами в большой опасности. Как вы могли убедиться, штаб фронта не выделил нам ни одного истребителя, хотя и обещал обеспечить воздушное прикрытие на переходе. Если мы потеряем время, пропуская вперед транспорты, то сами станем первой добычей бомбардировщиков.

Капитан 1-го ранга Питерский решил больше не переубеждать командующего. На флоте существует своя этика, диктующая границы возможного обсуждения полученного приказа. На каких чашах весов можно измерить относительную ценность «полутяжелого» крейсера с одной стороны и сорока тысяч солдат и офицеров с другой, не говоря уже о беженцах.

Впереди, дружно взвизгнув ревунами, медленно двинулись тральщики главных сил, сохраняя все тот же строй уступа, что и накануне. Густые клубы черного дыма повалили из двух труб ледокола «Суур-Тылл». Вздрогнул и медленно пошел за ледоколом «Киров», охраняемый с левого борта тральщиком «Патрон», а с правого — эсминцем «Сметливый», занявшим место подорванного «Гордого»*.

* Надо признать, что адмирал Трибуц правильно оценивал сложившуюся обстановку, понимая, что практически все боевое ядро флота погибло или было выведено из строя при форсировании минных заграждений.

Оправдываясь по поводу выдвинутых против него обвинений в том, что он на крейсере «Киров» фактически бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы десятки транспортов с войсками и беженцами, Трибуц в своем секретном рапорте писал: «После форсирования минного заграждения, флота, по существу, уже не было. В отряде главных сил, кроме крейсера «Киров», в исправном состоянии оставался единственный миноносец — «Сметливый». «Ленинград» вел на буксире «Минск», эсминец «Суровый» сопровождал подорвавшийся «Славный», «Свирепый» вел на буксире «Гордый». Мы не могли выделить ни одного корабля для зенитного прикрытия транспортов...» (см. продолжение сноски на следующей странице).

05:50

С мостика лидера «Минск» адмирал Пантелеев следил, как единственный оставшийся при его отряде прикрытия тральщик «Гак», выставив параваны, шел вокруг лидера, проверяя наличие мин.

Кончалась ночь. Сквозь туман все яснее вырисовывались силуэты стоявших повсюду транспортов.

Командир «Минска» капитан 2-го ранга Петунин, выслушав доклад по телефону из машины, доложил Пантелееву, что машины лидера работают, и корабль может идти самостоятельно, хотя еще сохранился небольшой крен на правый борт и заметный дифферент на нос.

Беда была в том, что на «Минске» после взрыва не работали компасы и кораблю было необходимо навигационное лидирование.

Так оправдывал свое решение об оставлении транспортов на растерзание вражеской авиации после ночной якорной стоянки адмирал Трибуц. Однако, он же в своих мемуарах позднее, не моргнув глазом, писал следующее: «Да, враг просчитался, надеясь на уничтожение флота. Поставленная главнокомандующим войсками Северо-Западного направления флоту задача эвакуировать из Таллинна войска, прорваться в Кронштадт — была решена. Нам удалось вывести из-под удара основное ядро флота — 87 процентов боевых кораблей...»

Оставим эти оценки на совести бывшего командующего флотом. Как известно, на войне воюют пушками, а после войны — мемуарами. Однако бросается в глаза, что адмирал Трибуц сделал все, что от него могли бы пожелать немцы. Сначала он провел всю свою армаду через минные заграждения, понеся тяжелейшие потери, а затем, когда подавляющее число кораблей и судов уже форсировало минные поля, приказал им остановиться, продержал всю ночь на якоре, предоставив на следующий день авиации противника довершить то, что сделали мины накануне. А сам (не хочется писать «сбежал») полным ходом пошел в Кронштадт, прибыв туда раньше всех из вверенных ему кораблей и судов, кому повезло дойти. Как говорится, без комплексов!

После ввода в строй корабельной радиостанции штаб послал в эфир несколько радиограмм о помощи. Откликнулся лидер «Ленинград», а несколько позже — эсминец «Свирепый».

Лидер «Ленинград» входил в состав отряда главных сил, отстав ночью из-за повышенной минной опасности. С «Кировым» у него связи не было, но капитан 3-го ранга Горбачев намеревался с рассветом попытаться догнать крейсер.

Однако адмирал Пантелеев приказал Горбачеву присоединиться к отряду прикрытия. Выполняется последнее приказание, и «Ленинград» с первыми лучами рассвета уже находился в видимости сигнальщиков «Минска», медленно приближаясь к своему подорванному собрату.

«Славного» видно не было, и Пантелеев приказал вышедшему на связь «Суровому» сопровождать «Славный», а если понадобится, то и буксировать его. «Свирепый» и «Суровый» входили в охранение 1-го конвоя транспортов. Теперь они получили официальный приказ прекратить выполнение этой задачи, переключившись исключительно на спасение поврежденных боевых кораблей.

Поскольку адмирал Трибуц никак не управлял оставшимися за его кормой остальными участниками перехода, сосредоточив все свое внимание на проводке в Кронштадт фактически одного крейсера «Киров», необходимые распоряжения вынужден был отдавать адмирал Пантелеев, как второй человек в структуре командования флотом.

В это же время пришла радиограмма от командира дивизиона эсминцев капитана 2-го ранга Маслова, находящегося на «Свирепом».

Маслов доложил начальнику штаба флота, что «Свирепый» буксирует «Гордый» с помощью жестко заведенной якорь-цепи, а потому на переходе будет лишен маневрирования, что может быть чревато тяжелыми последствиями в связи с ожидаемыми интенсивными налетами с воздуха. Маслов просил прислать какой-нибудь

сторожевик для эскортирования и усиления зенитного противодействия.

Пантелеев посоветовался с начальником своего походного штаба капитаном 1-го ранга Пилиповским. Какое прикрытие можно выделить «связанным одной цепью» «Свирепому» и «Гордому»? По имеющимся в штабе адмирала Пантелеева сведениям, все сторожевики «плохой погоды», входящие в отряд адмирала Ралля, погибли. То, что «Буря» уцелела, на «Минске» еще не знали. Из оставшихся сторожевиков, которые еще можно было назвать боевыми кораблями, оставался один «Аметист» — бывший миноносец кайзеровского флота, также входивший в состав охранения 1-го конвоя.

Его и решили направить к «Свирепому» и «Гордому» для эскортирования этих двух эсминцев. Соответствующий приказ «Аметисту» передали по радио. А заодно туда же направили парочку подвернувшихся под руку морских охотников, переполненных спасенными с разных кораблей и судов.

Командир «Аметиста» капитан-лейтенант Алексей Сукач пытался вступить в радиопререкания с адмиралом Пантелеевым, указывая на два главных обстоятельства: во-первых, его маленький кораблик переполнен спасенными, занявшими даже верхнюю палубу, и во-вторых, он один остался с четырьмя еще уцелевшими транспортами 1-го конвоя, у которых не осталось никакого другого прикрытия.

С «Минска» подтвердили приказ.

Между тем, тральщик «Гак» занял место впереди колонны и начал движение. За ним пошел «Ленинград», служа навигационным «поводырем» для поврежденного «Минска», замыкающего колонну.

06:05

Капитан 3-го ранга Горбачев, стоя на мостике лидера «Ленинград» со своим помощником лейтенантом Бабаевым, настороженно смотрел на «Минск», который

шел, неуверенно рыская по курсу. Лидеры типа «Ленинград» с их постоянно играющей, как лисий хвост, кормой, были не самыми лучшими навигационными «поводырями». Старшина 1-й статьи Мухин, вернувшийся к рулю после короткого отдыха, делал все возможное, чтобы врожденные недостатки мореходности «Ленинграда» проявлялись как можно меньше.

Палуба лидера была заполнена спасенными. На рассвете, отбившись от плавающих мин, Горбачев повел «Ленинград» к «Минску», подчиняясь полученному от адмирала Пантелеева приказу.

Неожиданно он обнаружил, что лидер идет через толстый слой мазута, в котором барахтались, взывая о помощи и спасении, несколько десятков человек с какого-то погибшего корабля или судна. Приходилось постоянно уменьшать или вовсе стопорить ход, чтобы принять на борт погибающих. В итоге главный боцман лидера мичман Дормидонтов доложил Горбачеву, что они вытащили из воды более ста человек. Места для всех не было, да многие и не хотели покидать верхнюю палубу, сидя на ней в полной готовности снова оказаться за бортом.

Затем, в достаточном отдалении от корабля, одна за другой были обнаружены три плавающих мины, которые расстреляли огнем из 45-мм орудий.

Не успело умолкнуть раскатистое эхо последнего взрыва, как сигнальщики доложили об обнаружении торпедного катера, приближающегося со стороны финского берега.

В бинокль Горбачев увидел крошечную черточку на поверхности воды, поднявшую неправдоподобно большие белые усы бурунов. Командир БЧ-2 Нефедов быстро дал установку на носовые орудия главного калибра, которыми командовали асы своего дела — старшины-комендоры Нилов и Шишкин. После второго залпа над морем взметнулся яркий сноп пламени взорвавшегося бензина, сменившийся черным дымом, постепенно таю-

щим в воздухе. Как не вглядывались в горизонт, никаких следов катера обнаружить больше не могли.

Подходя к «Минску», Горбачев предполагал, что «Ленинграду» придется буксировать своего подорванного однотипного собрата. И облегченно вздохнул, когда выяснил, что «Минск» намерен следовать собственным ходом, а от «Ленинграда» требуется лишь навигационное лидирование...

— Слева по носу самолет противника! — раздался крик сигнальщика, заставивший от неожиданности вздрогнуть всех на мостике лидера. Капитан 3-го ранга Горбачев вскинул бинокль. В светлеющем небе, хорошо проецируясь на фоне редких облаков, лениво плыла «рама». Шла она с востока на запад. Видимо, возвращаясь на аэродром после разведывательного полета.

Сотни глаз следили с палуб и надстроек кораблей, как «рама», казалось бы, не обратив на отряд никакого внимания, прошла мимо и исчезла во мгlistой дымке западного горизонта.

06:20

С мостика транспорта «Казахстан» капитан Калитаев увидел, как один из катеров МО, державшийся около «Ленинградсовета», направился к его судну. С катера в мегафон передали на транспорт приказ сниматься с якоря и следовать в кильватер «Ленинградсовету».

Впереди «Ленинградсовета» готовились начать движение четыре катерных тральщика.

Калитаев приказал начать съемку с якоря, которой руководили его старший помощник Александров и боцман «Казахстана» Гайнутдинов, находившиеся на баке.

Погода была прекрасная. Слабый двухбалльный ветер, сменивший ночью свое направление, задувал от востока. Море было спокойным. На небе кудрявились редкие белые облака. Видимость была хорошей.

Кроме Калитаева на мостике «Казахстана» находились: третий помощник капитана Русаков — на левом

крыле мостика, второй помощник Загорулько — на правом крыле. На руле стоял матрос 1-го класса Ракитин. Помполит Желтов отдыхал в штурманской рубке. Официально до 08:00 вахтенным был старший помощник Николай Александров, руководивший на баке съемкой с якоря.

Наконец дали ход и малым ходом двинулись за «Ленинградсоветом». Старший помощник Александров попросил у капитана разрешения вернуться на мостик и продолжать выполнять свои обязанности вахтенного штурмана, но Калитаев приказал ему оставаться на баке и вести наблюдение за плавающими минами.

Вскоре идущие впереди «Ленинградсовета» тральщики подсекли мину, и она всплыла слева по курсу «Казахстана». Мину сносило вправо, и Калитаеву пришлось также положить руль вправо и на короткое время увеличить ход до среднего, чтобы быстрее оставить мину за кормой. В этот момент, как показалось Калитаеву, со всех сторон появились немецкие бомбардировщики, по которым немедленно со всех транспортов открыли зенитный огонь.

Калитаев находился в рулевой рубке впереди рулевого и жестами руки показывал ему, как править. Опытный Ракитин в других командах не нуждался, прекрасно разбираясь в движениях капитанской руки.

Все орудия и пулеметы, которыми был вооружен «Казахстан», находились ниже мостика и били вверх. Стоял страшный грохот. Капитан Калитаев не слышал докладов сигнальщиков и вообще ничьих голосов, всецело занятый управлением судна. «Казахстан» из-за вынужденного увеличения скорости хода опасно приблизился к «Ленинградсовету», а по корме его проходила мина. Иллюминаторы ходовой рубки не давали капитану нужного обзора.

Оставив у машинных телеграфов второго помощника Загорулько, капитан Калитаев решил перейти на верхний мостик, откуда был гораздо лучший обзор.

Грохот орудий и пулеметов и топот матросских ног, разбегающихся на боевые посты по верхней палубе, вывел из полусонного состояния военного корреспондента Михайловского, прикорнувшего было в одном из переполненных спасенными кубриков учебного судна «Ленинградсовет». Вместе с другими он выскочил на верхнюю палубу.

Сорокапятки и пулеметы учебного судна палили куда-то в небо.

Слышались крики сигнальщиков:

— Слева по курсу самолет противника!

— Прямо по курсу самолет противника! Заходит в пикирование!

Михайловский и другие, высыпавшие на верхнюю палубу, стояли, задрав головы к небу, но никаких самолетов не видели. Некоторым казалось, что на удалении слышится завывание падающих бомб и гул авиационных моторов.

Зато все видели стоявшего на мостике в кожаном реглане старшего лейтенанта Амелько, рассматривающего что-то в бинокль.

Среди спасенных начались разговоры, выражающие удивление, что таким — пусть старым, но достаточно крупным судном — командует всего-навсего какой-то старший лейтенант. Наверняка неопытный. Потому что опытных старших лейтенантов просто не бывает. Именно по этой причине многие считали себя обреченными.

Между тем, стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. С мостика в мегафон дали команду всем очистить верхнюю палубу. Никто подчиняться этой команде не желал, продолжая настороженно вглядываться в пустое небо. Легкая дымка, стоявшая на горизонте, быстро рассеивалась под лучами восходящего солнца.

С мостика прошел слух, что группа из шести немецких бомбардировщиков, по которым со всех судов открыли

огонь, прошла на небольшой высоте со стороны правого борта и скрылась в восточном направлении.

«Ленинградсовет» продолжал идти малым ходом за тральщиками. За ним, держась на опасно близком расстоянии, покачивалась в бортовой и килевой качке громада «Казахстана». За «Казахстаном», несколько поотстав, дымил «Тобол». А совсем далеко — еще какое-то судно.

Идущие впереди тральщики снова дружно взревели ревунами и подняли флажной сигнал «Прямо по курсу мины». Три мины, подпрыгивая на волнах, прошли с левого борта «Ленинградсовета». Конвой уклонился немного вправо и снова вышел на заданный курс. Один из катеров КМ, которых «Ленинградсовет» вел на буксире, открыл пулеметный огонь, расстреливая мины.

Резко прогремели три взрыва, подняв над поверхностью залива тонны воды, принявшей форму огромных причудливых белых цветов.

06:55

Лейтенант Александровский со своего «эспээн»*, где он почти безотлучно находился, командуя зенитными орудиями правого борта крейсера «Киров», услышал визг ревунов и предупреждающие свистки, которыми идущие впереди тральщики сигнализировали о подсечении очередных мин.

Мины прошли с левого борта, провожаемые настороженными взглядами. Никто почему-то не думал их расстреливать. Но на крейсере, как всегда при виде плавающих мин, воцарилась какая-то почти ритуальная тишина, разорванная на этот раз громким криком сигнальщика:

— Справа за кормой самолеты противника!

Шестерка «Ю-87» нагоняла отряд с кормы, держась на высоте около полутора тысяч метров. Как всегда

* «Эспээн» (СПН) — Стабилизированный Пост Наводки.

бывало при появлении самолетов, Александровский забрался с ногами на свое сидение так, что его одетая в шлемофон голова высунулась из люка. Лейтенант следил за бомбардировщиками, отдавая предварительные приказы на орудия. Бронированный колпак СПН возвышался на правом борту крейсера, как бы господствуя над всеми зенитными орудиями и автоматами правого борта. «Юнкерсы» обгоняли отряд, явно норовя зайти в атаку из-под солнца, ослепительно сверкающего уже достаточно высоко над линией восточного горизонта. Его лучи били в глаза наводчикам зенитных орудий и корректировщикам огня.

Положение было крайне сложным. Крейсер и корабли охранения шли по узкой протраленной полосе и были почти полностью лишены свободы маневра, столь необходимого при уклонении от авиабомб. Даже на Таллинском рейде свобода маневрирования была куда лучше, чем сейчас. «Юнкерсы», как и предполагал Александровский, обогнали отряд, развернулись, а затем, построившись тройками, ринулись в атаку.

Все орудия и пулеметы «Кирова» захлебывались от заградительного огня, выставив на пути бомбардировщиков настоящую стенку зенитных разрывов. Задрав орудия вверх, били шрапнелью даже башни главного калибра. Им вторили орудия и пулеметы с тральщиков. Эсминец «Сметливый», увеличив ход, перекрыл шквальным зенитным огнем носовые сектора правого борта. Били пулеметы и зенитки «Патрона». Шрапнелью стреляла и его носовая сотка.

Немецкие летчики явно не желали лезть в эту кашу зенитных разрывов. Свернув с боевого курса, они начали набирать высоту, поднялись примерно на три тысячи метров и оттуда сбросили около десятка бомб. Все они упали достаточно далеко от кораблей, чтобы нанести хоть какие-нибудь повреждения. Не утруждая себя вторым заходом, «юнкерсы», построившись на большой высоте в походный ордер, ушли на запад.

Сыграли «Отбой» воздушной тревоги, и лейтенант Александровский подумал, что неплохо бы забежать в кают-компанию и слегка перекусить. Всю ночь он вместе с другими отгонял от корабля плавающие мины, здорово продрог и проголодался. Не было даже времени забежать в каюту, поскольку с первыми же признаками рассвета, наступившего, как показалось Александровскому, очень быстро, ему пришлось занять свое место на посту управления зенитной артиллерии правого борта. Сейчас же покинуть пост, несмотря на отбой тревоги, было вдвойне опасно, ибо за этой шестеркой бомбардировщиков наверняка должны были последовать и другие.

07:10

Матрос Григорьев продолжал бороться за свою жизнь. Он не помнил, сколько уже прошло времени с того момента, когда его смыло в воду с погружающегося носа транспорта «Луга». Он плыл, обхватив доску, находясь уже в каком-то полубессознательном состоянии. Перед глазами почему-то встало искаженное болью лицо матроса Федорова, его предсмертный хрип звучал в ушах. Периодически возвращающееся сознание не приносило никакого облегчения. «Погиб Федоров, погибну и я», — проносилось в мозгу. Глаза автоматически фиксировали, что уже наступил рассвет, видели, как на востоке засветились алые пятна зари и показался ослепительный диск восходящего солнца. Приутихшие волны мерно раскачивали матроса вместе с доской, поднимали на гребень и снова бросали куда-то вниз обессиленное тело. Держаться израненными окоченевшими пальцами за доску Григорьев уже не мог, и он нашел мало-мальски удобное положение — навалился на доску руками и положил на нее голову, словно на жесткую деревянную подушку.

Неожиданно среди шума волн, как показалось Григорьеву, откуда-то издалека до него донеслись странные рокошущие звуки. В первый миг он решил, что это бред,

галлюцинация, и даже не попытался оглядеться. Но звуки упорно нарастали и даже начали забивать однотонный, ставший уже привычным, шум волн. Тогда Григорьев попытался поднять голову, но это ему не удалось. Сил оторвать голову от доски уже не было.

Звук работающего мотора все нарастал и нарастал, а вскоре он услышал чей-то голос, кричавший: «Эй! На доске! Кончай ночевать! Подплывай к борту!»

С огромным усилием Григорьев все-таки оторвал голову от доски и увидел совсем близко от себя крутой борт корабля. Какой это корабль — ему было все равно. Кажется, ему бросили конец, но у матроса уже не было сил пошевелить ни рукой, ни ногой. Он не помнил, сколько еще прошло времени, когда чьи-то руки оторвали его от доски-спасительницы и втянули на маленькую шлюпку — «тузик». Он лежал на дне «тузика», дрожа, кашляя и стуча зубами. Его нисколько не интересовало, кто эти люди и откуда. Но он автоматически фиксировал русскую речь и понимал, что находится среди своих.

Потом он смутно ощутил, что его поднимают на борт, кто-то протянул ему кружку, резкий запах спирта ударил в нос. Он сделал над собой очередное усилие, открыл рот и ничего не почувствовал кроме тепла, которое неожиданно разлилось по всему телу. И потерял сознание.

07:25

Матрос Иннокентий Дубровский также не помнил, сколько прошло времени после того, как он, барахтаясь в мазуте, проводил последним взглядом уходящую в воду почти вертикально корму эскадренного миноносца «Калинин». Он даже толком не знал, когда точно это произошло. Было уже совсем темно, но начинающаяся с «нуля» вахта еще не заступала. Значит, эсминец утонул где-то около полуночи.

У него не было ни спасательного пояса, ни какого-либо

другого спасательного средства, которое могло бы облегчить плавание. И хотя Дубровский был отличным пловцом, но до сих пор ему приходилось плавать в воде, а сейчас пришлось плыть через огромное пятно мазута, вылившегося в море из разбитых цистерн трех погибших эсминцев.

Нестерпимой болью резало глаза и разъедало лицо. Временами корежили судороги рвоты. Он буквально куврыкался в воде от спазм и боли. Но упорно продолжал плыть, отчаянно борясь за жизнь.

Через толстый слой жирного мазута ему в конце концов удалось выбраться на чистую воду. Он попытался обмыть лицо, но соленая вода причинила изъеденному мазутом лицу и глазам новые страдания. Однако, эта боль помогла оставаться в сознании. Он отдыхал, лежа на спине, а затем плыл дальше. Куда — он не знал. Временами светила луна и он инстинктивно пытался попасть в ее дорожку, надеясь, что его заметят и спасут. Но ни один корабль или катер не прошел мимо него.

Между тем, тело стало цепенеть от холода. Деревенели руки и ноги. Несколько раз он уходил под воду, захлебываясь, но всякий раз снова появлялся на поверхности, отчаянно сражаясь за жизнь. И за все это время ему не попалось ни плотика, ни каких-нибудь плавающих обломков, ни бревна, ни доски, чтобы хоть как-то облегчить его сражение со смертью. С рассвета начались галлюцинации. Однажды он явственно увидел свой погибший эсминец «Калинин», идущий прямо на него, дымя изо всех трех труб. Дубровский забился в воде, закричал, замахал руками. Когда он в очередной раз вынырнул на поверхность, эсминца уже не было...

Он не помнил, как оказался на борту сторожевого катера, но в очередной раз придя в себя, обнаружил, что лежит в трюме, у переборки, за которой был слышен шум работающего двигателя.

Некоторое время он даже не знал, чей это катер, который его подобрал, но окончательно очнувшись, уви-

дел, что трюм переполнен такими же голыми, перемазанными мазутом людьми с безумными глазами. И узнал от них, что катер свой. И снова потерял сознание.

07:40

Капитан буксира «Палдиски» Горохов, взявший на себя управление остатками 4-го конвоя после гибели канонерской лодки «И-8», почти до самого рассвета шел северным курсом, а затем повернул на восток. Задувший от веста ветер дал возможность буксируемой шхуне «Атта» поставить паруса и уверенно держаться за кормую флагмана, отдав буксир. Вторая шхуна «Хильдяну» держалась с правого борта буксира. Мотоботы немного отстали, но шли уверенно.

Вставало солнце, дымка над поверхностью воды таяла. Помощник Горохова Оскар Вединш неожиданно показал рукой в сторону левого борта.

— Капитан, — сказал он, — кто-то идет нам наперез.

Горохов взглянул в бинокль. Четыре черных точки шли с севера прямо на пересечку их курса.

Вначале Горохов подумал, что это свои: охотники или сторожевые катера, посланные командованием на поиск отставшего 4-го конвоя, поскольку ни на одном из судов, кроме погибшей «И-8», не было радиостанций. На «Палдиски» был приемник, работающий только на прием. По мере приближения катеров капитан Горохов понял, что ошибся. И наконец в бинокль можно было уже ясно рассмотреть флаги с тремя косицами, украшенные голубым крестом на белом поле, с красным крыжом, где золотой лев, попирая задними лапами лежащий на земле меч, грозно замахивался другим мечом, зажатым в правой передней лапе.

ФИННЫ! Катера шли строем фронта.

Под носом «Палдиски» поверхность воды вспорола крупнокалиберная очередь — «Приказываю остановиться».

На буксире не было даже ракетницы.

— Стоп машина! — скомандовал в переговорную трубку Горохов.

Катера, развернувшись, прошли вдоль левого борта каравана.

Приказ остановиться не выполнила только шхуна «Атта», продолжая следовать по курсу под парусами. Один из катеров помчался за шхуной, строча из пулемета. В ответ с «Атты» защелкали винтовочные выстрелы и ударил ручной пулемет. Матросы, охраняющие груз боеприпасов, и солдаты-пассажиры, прильнув к фальшботу, вели огонь, надеясь, видимо, отогнать финский катер.

К удивлению Горохова, следящего за этим поразительным морским боем, именно так и произошло. Катер стал удаляться от «Атты». На шхуне свистели и улюлюкали, провожая катер винтовочным огнем.

Отойдя от шхуны метров на триста, финн снова развернулся и выпустил по шхуне торпеду.

В смерче страшного взрыва груженная боеприпасами «Атта» была разорвана на куски, которые пылая стали погружаться в воду. Людей с мостика «Палдиски» видно не было. Да и трудно было представить, чтобы кто-нибудь мог уцелеть в таком взрыве.

Катер, положив руль влево, направился к буксиру. Ошеломленный гибелью «Атты» Горохов увидел, что на шхуне «Хильдяну» подняли белый флаг.

— Сдаемся! — закричал в мегафон Горохов, замирая от ужаса при мысли, что его тоже торпедируют.

Наведя на буксир пулемет, катер медленно приближался. Два других финских катера крутились у мотоботов, откуда также доносилась винтовочная стрельба и треск пулеметных очередей.

«Хильдяну» повернула на север. Финн в черном комбинезоне, стоявший на рубке катера, дал Горохову знак рукой — следовать за шхуной.

— Вот угораздило! — в сердцах сказал Егоров. — Сами себя в плен везем.

В ответ помощник Вединьш широко улыбнулся.

07:50

С верхнего мостика транспорта «Казахстан» капитан Калитаев следил в бинокль за появившимися в дали западного горизонта черными точками в небе. Сначала он различил их три, затем — четыре, семь, девять! «Юнкерсы»-лапотники шли над морем на высоте, не превышающей тысячи метров. Они стремительно приближались надсадно гудя моторами. Шестерка стала обгонять конвой, судя по всему для того, чтобы зайти в атаку со стороны солнца. Но три концевых бомбардировщика ринулись прямо на «Казахстан», даже не перестраиваясь из походного ордера в боевой.

Калитаев машинально взглянул на часы. Было 07:55. В этот момент самолеты были прямо над головой, идя вниз в крутом пике, визжа моторами и воя сиренами. Все имеющиеся на транспорте зенитки яростно, но тщетно били вверх в надежде остановить самолеты.

Грохот стоял такой, что Калитаев ничего не слышал.

Не слышал он и взрыва бомбы, угодившей прямо в рулевую рубку. На какую-то долю секунды капитан услышал треск ломающихся конструкций рубки и мостика, грохот и потерял сознание.

Придя в себя, Калитаев обнаружил, что лежит на нижней площадке мостика, головой к трапу, ведущему на верхний мостик. Видимо, его сбросило туда взрывом. Рядом с ним лежала его фуражка. Потянувшись за ней, капитан почувствовал, что вся голова и шея у него мокрые. Проведя рукой по затылку, он понял, что весь в крови. Откуда-то валил густой дым и со свистом вырывался пар. Калитаев хотел подняться, остановить судно и дать команду в машинное отделение стравить пар и всем выбираться наверх. Но в этот момент новый удар оглушил Калитаева. Ударная волна от еще одной угодившей в транспорт бомбы выбросила оглушенного капитана за борт.

Второй помощник капитана транспорта «Казахстан» Леонид Загорулько видел, как тело капитана Калитаева, сброшенное с мостика ударной волной, мелькнуло в воздухе и упало в воду.

Второй штурман бросился в рулевую рубку. У разбитого штурвала лежал убитый рулевой Ракитин и третий штурман Русаков. Штурманская рубка пылала. Откуда-то из середины судна с шумом и свистом вырывался пар и языки пламени. Загорулько понял, что пробит главный паропровод, и пожар бушует в машинном отделении. Свист выходящего пара второй помощник принял за шум, который всегда бывает при заполнении крупнотоннажного судна водой. Он решил, что транспорт гибнет и, согласно расписанию, побежал на ботдек, чтобы руководить спуском шлюпок правого борта.

На «Казахстане» уже бушевала паника. Многие бросались в воду прямо с борта. Крики смешивались со скрежетом металла, палуба дрожала под ногами мечущихся людей.

Висевшая на шлюпбалках спасательная шлюпка правого борта была уже переполнена людьми выше всякой меры. Матросов, пытавшихся спустить шлюпку на воду, оттеснили. Кто-то крикнул:

— Обрезай концы!

Высокий парень в армейской шинели выхватил финский нож и, недолго думая, перехватил им носовой конец пенькового троса. Шлюпка сорвалась вниз и повисла вертикально на кормовом конце шлюпбалки. Находившиеся в ней люди посыпались в воду как горох. Затем лодка сорвалась, и с кормового конца рухнула вниз, накрыв плавающих в воде. Раздались истошные крики, выстрелы. Обезумевшая толпа, срывающая леера, ринулась за борт.

Бомба, взорвавшаяся в машинном отделении и перебившая паропровод, стала причиной сильного пожара,

что вынудило уцелевших мотористов остановить машину и открыть клапаны траления пара. Загорулько побежал на спардек, надеясь собрать людей для тушения пожара.

Он начал уговаривать всех, особенно моряков, прекратить панику и приступить к тушению пожара. Его никто не слушал. Люди метались по палубе, топча убитых и раненых, дико крича и ничего не соображая от охватившего их ужаса.

Выбравшись на спардек, Загорулько увидел там старшего помощника капитана Николая Александрова, который с несколькими красноармейцами пытался сбить сгонь песком. Увидев Загорулько, старпом спросил, что с капитаном. Тот ответил, что капитана сбросило в море и он, наверное, погиб, а потому Александров должен принять на себя командование судном. Было решено, что Александров попытается подняться на мостик и восстановить управление судном, а Загорулько попытается наладить брандспойт для борьбы с огнем. Однако паника, царившая на «Казахстане», не давала возможности организовать какие-либо работы по спасению транспорта.

08:00

Старшину 2-й статьи Алексея Аврашова, шофера штаба КБФ, чья машина была погружена в трюм «Казахстана», разбудил взрыв бомбы. За все предыдущие бессонные ночи старшина отсыпался в каюте военного коменданта «Казахстана» старшего лейтенанта Шумакова.

Аврашов вскочил с койки, желая выйти в коридор, но дверь каюты оказалась заклиненной и он никак не мог ее открыть. Схватив стул, старшина выбил стекло большого светового иллюминатора и выбрался на палубу. Он был в матросской форменке и брюках, оставив бескозырку в каюте.

Первое, на что он наткнулся, оказавшись на палубе, — это сброшенный кем-то кожаный реглан. Надев его, старшина нащупал во внутреннем кармане пистолет.

Вокруг стоял гвалт, люди металась по палубе, бросались за борт. Вся средняя часть судна была охвачена огнем. Среди мечущихся людей старшина увидел человека в форменном кителе с нашивками 2-го помощника, тщетно пытавшегося навести порядок. Это был Загорулько.

Аврашов крикнул ему:

— Следуйте за мной!

Сбитый с толка регланом, Загорулько беспрекословно повиновался. Вместе они поднялись на шлюпочную палубу. Старшина выхватил у Загорулько мегафон и проревел:

— Прекратить панику! Отойти от борта! Буду стрелять в каждого паникера! Приступить к тушению пожара!

И для острастки выхватил пистолет, выстрелив пару раз в воздух.

Затем, обернувшись к Загорулько, спросил:

— Ведра есть?

— Есть, товарищ генерал, — ответил второй помощник.

«Генерал, так генерал», — подумал старшина 2-й статьи и стал командовать в мегафон, чтобы люди выстроились в цепь и приготовились к тушению пожара.

Но в это момент на дрейфующий «Казахстан» с ревом ринулся еще один пикирующий бомбардировщик.

08:03

Капитан Калитаев пришел в себя от холода морской воды. На поверхности его поддерживал спасательный пояс. Он оглянулся, ища глазами «Казахстан». Транспорт удалялся вправо от курса. Средняя часть его была охвачена дымом и пламенем.

В воде Калитаев обнаружил еще несколько человек, сброшенных с «Казахстана» взрывом или бросившихся в панике за борт. Капитан подплыл к бревну, за которое держались три человека. Калитаев узнал 3-го механика Котова и матроса 2-го класса Ермакова. С их разрешения он также ухватился за бревно и плавал, пытаясь не выпускать из поля зрения удаляющийся «Казахстан».

Страшно болела голова, ломило в ушах. Калитаев понял, что тяжело контужен. Хотя все лицо его было в крови, никаких ран на себе он не обнаружил.

Неожиданно откуда-то появившаяся подводная лодка «Щ-322» подняла их всех из воды.

«Щ-322», входившая в состав сил прикрытия адмирала Пантелеева, ночью потеряла отряд и теперь спешила нагнать какой-нибудь отряд, чтобы не идти в одиночку.

Мокрый и окровавленный Калитаев, едва спустившись в центральный пост, стал упрашивать командира лодки капитана 3-го ранга Ермилова, чтобы тот пересадил его обратно на «Казахстан». Но Ермилов ничего и слушать не хотел. «Казахстан» уже ушел далеко на юг. Впереди виднелся дымок «Ленинградсовета». Правда, за кормой «Щ-322» шел большой транспорт с № 512 на носу, но Калитаев просился пересесть не на него, а на «Казахстан». А в воздухе продолжала кружиться девятка «юнкерсов». Пять из них бросились на транспорт за кормой, один зловеще кружил над горящим «Казахстаном», а трое ринулись вдогонку за «Ленинградсоветом».

08:06

С мостика «Тобола» капитан Борис Виноградов видел, как языки пламени взметнулись над корпусом впередиидущего «Казахстана», и все судно заволокло черными клубами дыма и белыми облаками пара. Через это бело-черное облако прорывалось пламя, бушующее на спардеке. Пожар стремительно разрастался.

— Право — пять, — скомандовал Виноградов рулевому. — Подойдем к «Казахстану». Поможем с пожаром.

Дрейфующий «Казахстан» сносило к югу. Судно оставляло за собой длинный шлейф дыма и пара, который стелился по воде. Виноградов пытался вызвать Калитаева по межкорабельной связи, но «Казахстан» не отвечал.

Второй помощник капитана Вячеслав Иванов, стоявший на левом крыле мостика, наблюдая за маневрами немецких самолетов, крикнул:

— Летят на нас, капитан!

Пятерка «юнкерсов» в пологом пикировании, держась один за другим, неслась прямо на «Тобол» с носового курсового угла.

Загрохотали обе зенитных пушки и четыре пулемета, которыми был вооружен «Тобол». Но их редкий огонь не мог остановить несущиеся в атаку бомбардировщики.

Казалось, что они прошли над «Тоболом» прямо на высоте мачт.

Капитан Виноградов успел услышать треск и скрежет ломающихся конструкций парохода. Огромный сноп огня и дыма вырвался из района дымовой трубы. Вверх полетели обломки и части человеческих тел. Толпа обезумевших людей на палубе ринулась к борту и посыпалась в воду. Новый взрыв сбил Виноградова с ног. Он в горячке не почувствовал, что получил осколок авиабомбы в спину и даже попытался вскочить на ноги. «Тобол» быстро валился на левый борт, уходя носом в воду. Из разбитых паропроводов с шумом вырывался пар. Из нижних помещений и трюмов муравьями полезли люди.

Виноградову показалось, что ему удалось подняться на ноги, когда ходовой мостик «Тобола» уже ушел в воду, и страшной силы волна, обрушившись на капитана, смыла его за борт. Он не успел отдать ни одного распоряжения после попадания бомб.

Виноградов истекал кровью, но оставался в сознании. Он увидел какой-то искореженный деревянный обломок, подпрыгивающий на волнах поблизости, и, преодолевая сильную боль в спине, поплыл к нему.

Он видел, как «Тобол», перевернувшись вверх килем, ушел в воду, задирая корму с медленно вращающимся винтом. Сотни голов прыгали на волнах, издавая страшные крики и призывы о помощи.

08:12

С мостика «Ленинградсовета» старший лейтенант Амелько видел в бинокль, как в ослепительной вспышке

от взрывов нескольких бомб исчез транспорт «Тобол», закрывшись клубами дыма и пара. Когда дым немного рассеялся, «Тобола» на поверхности воды уже не было.

Справа за кормой оставался горящий «Казахстан», а на сам «Ленинградсовет» с воем падали в крутом пике сразу три «юнкерса», как будто древнее учебное судно было по меньшей мере линкором.

Запрокинув голову, Амелько следил за моментом отрыва бомб от пикировщиков, давая быстрые команды на руль.

Три бомбы упали метрах в тридцати по левому борту. «Ленинградсовет» рвануло ударной волной, старый корпус заскрежетал, выплевывая заклепки. В нескольких местах разошлись швы, но их быстро зацементировали. Набирая высоту, «юнкерсы» построились клином и взяли курс на запад.

Когда наступила тишина, Амелько приказал двум своим «казмкам» немедленно идти к месту гибели «Тобола» спасти людей. А один из «ижорцев» направил к «Казахстану». Он стал командиром конвоя и в нем уже чувствовались задатки будущего адмирала, думающего не только о своем корабле, но и о всем соединении.

Амелько с чувством пожал руку своему рулевому Базину, умевшему по одному движению командирских губ понять суть отдаваемой на руль команды, когда дорога каждая доля секунды.

Хорошее настроение командира «Ленинградсовета», которое всегда бывает при отбитии смертельной атаки, было несколько омрачено докладом комендоров о том, что на корабле кончается боезапас. Осталось сто двадцать снарядов. Амелько вздохнул: «Надо экономить снаряды». Больше ему сказать было нечего.

«Ленинградсовет» медленно продолжал двигаться на восток.

Старший лейтенант Амелько снова взглянул на горящий «Казахстан», к борту которого подходил один из его тральщиков.

08:20

Второй штурман «Казахстана» Леонид Загорулько пытался пробиться в собственную каюту, но не смог. Внутри надстройки, где находилась каюта капитана и каюты комсостава, всё было охвачено пламенем.

Еще две бомбы угодили в транспорт во время второго налета.

Одна бомба упала у спардека левого борта, взорвалась в воде, выкосив осколками расчет одного из зенитных орудий. Вторая бомба снова угодила в надстройку, уничтожив все, что осталось от штурманской рубки и офицерских кают, которые были отданы в распоряжение раненых и медперсонала.

Новый налет сорвал все планы организации работ по тушению пожара. Загорулько удалось развернуть шланги, но воды в них не было. Он увидел старшего механика Фурса и крикнул ему:

— Почему не даете воду на палубу? Шланги готовы!

Фурс ответил, что дать воду на палубу он не может, потому что в машине пожар и попасть туда невозможно. Загорулько попытался спуститься в машинное отделение, но дойдя до середины трапа, вынужден был вернуться: из люка валили клубы дыма и вырывались удушливые газы.

Выйдя снова на палубу, второй помощник услышал отчаянные крики:

— Самолеты! Самолеты!

Народ в ужасе продолжал метаться по палубе, повалил из трюмов. Загорулько был сбит с ног и чуть не растоптан обезумевшими людьми. Он не слышал взрывов новых бомб, но с трудом поднявшись на ноги, увидел, что надстройка «Казахстана» пылает, как деревянная изба. Не очень соображая, что делает, он бросился в свою каюту, чтобы забрать кое-какие вещи и документы. Общая паника и крики «Погибаем! Прыгай за борт!» заразили и его.

Бушующий в надстройке пожар не дал второму штурману возможности попасть в помещение офицерских кают и, когда Загорулько вернулся на палубу, он услышал чей-то крик:

— Буксир подходит с правого борта!

Это был один из тральщиков типа «ижорец», посланный старшим лейтенантом Амелько на помощь «Казахстану». Но никто не разбирался в подобных тонкостях.

В каком-то оцепенении Загорулько смотрел на приближение тральщика. Он видел, как молодой генерал в кожаном реглане, перегнувшись через фальшборт, командовал:

— Подойдите с левого борта! Дайте ваши шланги! Нам нечем тушить пожар!

С тральщика что-то отвечали, но что именно — Загорулько не слышал.

Зато он видел, что на спардеке, напротив того места, где подошел буксир, появился генерал-майор Зашихин и еще несколько военных с явным намерением на него перебраться. Там же Загорулько увидел старпома Александра, помполита Желтова и военного коменданта «Казахстана» старшего лейтенанта Шумакова.

Выйдя из оцепенения, Загорулько поспешил на спардек. Когда он пробился к этому месту, генерал Зашихин, командующий ПВО флота, полковник Потемин, командир находящегося на борту «Казахстана» зенитного полка, военный комендант транспорта старший лейтенант Шумаков и еще несколько военных уже перебрались на тральщик. Охрана генерала Зашихина выстрелами в воздух отгоняла толпу солдат и штатских пассажиров от этого района палубы, готовясь последовать за своим начальством.

Какой-то армейский лейтенант, перегнувшись через леера, кричал Потемину:

— Товарищ полковник! Куда же вы?! Полк бросаете? Стыдно должно быть!

Полковник Потемин побагровел и, решительно взявшись

за свисающий конец, снова забрался на борт «Казахстана», резко заметив укоряющему его офицеру:

— Чего разорались?! Я генералу помог перебраться! Старпом Александров, увидев Загорулько, сказал:

— Давай на буксир перебираться. Судно все равно погибнет.

Помполит Желтов, испуганно оглядываясь по сторонам, молчал. Но весь его вид говорил, что он полностью согласен с мнением старпома. Когда первая бомба попала в мостик, помполит спал на диване в каюте позади штурманской рубки. Разбуженный взрывом, он сам не помнил, как выбрался из горячей рубки, и с тех пор все его мысли были направлены только на то, чтобы куда-нибудь вырваться из того ада, в который превратился военный транспорт № 523 «Казахстан». Как бы подзадоривая его, какой-то высокий полковник из штаба генерала Зашихина, перебираясь на тральщик, посоветовал:

— Уходите, а то все здесь погибнете.

Загорулько молчал.

— Не паникуйте! — закричал в мегафон командир тральщика. — Я сейчас попробую вас буксировать. Пошлите людей на бак. Пусть подадут конец.

Тральщик стал медленно отходить от борта.

Загорулько хотел отправиться на бак, чтобы руководить подачей буксира, но тут чей-то пронзительный голос на высокой истерической ноте завопил:

— Воздух!

Загорулько взглянул в небо. Три «юнкерса», выскочив из-под задымленного солнца, неслись на горящий транспорт.

В тот же момент старпом Александров и помполит Желтов бросились за борт. А за ними посыпались чередою все стоявшие у борта.

Загорулько еще успел увидеть, как с тральщика бросили конец, вытаскивая к себе на борт Александрова и Желтова, и как огромный столб воды встал между тральщиком и «Казахстаном».

Столб воды обрушился на палубу транспорта, сбив Загорулько с ног. Падая, он видел, как тральщик, меняя курсы, быстро уходит прочь от «Казахстана».

Лежа на палубе, закрыв голову руками и слыша вынимающий душу вой пикировщиков и визг падающих бомб, Загорулько вдруг осознал, что поскольку «убыли» капитан Калитаев и старший штурман Александров, он автоматически вступил в командование «Казахстаном». Это было первое судно, попавшее под его командование. Конечно, ему хотелось, чтобы такое событие произошло при других обстоятельствах.

08:30

С мостика лидера «Минск» адмирал Пантелеев следил в бинокль за тремя черными точками, появившимися в небе за кормой. Никаких сомнений не было. Это могли быть только бомбардировщики противника.

Занимался чудный день. Солнце заливало тихое, слегка рябившееся море. Дул прохладный ветерок, но было тепло. Адмирал и капитан 2-го ранга Петунин стояли на мостике в одних кителях.

Вскоре стало ясно, что самолетов не три, а пять. Все — «Юнкерсы-87». «Минск» и идущий впереди «Ленинград» открыли заградительный огонь из всех орудий. Рыскавшие вокруг катера МО добавили в завесу огонь из своих зенитных средств.

Сплошная стена заградительного огня встала перед немецкими пикировщиками, которые уже были прямо над головой и зловеще кружились, выбирая цели.

Трое из них ринулись на «Ленинград», двое — на «Минск».

Следя за падением авиабомб, капитан 2-го ранга Петунин давал команды рулевому: «Лево руля!» и через секунду: «Право на борт!»

Поврежденный лидер, принявший много воды, плохо слушался руля и маневрировал не так четко, как хотелось бы.

Одна из бомб рванула в 10—15 метрах от борта, засыпав корабль осколками и заставив пригнуться самого адмирала Пантелеева, принципиально не одевавшего каску.

Хуже было то, что силой взрыва выбило заглушки из пробоин правого борта, и в корпус лидера снова стала поступать вода, что было уже совсем некстати. Группа борьбы за живучесть снова ринулась вниз на борьбу с водой.

А бомбы продолжали сыпаться, правда, все мимо. Заградительный огонь не давал немецким пилотам правильно выйти в точку сброса бомб.

— Два справа, мимо! — докладывали сигнальщики. — Слева одна, мимо!

Адмирал Пантелеев наблюдал, как столбы воды встали с левого борта «Ленинграда». Лидер резко уходил вправо, почти ложась на обратный курс, ведя при этом яростный огонь из всех орудий.

— Товарищ адмирал, смотрите! — крикнул командир «Минска», показывая биноклем вверх.

Адмирал вскинул бинокль в небо.

Один из пикировщиков, надсадно гудя мотором, тяжело набирал высоту, выходя из пикирования. За ним волочился шлейф черного дыма, пламя лизало фюзеляж. Так и не набрав высоты, бомбардировщик вдруг перевернулся «лапами» вверх и рухнул в море, подняв огромный столб воды, огня и обломков.

Никто не кричал «ура». Может быть кто и кричал, но за грохотом стрельбы адмирал ничего не слышал. Он даже не знал точно, чьим огнем сбит самолет — их или «Ленинграда»?

После прошедшей страшной ночи потеря противником одного бомбардировщика уже радовала далеко не так, как совсем недавно во время бесконечных дуэлей с самолетами на Таллинском рейде.

Самолеты ушли.

Снова построившись в кильватерную колонну за

тральщиком «Гак», «Ленинград» и «Минск» продолжали движение на восток, увеличив скорость до двенадцати узлов.

Мины перестали попадаться, и адмирал Пантелеев чувствовал, что они давно форсировали и оставили за кормой минные заграждения. Его подмывало отдать приказ убрать параваны, увеличить скорость узлов до двадцати и быстро проскочить в Кронштадт, пока какая-нибудь роковая авиабомба не прервет или навсегда закончит их поход. Но осторожность брала верх и Пантелеев решил подождать по меньшей мере до прохода острова Гогланд.

08:40

Капитан плавмастерской «Серп и Молот» Андрей Тихонов приказа встать ночью на якорь просто не принял, а потому продолжал всю ночь двигаться на восток со скоростью восемь узлов, потеряв в темноте суда, оставшиеся от 1-го конвоя. На удивление, ночь прошла без всяких приключений. Справа и слева слышались взрывы. Горизонт озарялся багровыми вспышками, но огромная плавмастерская продолжала уверенно идти вперед. Сигнальщики и дополнительные наблюдатели видели несколько плавающих мин, прошедших в опасной близости от бортов, но удача сопутствовала им — все обошлось. Затем мины вообще перестали попадаться. Около полуночи они уже форсировали минное поле, хотя и не знали этого.

На рассвете на мостик поднялся второй механик Борис Криневич, усталый и осунувшийся.

— В носовых трюмах вода, — доложил он капитану. — Все обследовали, пробойн нет...

— Где-то разошлись швы, — предположил капитан. — До Гогланда дотянем?

— Дотянем, конечно, — ответил Криневич. — Я послал целую команду во главе с Никитиным обследовать трюмы. Найдут, где течет.

По расчетам, вскоре на горизонте должен был уже открыться Гогланд, где можно было надеяться снова получить какое-нибудь прикрытие.

— «Юнкерсы»! — услышал капитан Тихонов крик своего старпома Абросимова.

Четыре бомбардировщика приближались к плавмастерской со стороны правого борта.

Тихонов включил сирену.

Спавшие вповалку на палубе солдаты и пассажиры стали подниматься, испуганно оглядываясь и поглядывая в небо.

Загрохотали зенитки и пулеметы «Серпа и молота». Огромное судно стало медленно разворачиваться влево.

Визг и свист, и огромный столб воды взметнулся у правой носовой скулы. Впередсмотрящий Николай Головченко взрывной волной был сброшен с полубака и сломал ногу. С помощью фельдшера его отправили в лазарет, а впередсмотрящим был поставлен машинист Павел Орлов. Бомбы упали по бортам, сильно потряхнув старое судно.

Самолеты ушли, а вскоре впереди по курсу показался черный, по форме похожий на спину гигантского верблюда, остров Гогланд. В такую хорошую погоду как сегодня, остров открывался на горизонте на расстоянии тридцати миль.

Это означало еще минимум три часа полного хода. Механики и машинисты, обследовавшие судно, сообщили на мостик, что после атаки бомбардировщиков от близких разрывов авиабомб швы разошлись по всему днищу судна. Вода затопляет трюмы, особенно носовой. Насосы не успевают откачивать поступающую воду.

Нос плавмастерской заметно погружался в воду, но «Сerp и молот» продолжал идти полным ходом, надеясь добраться до Гогланда и там выброситься на отмель. Теперь все зависело от скорости судна.

На помощь кочегарам были посланы свободные от вахты машинисты. В кочегарке то и дело слышался лязг

шуровок. Кочегары прилагали все силы, чтобы удержать пар на мерке.

Видя, как заметно увеличивается дифферент плавмастерской на нос, заволновались пассажиры. Кто-то завопил: «Тонем!» и этого было достаточно, чтобы началась паника. Огромная толпа народа собралась именно на полубаке, еще более увеличивая нагрузку на погружающийся нос.

Старшему помощнику Георгию Абросимову пришлось приложить немало усилий, чтобы перегнать паникующую толпу с носа на корму. Несколько человек в страхе выкинулись за борт. Об остановке судна для их спасения уже не могло быть и речи. Им вслед выбросили несколько брусков дерева и спасательный круг, продолжая идти полным ходом.

Дифферент продолжал увеличиваться, а до Гогланда еще было очень далеко.

08:55

Капитан Александр Демидов облегченно вздохнул. С мостика находящегося под его командованием санитарного транспорта «Балхаш» была видна открывшаяся на горизонте береговая черта — остров Гогланд.

«Балхаш», входивший в состав 3-го конвоя, также продолжал движение всю ночь, потеряв в темноте связь с остальными судами каравана.

Транспорт был переполнен. Кроме 600 раненых и медперсонала военно-морского госпиталя в Палдиски, на нем эвакуировался 52-й инженерно-строительный батальон.

Ночь прошла без всяких происшествий.

Многочисленный медперсонал во главе с начальником медицинской службы береговой обороны Заборским и его женой, молодым хирургом Галиной Польской, занимались ранеными. Все тяжелораненые находились в одном помещении, где в течение ночи их оперировали. Военные строители вперемежку с легкоранеными спали на палубе.

С рассвета «Балхаш» шел один. Далеко за кормой виднелись дымки каких-то судов, впереди до самого горизонта рябились на солнце штилевые воды Финского залива.

В 08:00 стоявший на вахте 3-й штурман Велихов был заменен вторым штурманом Клименовым, переведенным накануне с «Луги».

На мостике слышали вдали глухие взрывы, но над ними небо было чистым — ни одного самолета.

Капитан Демидов взглянул на часы. Если все пойдет также хорошо, часам к 14-ти подойдем к Гогланду. А там уже рукой подать до Кронштадта.

— Мина с правого борта! — внезапно закричал сигнальщик.

Метрах в пятнадцати от судна, искрясь на солнце мокрыми черными боками, проплывал рогатый шар.

— Лево — пять, — скомандовал Демидов, желая увеличить расстояние между транспортом и неожиданной гостьей.

Врач Заборский, только что закончивший обход раненых, поднялся в этот момент на верхнюю палубу глотнуть свежего воздуха. В отсеках, где лежали раненые, дышать было тяжело. Пахло гнилью плохо обработанных ран, свернувшейся кровью, человеческими испарениями и испражнениями.

Переступая через спавших солдат, Заборский подошел к фальшборту, где встретил штурмана Велихова, сменившегося с вахты на мостике.

— Посмотрите, что плывет! — крикнул Велихов, показывая рукой за борт.

Заборский увидел в нескольких метрах от борта рогатую мину. Она была, однако, достаточно далеко, чтобы особенно волноваться.

Неожиданно страшный взрыв встряхнул судно. В носовой части поднялся огромный столб воды. Почти мгновенно за первым взрывом грохнул второй и третий.

«Балхаш» наскочил на минную банку из четырех

мин, которые обычно выставлялись немецкими бомбардировщиками. Видимо, одну из мин этой банки сорвало с якоря, и она проплыла мимо правого борта транспорта.

Вся носовая часть судна оказалась разрушенной, вплоть до надстройки, и отломилась и затонула прежде, чем осели водяные столбы минных взрывов. В образовавшемся водовороте закружились сотни человеческих тел.

Кормовая часть «Балхаша» также стала быстро тонуть, задирая корму и валясь на левый борт. Находящиеся в кормовой части судна люди посыпались за борт.

Капитан Демидов, увидев, что вода заливает уже настил мостика и он уже ничего не может сделать для спасения транспорта, по его словам, «шагнул в воду прямо с мостика» и стал отплывать в сторону, чтобы не быть затянутым водоворотом.

Врача Заборского взрывной волной выбросило за борт. Вынырнув на поверхность, он увидел, как «Балхаш», подняв корму, стремительно уходит в воду. С кормы прыгали люди. Корма поднималась все выше, обнажая винт, и в считанные минуты транспорт затонул.

Заборскому в воде посчастливилось поймать спасательный круг. Придя в себя, он осмотрелся — нет ли среди плавающих вокруг людей его жены Галины, оставшейся с ранеными, когда он поднялся подышать воздухом на верхнюю палубу.

Галины не было, но невдалеке от себя врач увидел несколько тонущих, из последних сил пытающихся удержаться на поверхности. Было видно, что они уже выбились из сил. Заборский подплыл к ним со своим кругом, и двое успели вцепиться в него...

Чудом спасшийся раненый позднее рассказал Заборскому как погибла Галина Польская. Сбитая с ног взрывом, она вскочила и метнулась было к выходу из отсека. Но услышав крики раненых, увидев их затуманенные предсмертной тоской глаза, молодая женщина осталась с ними. Может быть, они надеялись, что потрясший судно взрыв не смертелен.

09:10

С мостика эскадренного миноносца «Сметливый» капитан 3-го ранга Нарыков видел, как три пикировщика с разных сторон падают почти вертикально на крейсер «Киров», пробившись через сплошную стену зенитно-заградительного огня. Крейсер почти скрылся в белых гейзерах воды, поднявшихся с обоих бортов.

Столбы еще не успели осесть, как два пикировщика навалились на «Сметливый», выходя в атаку с разных курсовых углов и рискуя при этом столкнуться при выходе из пикирования. В сегодняшних атаках немцы применили новые бомбы вдобавок к обычным фугасным. Бомбы эти были начинены кусками металла, мотками ржавой проволоки и рублеными гвоздями. С огромной силой все это разлеталось в воздухе, поражая людей, выводя из строя технику и приборы. Первая бомба рванула метрах в десяти от левого борта. Крупный осколок, пробив переборку, влетел на камбуз «Сметливого» и угодил в стоявший на плите бачок с растопленным маслом. Факелом вспыхнула горячая плита. Раскаленное масло, вырвавшись из бачка, выплеснулось на старшего кока главстаршину Третьяка и двух рабочих по камбузу.

С огромным трудом удалось погасить вспыхнувший пожар. Кока и рабочих по камбузу, получивших тяжелые ожоги, на носилках отправили в лазарет. Обрушившимся на палубу столбом воды от взрыва другой бомбы санитаров сбilo с ног и понесло по палубе. Носилки с обожженным матросом смыло за борт. Спасти его не было никакой возможности.

Кончался зенитный боезапас. Шрапнелью по самолетам палили стотридцатки главного калибра. Легчики 10-й авиабригады, находящиеся на борту эсминца, облепили надстройки и били по самолетам из винтовок.

Сановные пассажиры из НКВД Эстонии и прокуроры военного трибунала, молчаливые и сосредоточенные, сидели в кают-компанин.

Еще один самолет, воя мотором, на бреющем полете шел на эсминец с носа. Носовые стотридцатки встретили его шрапнельным залпом.

Летчик кинул машину влево. Это сбilo прицел, и бомба, которая наверняка попала бы в корабль, рванула в пяти метрах от левого борта. Корабль подбросило и повалило на правый борт. Старшину 2-й статьи Назарова и сигнальщика Клопова, находившихся на прожекторной площадке позади дымовой трубы, взрывной волной сбросило на палубу.

Клопов успел схватиться за прожектор, но тот был сорван с креплений. В обнимку с прожектором Клопов рухнул на палубу. Прожектор разлетелся на куски, а Клопов, к своему большому удивлению, отделался ушибами. Старшину Назарова нашли на палубе без сознания.

Налет кончился.

Нарыков взглянул на идущий с его правого борта крейсер «Киров». На крейсере не было заметно никаких повреждений.

А далеко на восточном горизонте все выше и выше вырастали из воды лохматые берега острова Гогланд.

09:25

«Гордый» и «Свирепый», скованные одной цепью, медленно ковыляли на восток. На мостике «Гордого» капитан 3-го ранга Ефет с тревогой поглядывал на небо. Около получаса назад над ними кружила рама, а это означало, что вскоре появятся и пикировщики.

— Хотя бы тучи закрыли небо, что ли, — вздохнув, сказал Ефет стоявшему рядом с ним лейтенанту Яценко. — А то ведь ни облачка, ни ветерка. Сейчас жди пикировщиков.

— Четыре самолета противника с левого борта! — закричал сигнальщик. И тут же загрохотали орудия и пулеметы обоих эсминцев.

— Пять самолетов заходят на «Свирепый» с правого борта!

Пикировщики заходили с разных курсовых углов, выскакивали из-за солнца, неслись на бреющем полете. Но пробиться через хорошо организованный огонь зенитных средств двух эсминцев было очень трудно. Орудия «Гордого» вели такой интенсивный огонь, что на стволах обгорела краска. Для их охлаждения комендоры «Гордого» придумали нехитрое приспособление: мочили ватники и одеяла в забортной воде и обвязывали ими стволы. У комендоров были избиты и обожжены руки, из носа и ушей шла кровь, слезились глаза, но орудия не прекращали огня.

Особенно доставалось расчету второго орудия. После подрыва эсминца на mine оно было фактически выведено из строя. Барбет лопнул, погнулись валы поворотных механизмов. Лейтенант Яценко и главстаршина Шульга наскоро подремонтировали орудие, но его остойчивость была сильно нарушена. При стрельбе орудие опасно прыгало. При этом прицелом било по лицу наводчика, у которого из носа и разбитых губ шла кровь.

Самолеты налетали снова и снова. Штатные подносчики боезапаса не успевали обеспечивать орудия снарядами. На их доставку из погребов и уборку стреляных гильз были брошены машинисты и кочегары.

Столбы воды от близко упавших бомб обрушивались на палубу, осколки дырявили палубные надстройки. При выходе «юнкерсов» из пикирования хвостовые стрелки поливали корабль крупнокалиберными очередями.

Пулеметчика Николая Басова ранило осколками в обе руки. Его напарник, старшина 2-й статьи Черный, остался один на два пулемета. В зависимости от направления приближающихся бомбардировщиков он кидался от борта к борту, встречая их крупнокалиберными очередями. Наконец сраженный осколком Черный, обливаясь кровью, упал на настил. Тогда к пулемету встал старпом эсминца капитан-лейтенант Красницкий, затем командир БЧ-2 старший лейтенант Дутиков, потом лейтенанты Гайдуков и Ползунов. Пулемет не умолкал.

Боцман Грязев со своей командой на площадке поста энергетики смастерил из аварийных брусьев что-то вроде турели, на которой укрепил пулемет «Шкас», принесенный на эсминец одним из авиационных сержантов. Сержант сам встал у пулемета и мастерски вел огонь по «юнкерсам». Одним из обрушившихся столбов воды сержанта сбило с ног и бросило на палубу. С переломанными ногами он был отправлен в лазарет.

С верхнего яруса надстройки матросы Басов и Меркушин били по самолетам из винтовок, норовя попасть в летчика.

Наконец самолеты улетели и люди смогли перевести дух, смочить потрескавшиеся губы, выжать мокрые носки от пота робы, перевязать раны и ссадины.

На «Гордом» зияли пробоины в палубах, бортах и надстройках. Переборки верхних кают были буквально изрешечены.

Но прямых попаданий не было.

На корме «Свирепого» появился командир дивизиона капитан 2-го ранга Маслов, как всегда огромный, спокойный и неторопливый. Подняв громадный мегафон, он хрипловатым голосом прокричал на «Гордый»:

— Женя, ну как там дела?

— Нормально, — отвечал Ефет. — Держимся.

— Держитесь! — приказал Маслов.

Слегка остыв от боя, капитан 3-го ранга Ефет внезапно обнаружил, что на траверзе правого борта «Свирепого» шел, неизвестно откуда взявшийся, сторожевик «Аметист». С его мостика капитан-лейтенант Александр Сукач помахал Ефету фуражкой. Ефет поднял руку в приветствии.

Сразу стало как-то веселее. Так всегда бывает, когда в ходе боя прибывают подкрепления.

09:40

Капитан Александр Смирнов уверенно держал теплоход «Иван Папанин» в кильватер «Второй пятилетке».

За кормой «Ивана Папанина» дымила «Скрунда». За ней «Лейк Люцерн», называемый в простонародье просто «Люцерной».

Импровизированный караван, самый крупный, существовавший утром 29 августа и составленный из еще не потерявшихся судов 2-го и 3-го конвоев, сопровождали обе канонерки «Москва» и «Амгунь», на борту которых находились командиры этих конвоев капитаны 2-го ранга Антонов и Янсон. Замыкал колонну сторожевик «Азимут», а вели восемь катерных тральщиков.

Все суда ночью дисциплинированно простояли на якоре и, по получении приказа командующего флотом возобновить движение, снялись с якорей вслед за своими сторожевыми канонерками.

Первые самолеты противника появились над караваном около половины десятого. Четверо из них атаковали «Иван Папанин», но все бомбы упали мимо, взорвавшись в море.

Бомбардировщики ушли, но из-под солнца вскоре выскочила целая стая «мессершмиттов», которые, пройдя на бреющем полете над «Иваном Папаниным», ударили из пушек и пулеметов по командному мостику и палубе, сбросив несколько небольших бомб, две из которых попали в судно.

Находящиеся на мостике — капитан Смирнов, старший штурман Масловский, второй штурман Аграновский и третий штурман Марченко — были ранены. На палубе было убито двадцать два бойца и ранено более шестидесяти человек.

От взрывов бомб в первом трюме и в районе второго люка вспыхнул пожар. Загорелись находящиеся в трюмах автомашины. Оказалась поврежденной пожарная магистраль левого борта.

Раненые помощники капитана пытались организовать борьбу с огнем, используя песок и огнетушители, а также кормовую пожарную магистраль.

Сам капитан Смирнов, отпустив на перевязку стар-

шего штурмана Масловского, истекал кровью на ходовом мостике. Когда тяжело раненный Масловский вернулся в рулевую трубку, старый капитан грузно опустился на настил, прислонясь спиной к переборке.

Пожар в носовом трюме разгорался, несмотря на все усилия экипажа и солдат-пассажиров.

Объятый пламенем теплоход вышел из строя. С его мостика было видно, как самолеты противника атакуют «Вторую пятилетку» и «Скрунду», кружатся над «Люцерной». Горящий «Иван Папанин» продолжал двигаться на восток.

Вскоре на мостик доложили, что вышло из строя рулевое электроуправление. Пришлось перейти на ручной привод.

В этот момент «юнкерс», пытавшийся атаковать канонерские лодки, но отогнанный огнем, атаковал горящий «Папанин», поразив судно еще двумя бомбами. Вспыхнул пожар в кормовом трюме, вышел из строя руль, пришлось остановить машину.

На мостике капитан Смирнов и старший помощник Масловский были вторично ранены осколками и упали на настил мостика, теряя сознание. Капитан успел отдать последний приказ: «Остановить главный двигатель!»

Объятый пламенем, изувеченный бомбами, изрешеченный осколками теплоход, лишенный хода и управления, сносило к югу.

Находящиеся на палубе пассажиры, а их было более трех тысяч, начали прыгать за борт. Обстановка усугублялась еще и тем, что вышли из строя все штурманы. Капитана Смирнова и старшего помощника Масловского в бессознательном состоянии матросы унесли с мостика.

Второй штурман Аграновский и третий штурман Марченко были убиты взрывами авиабомб при тушении пожара.

Больше на «Папанине» судоводителей не было. На мостике остался только рулевой — старший матрос

Хильков, который, несмотря на серьезное ранение, продолжал нести вахту и организовал работы по ремонту рулевого управления.

Командование теплоходом принял единственный оставшийся в строю представитель комсостава — помощник капитана по политической части Новиков, который моряком не был и в судовождении не смыслил ничего. Но он оказался хорошим организатором работ и совместно со старшим механиком Аркадьевым и боцманом Григорьевым мобилизовал людей на ремонт машины и исправление рулевого привода.

Старший матрос Хильков, преодолевая боль, снова развернул теплоход на восток.

А в трюмах продолжалась борьба с пожарами. Горели машины и бензоцистерны, пламя вырывалось из трюмов на палубу, охватывая стоявшие там ящики с боеприпасами. Моряки и сотни бойцов-пассажиры металась в огне, пытаясь локализовать пожары. Но пожар разрастался, бушующее пламя вырывалось уже из всех трех трюмов. А теплоход продолжал идти в восточном направлении. Он остался один, и все надеялись, что немцы, увидев бушующий на судне пожар, оставят его в покое и не будут больше бомбить. Это была наивная надежда. Хищник звереет пуще всего, когда видит и чувствует кровь.

09:50

Николай Лукин — капитан теплохода «Вторая пятилетка» — вел судно через лес водяных столбов от падающих вокруг авиабомб.

Бомбы ложились по обоим бортам, вздымая многотонные пенные столбы, обрушивая на палубу потоки воды. Двери срывало с петель, сыпались стекла иллюминаторов, палубные грузы постоянно приходилось крепить заново.

«Вторая пятилетка» содрогалась от близких взрывов. Стоял невероятный грохот. По самолетам били с верхних ярусов надстройки четыре зенитных орудия и спа-

ренные пулеметы, которыми был вооружен теплоход. С верхней палубы эвакуируемые солдаты встречали пикировщиков винтовочными залпами.

Просто чудо, что до сих пор удавалось избегать прямых попаданий. С мостика Лукин видел, как горит «Иван Папанин», дрейфующий в южном направлении, как в клубах дыма скрылась «Скрудна».

Однако обстановка не позволяла не только оказать помощь товарищам, но даже и достаточно долго наблюдать за ними.

Очередной самолет, появившийся из-под солнца, с ревом пронесся на высоте мачт «Второй пятилетки». Над люком второго трюма поднялся столб огня и дыма, сопровождаемый страшным грохотом и треском. Через пробитый корпус вода хлынула в трюм, затопив его буквально за полминуты. Сотни бойцов и командиров оказались в воде.

«Вторая пятилетка» сильно накренилась на левый борт и стала оседать носом.

Вода доходила до фальшборта, но экипаж во главе со старпомом Парфеновым продолжал бороться за жизнь теплохода.

Машины работали, и судно двигалось вперед — на восток. Телеграфная и телефонная связь машинного отделения с капитанским мостиком была прервана. Ее заменили живой связью.

Капитан Лукин старался не думать о погибших во втором трюме. Главной его задачей стало довести теплоход хотя бы до Гогланда, чтобы спасти огромное количество промышленного оборудования, военного снаряжения и целого парка автомашин, которые «Вторая Пятилетка» несла на своем борту.

Но как будто всего того, что уже произошло, было мало, потому что старший механик теплохода Чугунихин доложил на мостик, что он вынужден временно сбросить половину оборотов. Оказалось, что в результате сотрясения корпуса от прямого попадания авиабомбы

сдвинулся с места фундамент опорного подшипника. Подшипник начал перегреваться. Они попытаются устранить повреждение, но пока надо уменьшить скорость хода до 4—5 узлов.

Капитан Лукин сжал зубы. Опыт подсказывал ему, что «Вторая пятилетка» обречена.

Но надежда умирает последней, и капитан Лукин продолжал вести свое тонущее судно на восток.

10:00

Главстаршина Веретенников, солист Ансамбля песни и пляски КБФ, выловленный из воды после того, как его выбросило с «Виронии», и пересаженный ночью на «Скрунду», уже потерял счет воздушным атакам.

Как разъяренные осы немецкие бомбардировщики со всех сторон атаквали старый угольщик.

«Скрунда» была переполнена до отказа. Помимо раненых и эвакуируемых, принятых в Таллинне, она взяла на борт почти всех раненых и пассажиров с погибшей ночью «Луги». Две стареньких пушки и счетверенные «максимы» старались вовсю, чтобы отогнать наседавшие бомбардировщики, но огонь был малоэффективен. Некоторое время судно спасало блестящее маневрирование, с помощью которого капитан Остапенко уклонялся от падающих ливнем бомб. Пароход засыпался осколками, выкосившими многих находящихся на верхней палубе. Четыре раза уже был ранен и сам капитан Остапенко, но не покидал мостика.

Первый помощник капитана Дубровский пытался сосчитать количество сброшенных на «Скрунду» авиабомб. У него получилась очень внушительная цифра — 144. Но 145-я бомба оказалась роковой. Она угодила в корму, пробила палубу и взорвалась в машинном отделении. Судно лишилось хода и загорелось.

Примерно в пяти милях на юго-востоке виднелся крошечный островок Вандло.

Капитан приказал спускать спасательные шлюпки и

переносить на них тяжелораненых, а также женщин и детей.

В этот момент кто-то снова закричал «Воздух!», и главстаршина Веретенников, справедливо полагая, что при таком количестве раненых места в шлюпке ему так или иначе не достанется, решил спастись самостоятельно.

Молодой матрос, стоявший рядом с ним на накренившейся палубе, посмотрел на Веретенникова и несколько неуверенно спросил:

— Прыгнем? Один черт погибать.

— Прыгнем. Только разденемся, — ответил уже накопивший достаточный опыт Веретенников. — И подальше от борта!

Они оба бросились в воду прямо с борта и почти одновременно вынырнули на поверхность и стали отплывать от погибающего судна.

Вскоре им попалась какая-то толстенная доска, и они ухватились за нее. Потом на поверхности воды показалась целая флотилия плывущих ящиков. Матрос подплыл к одному из них и обнаружил в ящике пачки промокших бинтов. Он сразу же предложил Веретенникову связать бинтами несколько досок и таким образом соорудить плот.

Сначала это предложение вызвало у Веретенникова прилив раздражения: какой еще плот из бинтов? Но вскоре он понял, что в этом есть резон. Вокруг плавало много досок. Вместе с матросом, кувыркаясь в воде, они собирали доски и связывали их между собой бинтами, которых имелось в избытке. Видимо, ящики приплыли с какого-нибудь потопленного санитарного транспорта.

— Делаем рукотворный остров, — шутил неунывающий матрос. — Сами привяжемся к нему бинтами, и плыви сколько хошь!

Второй раз оказавшийся в воде Веретенников оценил юмор своего попутчика, но хорошо понимал, что без пищи, а главное без воды, «сколько хошь» не поплывешь.

10:05

Лейтенант Екимов не помнил, как оказался в воде. Скорее всего прыгнул сам, бросив костыли, когда бомба взорвалась на корме «Скруды».

Его быстро потянуло на глубину, но офицеру удалось усилием рук остановить погружение, и он стал медленно подниматься на поверхность, сделав наконец долгожданный вдох свежего воздуха с горьким привкусом дыма.

Екимову казалось, что все это кошмарный сон.

Над головой была сплошная пелена дыма, а уже на солидном расстоянии виднелась осевшая на корму и накренившаяся на левый борт «Скрудна».

Под руку лейтенанту попала небольшая доска, и, ухватившись за нее, он немного перевел дух. Но отдохнуть, держась за доску, долго не удалось. Не прошло и минуты, как за эту доску уже держалось человек десять, и доска под их тяжестью стала тонуть.

Екимов отпустил доску и поплыл сам, а вскоре наткнулся на небольшое бревно. Держась за него, лейтенант некоторое время плыл в одиночестве, а затем увидел плотик, на котором находилось восемь человек. Екимова втянули на плотик, где он стал девятым.

На плоту оказались: интендант 3-го ранга, три военных моряка, одна женщина и еще трое гражданских мужчин, у одного из которых была ампутирована нога.

С плота была видна «Скрудна», над которой продолжали кружиться несколько самолетов противника. Судно ветром и течением относило в южном направлении. Время от времени немцы лениво бомбили обреченный транспорт, а в основном носились над морем на бреющем полете, обстреливая из пулеметов плавающих в воде.

Один из самолетов пронесся над их плотом, полоснув очередью.

Все попадали в воду, а потом, помогая друг другу, снова вскарабкались на плот. Сооружение это было

очень неустойчивым: стоило кому-нибудь по неосторожности встать на край плота, он сразу же давал большой крен, и все падали в воду; да и в нормальном положении через плот свободно перекатывались волны. Промокшие и продрогшие до костей люди жались друг к другу, чтобы хоть немного согреться.

Лейтенант Екимов видел, как недалеко от них дрейфовал крупный транспорт, на котором полыхали языки пламени бушующего пожара. До них доносились чьи-то голоса, отчаянно взывающие о помощи.

А плот, подпрыгивая на небольшой волне, плыл куда-то, гонимый ветром, течением и судьбой.

10:15

А доблестный доктор Коровин все еще оставался на дрейфующей «Скрунде». Только что он сделал перевязку капитану Остапенко, раненному в пятый раз. Капитан ослаб от потери крови и лежал на каких-то ватниках в разбитой осколками штурманской рубке. Там же лежал и второй штурман с перебитыми осколком ногами.

Доктор Коровин не помышлял об уходе с судна, пока не эвакуирует со «Скрунды» всех раненых. Ночью, благодаря его энергии и титаническим усилиям, удалось переправить на «Скрунду» почти всех раненых с погибающей «Луги». Нужно было что-то предпринять и сейчас, чтобы спасти людей.

Неожиданно «Скрунду» сильно дернуло куда-то в сторону, раздался треск и скрежет. В трюмах загрохотали какие-то тяжелые предметы. Раздались крики раненых.

Коровина сбило с ног. Он упал и покатился по наклонной палубе. За что-то схватившись руками, доктор поднялся и понял, что лишенную хода и управления «Скрунду» вынесло на мель.

В свежую погоду «Скрунду» наверняка быстро бы опрокинуло, но сейчас весь израненный старый грузовой пароход беспомощно приткнулся к песчаной отмели, превратившись в неподвижную мишень.

Это заметили и немецкие летчики.

Один из бомбардировщиков отделился от следовавшей на восток шестерки «юнкерсов» и, низко пройдя над «Скрундой», сбросил в стоявший на мели пароход две бомбы.

Бомбы взорвались с двух бортов, обрушив на «Скрунду» тонны воды и песка. Но от ударной волны пароход даже немного выпрямился, прочно уйдя в песок.

И снова обстоятельства сложились так, что единственным человеком, способным организовать людей во имя их спасения, способным возглавить команду и пассажиров, сплотив их в единый боевой коллектив, оказался доктор Коровин. И он не задумываясь взял на себя обязанности командира и капитана.

Самолеты противника ушли, но в любую минуту могли вернуться и снова начать бомбежки сидящего на мели транспорта.

Коровин решил при новом налете авиации имитировать на судне пожар, надеясь, что пилоты противника, увидев горящее судно, оставят его в покое.

На палубе в разных местах разбросали промасленную ветошь, и когда на горизонте снова появились самолеты, подожгли ее, прикрыв брезентовыми тентами находящихся на палубе раненых. Судно окуталось дымом. Бомбардировщики сделали круг над «Скрундой» и ушли дальше, не сбросив бомб. Хитрость удалась.

Не успели самолеты уйти, как судно стало крениться на правый борт. Вскоре крен достиг угрожающей величины. Достаточно было небольшой зыби, чтобы судно опрокинулось. К счастью, на заливе был полный штиль.

Однако нужно было что-то предпринимать для эвакуации раненых и пассажиров.

Спущенные еще по приказу капитана спасательные шлюпки, куда погрузили часть тяжелораненых и женщин с детьми, ушли и их не было видно. Капитан Остапенко приказал шлюпкам идти на остров Вандло, который просматривался примерно в четырех милях к юго-востоку, и

возвращаться обратно за новой партией раненых. Но шлюпки не возвращались.

Коровин был в отчаянии от сознания собственной беспомощности. Находясь на сидящем на мели посреди Финского залива избитом авиацией судне, он решительно ничего не мог сделать для эвакуации раненых, которыми в буквальном смысле слова был набит до отказа несчастный транспорт.

И как в чудесной сказке почувствовал себя доктор, когда со стороны правого, накренившегося борта к «Скрунде» подошел моторный катер довольно странного вида, таща за собой на буксире два здоровенных баркаса.

10:25

Никто, конечно, и не подумал сообщить старшине 2-й статьи Михаилу Гуцанинову, что армия и флот оставили Таллинн, начав морем прорыв к Кронштадту и Ленинграду.

Он сам в этом убедился, когда утром 28 августа позвонил, как того требовала инструкция, своему начальству в Кунду и в ответ услышал немецкую речь.

Старшина Гуцанинов являлся командиром поста СНИС на крошечном острове Вандло, который в некоторых лоциях именовался еще и островом Стеншер.

Остров находился чуть южнее главного фарватера Финского залива, используемого военно-морским флотом. Еще во времена независимой Эстонии на этом острове был маячный пост, обслуживаемый унтер-офицером эстонского флота и несколькими матросами. После аннексии Эстонии Советским Союзом эстонский персонал был заменен советским, во главе которого был поставлен старшина Гуцанинов.

В наследство от независимой Эстонии на острове остался моторный катер, на котором эстонские моряки держали связь с Кундой, а по выходным вместе с женами ездили в Хельсинки за покупками и к родственникам. Последнее обстоятельство вызывало у Гуцанинова почти

мистический ужас. Советский матрос не мог понять, как это можно, вот так просто, кататься на катере из одной страны в другую. А тем более в Финляндию, где правит фашистский режим Маннергейма, совсем недавно напавший на СССР.

От своего начальства Гущанинов с трудом выпросил два шестивесельных баркаса.

К началу войны на посту вместе с Гущаниновым служили еще двенадцать старшин и матросов, находящихся в его подчинении.

26 августа штаб района СНиС приказал Гущанинову снять с острова Мохни, на который высадились немцы, пост наблюдения и связи старшины Куликова. Дойти до Мохни тогда Гущанинов не успел. Команду Куликова он встретил в море. Связисты покинули остров на весельной шлюпке, и Гущанинов, взяв их на буксир, доставил к себе на Вандло, увеличив, таким образом, количество своих подчиненных до семнадцати человек.

А через сутки пришла радиограмма и самому Гущанинову: уничтожить коды и все секретные документы, разрушить рацию и маяк и приготовиться к эвакуации островка. За личным составом придет буксир. Коды и содержимое сейфов сложили в казенный брезентовый портфель, рацию подготовили к уничтожению, но уничтожать не спешили, памятуя мудрое армейское правило: не спеши выполнять приказ, ибо его отменят. Обещанного буксира, разумеется, никто не прислал.

Зато на глазах маленького островного гарнизона разыгралась практически вся трагедия Балтийского флота.

С маячной башни старшина Гущанинов видел, как в окружении эсминцев охранения прошел «Киров», бьющий главным калибром по далекой невидимой цели на материке. Старшина видел, как впереди «Кирова» дымил старик «Суур-Тылл», на котором ему пришлось плавать «господином красным сигнальщиком» еще во времена эстонской независимости.

А затем разыгралась и сама трагедия. С разных сто-

рон безоблачное августовское небо прочертили инверсионные следы вражеских бомбардировщиков. Гибли корабли, малые и большие, каботажные старички и знаменитые пароходы, обошедшие весь свет.

На глазах у Гущанинова прямым попаданием авиабомбы был разорван на куски маленький пароходик «Вандло» — тезка острова, изученный в свое время Гущаниновым от кия до клотика. Видел Гущанинов, как из последних сил шла на восток растерзанная бомбардировщиками «Вторая пятилетка», погружаясь носом; как тонул, высоко задрав корму, грузный «Балхаш». И по сей день видится Гущанинову задранная к небу корма тонущего транспорта и маленькие фигурки людей, падающие в море или ползущие вверх, к работающему винту, рассекающему человеческие тела на куски...

А когда он увидел горящую на мели «Скрунду» всего в нескольких милях от острова, старшина понял, что больше не может оставаться безучастным зрителем этой небывалой морской катастрофы.

И тогда Гущанинов приказал запускать двигатель на старом эстонском катере, который, кстати, также было предписано уничтожить вместе с секретными документами, взял на буксир оба шестивесельных баркаса и повел свою импровизированную флотилию к стоявшему на мели пароходу.

Еще по пути на катер и баркасы вытащили около десятка барахтающихся в воде людей. Встретили и несколько плотов, облепленных спасающимися. Но ими заниматься не стали.

К «Скрунде» подошли с правого борта, который возвышался над водой всего сантиметров на 20—30. На палубе горела подожженная ветошь и в страшных позах лежали убитые и раненые. Много трупов плавало и возле парохода.

Смертельно усталый, заросший щетиной человек, перемазанный кровью и грязью, в порванном кителе со значками различия военного врача, не мешкая ни минуты

организовал передачу раненых на катер и баркасы старшины 2-й статьи Михаила Гущанинова.

10:35

Капитан буксирного парохода «Меднис» Руткис долго рассматривал в бинокль горящую на отмели «Скрунду» и сказал своему помощнику Казаку:

— Они на мели. Мы пойдем к ним снимать людей.

Помощник ничего не ответил и даже не напомнил капитану, что буксир давно переполнен и перегружен сверх всякой меры.

У экипажа буксира был горячий день. «Меднис» шел за крупными транспортами, которые почти непрерывно атакывались авиацией противника. Грохотали взрывы, бушевало пламя. В кипящей от бомб воде оказались сотни людей, сброшенных с переполненных палуб транспортов взрывной волной.

Под свист авиабомб и свинцовым дождем крупнокалиберных очередей, обрушившихся с неба, «Меднис» кружил среди подбитых транспортов, подбирая из воды тонущих людей. С палубы буксира бросали спасательные круги и концы.

Немецкие летчики заметили буксир и не побрезговали истратить на него несколько бомб. От близких разрывов по курсу «Медниса» стеной поднялась вздыбленная вода, накрыв полностью судно.

Руткис, мастерски маневрируя, увертывался от прямых попаданий, и, когда стена воды от близких разрывов накрыла «Меднис», немецкие пилоты, видимо, решили, что с буксиром покончено, и больше не обращали на него внимания.

Было такое впечатление, что «Меднис» попал в самый центр тайфуна. Судно подбросило куда-то вверх, повалило на левый борт, а затем бросило вниз — в зеленую бездну.

Однако бомбовый «тайфун» быстро закончился, и «Меднис», сбросив с себя остатки воды и пены, снова

сказался на штилевой поверхности Финского залива. Подбитые и горящие транспорты разошлись кто куда, а прямо по курсу буксира оказалась горящая «Скрунда».

Капитан Руткис приказал Казаку проверить по судовой роли наличие команды — не смыло ли «тайфуном» кого-либо за борт.

К счастью, все оказались на месте. Что касается заполнивших палубу спасенных, то все ли они уцелели или нет, определить было невозможно.

Главное было в другом. Еще один корабль нуждался в их помощи. И Руткис направил буксир к сидящей на мели «Скрунде».

10:45

С мостика канонерской лодки «Амгунь» капитан-лейтенант Вальдман наблюдал, как два немецких пикировщика, идя на малой высоте, направляются к его кораблю.

Что-либо предпринять он был не в силах. «Амгунь» стояла без хода с заметным креном на правый борт, дрейфуя в направлении южного берега залива.

К тому же на канонерке кончился боезапас.

Расчеты зениток и комендоры орудий главного калибра, вооружившись винтовками и автоматами, вместе с бойцами-пехотинцами готовились встретить новую атаку бомбардировщиков огнем из ручного оружия.

С рассветом канонерка делала все, чтобы прикрыть транспорты от ударов с воздуха. Но скорость, маневренность, а главное — вооружение бывшей грунтоотвозной шаланды были явно недостаточными для выполнения подобных задач.

Когда Вальдман поставил лодку между немецкими пикировщиками и горящим «Папаниным», чтобы прикрыть терпящий бедствие транспорт, три немецких бомбардировщика накинулись на «Амгунь», засыпав ее бомбами.

Одна бомба угодила прямо в трюм канонерки, пробила его и взорвалась в воде. Будь «Амгунь» обычным

пароходом, ей бы наверняка пришел конец. Но для бывшей шаланды-грязнухи попадание в трюм было не столь опасно, поскольку он был открывающимся.

Больше бед принесла вторая бомба, рванувшая у правого борта. Ее осколки выкосили человек двадцать на палубе, ранили на мостике командира 3-го конвоя капитана 2-го ранга Янсона и, что было хуже всего, пробив борт, разбили трубу холодильника в машинном отделении.

Из разбитых труб в машину хлынула вода, которую никак поначалу не удавалось остановить. Создавалась угроза затопления машинного отделения.

Командир БЧ-5 старший лейтенант Чернявский, главный старшина Андрианов, котельные машинисты Тихомиров, Фатин и Орлов, раненные осколками, по колено в воде пытались остановить хлеставшую из разбитых труб воду.

Машину пришлось временно остановить.

«Амгунь» беспомощно покачивалась на воде, все более кренясь на правый борт.

И, конечно, именно в этот момент снова появились самолеты.

Командиры соток старшины Худницкий и Заорин, вместе с артиллерийским офицером «Амгуни» младшим лейтенантом Чуксиним, стояли у своих орудий с винтовками в руках. Снарядов не было.

Однако немецкие самолеты, встреченные дружными винтовочными залпами и автоматными очередями, не долетев метров двести до канонерки, стали внезапно набирать высоту. Все ожидали, что сейчас они спикируют на «Амгунь», но ничего подобного не произошло. Возможно, что с высоты пилоты противника увидели более заманчивую цель, чем стоявшая без хода вооруженная шаланда, возможно причина была другой, но оба самолета исчезли в северо-восточном направлении.

Капитан-лейтенант Вальдман понимал, что боевая деятельность канонерской лодки «Амгунь» закончилась.

Конвой, флагманом которого была канонерка, перестал существовать. Он был полностью разгромлен и рассеян авиацией противника.

Но даже если бы этого не произошло, в таком состоянии, в котором оказалась «Амгунь» — без боеприпасов и с поврежденной машиной, — она уже никого защитить не могла. Даже себя.

С левого борта к «Амгуни» медленно подходила ее родная сестра — канонерская лодка «Москва». На ней также кончился артиллерийский боезапас, а на баке, у шпилей, дымилась рваная пробоина.

2-й конвой, флагманом которого являлась «Москва», также был разгромлен и рассеян.

К счастью, машина была в полной исправности. Но кончался уголь. Капитан 2-го ранга Антонов предложил взять «Амгунь» на буксир. Вальдман хотел уж было согласиться, но поднявшийся на мостик старший лейтенант Чернявский — командир БЧ-5 — доложил, что разбитые осколками трубы удалось изолировать. Доступ воды в машинное отделение в основном прекращен, и сейчас будет пущена машина.

«Амгунь» уже достаточно снесло к югу, чтобы возвращаться на центральный фарватер. Посовещавшись, Антонов и Вальдман решили следовать дальше южным фарватером и надеяться на лучшее. А от бомбардировщиков отбиваться с помощью винтовок и наганов.

Две канонерки, отчаянно дымя, заковыляли по южному фарватеру: «Москва» — головной, «Амгунь» — сзади. Южный берег залива, чернеющий не более, чем в 3-х милях по правому борту, был тих и пустынен.

Непривычно пустынным было и голубое небо, на котором сверкало поднимающееся к зениту солнце.

10:55

Сквозь вой бомбардировщиков и визгливый свист бомб, военный корреспондент Михайловский услышал чей-то крик:

— Товарищ командир! Снаряды кончились!
Орудия смолкли, стрекотали одни пулеметы.

Три пикировщика с разных курсовых углов атаковали «Ленинградсовет». По обоим бортам вода кипела от взрывов, но попасть в старое учебное судно немецкие летчики так и не могли. Видимо, немцы натаскивали на «Ленинградсовете» курсантов летных школ как на тренажере, а те еще очень нервно реагировали на зенитный огонь.

Теперь же снаряды зенитной артиллерии подошли к концу, а у всех на палубе «Ленинградсовета» было уже достаточно опыта, чтобы понять, сколь неэффективны в борьбе с пикирующими бомбардировщиками пулеметы системы «Максим», даже счетверенные.

Самолеты ушли, так и не добившись прямых попаданий, но ни у кого не было никаких иллюзий, что они не вернуться.

На палубе воцарилась тишина — странная, непривычная и тревожная. Возможно, что зенитный огонь и не был особенно эффективным, но он как-то укреплял уверенность в благополучном исходе плавания.

Теперь же все почувствовали себя безоружными, понимая, что любой появившийся вражеский бомбардировщик сможет совершенно безнаказанно летать над самыми мачтами корабля, сбрасывая бомбы и поливая палубу пулеметным огнем.

Многие стали раздеваться, чтобы в случае необходимости быстро махнуть за борт. Одежду при этом они связывали в узелки, а сапоги держали в руках, напоминая людей спешащих в баню.

Михайловский видел, что на многих лицах читалось откровенное отчаяние.

И когда снова зазвенели голоса сигнальщиков: «Справа по борту пять самолетов противника!» — на палубе началась паника.

Криков было не слышно. Все потонуло в гуле моторов и грохоте взрывов.

Михайловский лежал на палубе, закрыв голову руками. Кто-то метался вокруг него, падал рядом. Некоторые бросались за борт.

Через минуту все снова стихло. Медленно поднимаясь на ноги, журналист понял, что корабль остался невредимым.

Но паника продолжалась, приняв весьма необычную форму. Целая толпа «советчиков» и «консультантов» прорвалась на мостик. Истерично крича и отчаянно жестикулируя руками, они пытались убедить старшего лейтенанта Амелько в том, что тот идет неправильным курсом и допускает ошибки при маневрировании, убеждая его уйти с центрального фарватера. Некоторые вообще предлагали Амелько сдать командование, уйти с мостика и передать управление кораблем одному из них.

— Всем пассажирам удалиться с ходового мостика! — надрывалась корабельная трансляция, но пришлось вызвать караул с винтовками, чтобы очистить мостик от посторонних. Толпа продолжала бушевать под мостиком, обвиняя Амелько в некомпетентности.

Михайловскому было странно слушать эти крики, порожденные всплеском того, что позднее будут называть «бомбовой истерией».

С его точки зрения, «Ленинградсовет» еще находился на плаву исключительно благодаря искусству своего командира — старшего лейтенанта Амелько. При любых бомбежках Амелько оставался совершенно невозмутимым, демонстрируя великолепную точность расчетов маневрирования своим древним и неповоротливым кораблем. В какие-то доли секунды «Ленинградсовет» менял курс, и летящие прямо в него бомбы падали и взрывались в стороне от бортов. Взгляд командира был прикован к самолетам, уши ловили донесения наблюдателей, руки манипулировали рукоятками машинного телеграфа. Михайловского поразила та предельная собранность, с которой Амелько управлял кораблем. Так что претензии орущей толпы были ему непонятны.

Обстановку разрядил лоцман 1-го конвоя лейтенант Шанько, который, появившись на ступеньках ведущего на мостик трапа, скомандовал:

— Все; у кого есть оружие — выходи строиться!

Таких нашлось немало. «Ленинградсовет», помимо всего прочего, вез и подразделение стрелков транспортной охраны.

Паникеры решили, что сейчас их будут расстреливать, на что Амелько как командир корабля имел полное право, притихли и стали исчезать в нижних помещениях.

Между тем Шанько обратился к вооруженным винтовками пассажирам с бодряще-мобилизационной речью.

— Товарищи! — сказал он в рупор. — Снаряды кончились. Мы будем отражать налеты из ручного оружия. Вы, вероятно, слышали — бойцы на фронте не раз сбивали фашистские самолеты. Если самолет пикирует низко, цельтесь в кабину. Вдруг повезет — попадете в летчика.

Он помолчал и добавил:

— Всем внимательно следить за небом и морем. С паникерами будем поступать по законам военного времени.

В этот момент к «Ленинградсовету» вернулись «казмки», посланные ранее к месту гибели «Тобола». Им удалось подобрать десятка полтора человек, в том числе и тяжело раненного капитана транспорта Бориса Виногорова.

С мостика с катерами долго переговаривались при помощи семафора, а затем катера заняли позицию впереди «Ленинградсовета».

На мостике Амелько и Шанько ломали голову: что делать дальше. Становилось очевидным, что нужно уходить с центрального фарватера. В качестве лоцманского судна «Ленинградсовет» сделал все, что мог. Теперь за его кормой не было уже ни одного транспорта. Нужно было думать о себе. Вопрос стоял так: на какой фарватер сворачивать: южный или северный? И там и там

было одинаково опасно, поскольку оба берега залива были заняты противником. Но там, по крайней мере, нет мин.

Беда заключалась в том, что на «Ленинградсовете» из-за частых взрывов авиабомб вблизи корабля и непрерывной пальбы из собственных орудий и пулеметов вышли из строя магнитный компас и оба гирокомпаса.

К счастью, никто из пассажиров не знал этого.

11:00

С палубы транспорта «Найссаар» старший лейтенант Клементьев следил из-под руки, как три немецких бомбардировщика заходят на пароход со стороны солнца.

Многие не стали ждать их приближения, прыгая за борт.

На рассвете «Найссаар», следовавший с остатками 2-го конвоя, подорвался на mine. Взрыв пришелся в районе кормы, и судно потеряло ход.

Судно, переполненное ранеными и артиллеристами с острова Найссаар, дрейфовало к юго-востоку с сильным дифферентом на корму. Был поврежден винт и частично заполнено водой машинное отделение.

Капитан Калью дал сигнал бедствия, прося помощи, надеясь, что кто-нибудь возьмет транспорт на буксир.

Когда полностью рассвело, все транспорты, которые можно было видеть вдали с «Найссаара», находились под ударами авиации. Они либо гибли, либо продолжали движение, охваченные пожарами. Немногочисленные спасательные суда и катера МО суетились около них, пытаясь спасти как можно больше людей. К «Найссаару» не подходил никто. Правда, никто и не атаковал.

Около половины одиннадцатого на горизонте всплыл островок. Это был остров Мохни, где должен был находиться пост СНИС КБФ. Транспорт сносило в его сторону. Но увидев несущиеся с левого борта самолеты, старший лейтенант Клементьев понял, что до острова транспорту не додрейфовать.

Первая бомба взорвалась у левого борта. Беспомощное судно стравливало пар и в предсмертной тоске выло сиреной воздушной тревоги.

Вторая авиабомба угодила прямо в мостик, а третья в палубу впереди мостика, до отказа забитую пассажирами и ранеными. Вверх полетели разорванные части человеческих тел. В набитом ранеными носовом трюме вспыхнул пожар, потушенный благодаря тому, что трюм быстро заполнился водой.

Мостик был разрушен, ходовая рубка горела. Люди десятками стали выбрасываться за борт.

Кто-то крикнул:

— Капитана убило!

Матросы стали спускать шлюпки. Погружающийся в воду нос «Найссаара» выровнял дифферент на корму. Судно встало на ровный киль, погрузившись в воду почти до клюзов.

Две переполненные шлюпки отошли от транспорта, направляясь неизвестно куда.

Из кормового трюма потоком поползли раненые и плюхались в воду, плескавшуюся почти на уровне верхней палубы.

Старший лейтенант Клементьев был заместителем командира батареи на острове Найссаар. Он знал, что на корабль, помимо их и раненых, погружено большое количество артиллерийского боезапаса. Когда начали сыпаться бомбы, он боялся, что детонируют снаряды. На этот раз все обошлось, но увидев, что самолеты делают новый заход на чудом державшийся на воде транспорт, Клементьев понял, что с него хватит и бросился в воду. В спешке он даже не позаботился снять с себя сапоги и гимнастерку. Это пришлось делать уже в воде, кувыряясь и барахтаясь. Когда же он снова взглянул на то место, где находился «Найссаар», транспорта на поверхности уже не было...

Вдали чернел островок Мохни, и офицер поплыл к нему, надеясь, что на это хватит сил.

Плавал он плохо, а потому страшно обрадовался, когда увидел, что со стороны острова к нему приближается катер.

Катер, как ему показалось, собирался пройти мимо, и Клементьев отчаянно закричал, чтобы привлечь к себе внимание. Катер замедлил ход, и Клементьева, грубо зацепив длиннющим багром, подтащили и втянули на борт.

Первое, что увидел Клементьев оказавшись на катере, были два немецких солдата с автоматами на груди. Его бросили на дно катера, приказав положить руки на голову. Рядом с ним лежали еще трое подобранных с «Найссаара».

Катер прошел над местом гибели транспорта, расталкивая носом обломки и плавающие трупы, никого больше спасать не стал и, развернувшись, направился обратно к острову Мохни.

11:10

С мостика парохода «Лейк Люцерн» капитан Касък следил в бинокль, как поднимались на горизонте лесистые берега Гогланда.

На палубе, в каютах, трюмах и других помещениях старого эстонского судна размещалось более 3500 эвакуируемых из Таллинна военнослужащих и раненых.

«Лейк Люцерн» входил в состав 3-го конвоя и благополучно простоял на якоре всю ночь. С рассвета судно вошло в состав импровизированного конвоя в составе: «Второй пятилетки», «Ивана Папанина» и «Скрудды», охраняемого двумя канонерскими лодками.

«Люцерна» шла последней в колонне и была атакована первой подходящими с кормы самолетами. Капитан Касък отманеврировал три бомбы, а его старпом Конг тем временем зажег на палубе дымовые шашки. Судно окуталось клубами дыма. Решив, что с ним покончено, немецкие летчики оставили «Люцерну» в покое.

— Нам нужно дойти до Гогланда, — сказал капитан старпому. — Мне говорили, что там нас прикроет авиация.

— Боюсь, капитан, — глубокомысленно заметил старпом Конг, — она нас сначала накроет, а прикрыть не успеет.

— До Гогланда уже меньше двух часов хода, — возразил капитан Касък. — Мы можем успеть. Впрочем, нет, Конг. Я ошибался.

Старпом тоже увидел три черных точки, мелькнувшие на фоне ослепительно сверкающего солнца, которое было прямо в глаза наблюдателей.

С ревом три бомбардировщика вышли из пикирования прямо над клотиками мачт старого эстонского парохода. Два столба воды поднялись по бортам судна, неправдоподобно долго стояли, а затем обрушились на палубу и надстройки тоннами грязной воды и донного ила.

Третья бомба угодила прямо в носовой трюм между надстройкой и носовой оконечностью судна. Сотни людей были разорваны взрывом на куски, оглушены и выброшены за борт. В трюме вспыхнул пожар, удушливый черный дым шлейфом потянулся за описывающим циркуляцию пароходом.

Осколки достигли мостика. Капитан Касък охнул, схватился за бок и опустился на настил.

Осколок пробил ему правый бок, задев легкое.

— Лево на борт! — приказал Конг. — Так держать!

Бомбардировщики ушли, и старпом выводил пароход на прежний курс.

Прибежавший на мостик фельдшер кое-как сделал капитану перевязку. Тот тяжело поднялся на ноги.

— Конг, — приказал он, — займитесь пожаром. Я буду вести пароход.

В нос от надстройки верхняя палуба представляла из себя зрелище, которое могло прийти в голову только полубезумным художникам средневековья в их фантазмагориях о сценах страшного суда. Всюду валялись убитые. Кровь ручейками стекала в шпигаты и скапливалась в перемешанные с мазутом и угольной пылью лужи.

А в трюме бушевал пожар. Горели ящики с флотским имуществом, автомобильные покрышки, эбонитовые панели. Конг приказал матросам надеть противогазы. Наладили уцелевшие шланги и стали поливать трюм водой. Но это помогало мало. Пожар разгорался. Хорошо еще, что западный ветер уносил удушливый дым в море со стороны правого борта.

Неожиданно в трюме раздался два сильных взрыва, выбросившие вверх снопы огня и оранжевого дыма. Двое матросов со шлангами были убиты. Старпома Конга сбило с ног. Шланги были иссечены осколками.

Пожар бушевал с удвоенной силой, грозя вскоре перекинуться на надстройку и мостик.

Но при этом «Люцерна» умудрилась не получить подводных пробоин. Водонепроницаемость судна не была нарушена, машина работала и раненный капитан Касък, не покинувший мостик, продолжал вести «Лейк Люцерн» к Гогланду.

В видимости часто появлялись немецкие бомбардировщики. Несколько из них даже кружились над «Люцерной», но видя бушующий на судне пожар, они пролетали дальше, ища более достойные цели.

11:25

Начальник штаба легких сил КБФ капитан 2-го ранга Святков еще издали, подходя к Гогланду на морском охотнике, увидел встававший над лесистыми скалами острова столб черного дыма.

Придя в бухту Сууркюль в южной части острова, Святков увидел выбросившийся на мель транспорт. Подойдя поближе, он убедился, что это «Сауле» — военный транспорт № 553. Судно стояло опершись форштевнем на отмель, а из открытого кормового трюма валил черный дым. В надстройке и бортах было множество осколочных пробоин. На судне не было никаких признаков жизни. Только на ходовом мостике в задумчивости стояла девушка в блузке и длинной юбке.

— Девушка! — закричал Святков в мегафон. — Кто-нибудь есть на борту? Где капитан? Где команда?

— Я капитан! — ответила Анна Щетинина, изящно помахав начальнику штаба ОЛС рукой. — Я капитан. Что вы хотите?

Святков онемел от неожиданности.

— Мне не до шуток, милая! — закричал он. — Позови капитана!

Вскоре убедившись, однако, что тридцатилетняя Анна Щетинина и есть капитан транспорта «Сауле», Святков, не переставая изумляться, приказал ей сниматься с мели и уходить в Ленинград, и перестать привлекать своим дымом самолеты противника.

Единственная в Таллиннском переходе (да и во всем Советском Союзе) женщина-капитан дальнего плавания, подтвердив свою доблесть и высочайшее профессиональное мастерство, первой достигла Гогланда.

Идя северным фарватером, она удачно уклонилась от встречи с финскими сторожевыми и торпедными катерами, выбирая оптимальные курсы и выжимая из старых машин «Сауле» все возможное. Но по дороге ее все-таки «куснула» авиация противника. Пять «юнкерсов» атаковали транспорт уже в видимости Гогланда. Несколько бомб разорвалось у бортов, изрешетив судно пробоинами, а одна угодила прямо в кормовой трюм, повредив рулевое управление и вызвав сильный пожар. Горели какие-то грузы из флотского имущества, находившиеся в нижней части трюма, куда было не добраться пожарным. Опасаясь, что в трюме еще что-нибудь взорвется, Щетинина приказала выбрасываться на мель и всем уходить с судна. А сама, как и подобает капитану, осталась.

В ответ на раздраженный приказ Святкова немедленно убираться в Ленинград, Щетинина сообщила, что судно представляет из себя решето, руль поврежден, и что-то «флотское» чадит в трюме после попадания бомбы.

Начальник штаба ОЛС приказал забить пробоины деревянными чопами и уходить, пока их не добила авиация.

Распорядившись о «Сауле», капитан 2-го ранга Святков направился на командный пункт коменданта острова полковника Большакова, расположенный на северной оконечности Гогланда в самой верхней его точке, откуда обозревался почти весь Западно-Гогландский плес чуть ли не до острова Вандло, находящегося в двадцати милях к западу.

Первое, что увидел капитан 2-го ранга Святков, подвигшись на командный пункт коменданта острова полковника Большакова — был крейсер «Киров», который, величественно следуя за тральщиками, обходил остров с юга, направляясь в Кронштадт. Крейсер вел бешеный зенитный огонь. Примерно 8—10 бомбардировщиков противника кружились над ним, пытаясь пробиться через стену заградительного огня.

Опытному взгляду капитана 2-го ранга Святкова не нужно было видеть какой-нибудь другой картины, чтобы понять, какие потери понес флот на переходе. В охране «Кирова» шел один эсминец типа «7» и один тральщик. Оба вели редкий огонь по самолетам из орудий главного калибра. Из разбитых иллюминаторов эсминца валил дым. В бортах и на надстройках чернели многочисленные пробоины.

По предварительным докладам и из радиоперехвата Святков уже мог составить себе впечатление, какую бойню учинила немецкая авиация транспортам, переполненным войсками и беженцами. Он уже направил в залив первую волну своих тральщиков и катеров для оказания помощи терпящим бедствие судам и людям.

Часть катеров Святков оставил в резерве на случай изменения обстановки.

Прекрасный наблюдательный пункт полковника Большакова вполне устроил бы Святкова, если бы все его задачи сводились к обзору плеса. Но для управления кораблями этот НП совершенно не годился.

Для этой цели капитан 2-го ранга Святков развернул свой штаб в одном из деревянных домиков на берегу

бухты. Он поспешил туда, где распоряжались уже двое его помощников: капитан 2-го ранга Зозуля и капитан 3-го ранга Барабан.

11:35

Командир катера «МО-207» старший лейтенант Воробьев с ужасом смотрел на плавающие трупы, со всех сторон окружавшие его катер.

Трупы плавали и лицом вниз, и лицом вверх, и выставив из воды скрюченные в последней надежде руки. Между ними на волнах кружились бескозырки, фуражки, женские шляпки, чемоданы, деревянные обломки.

Наконец с катера увидели и живых людей, повисших на перевернутых шлюпках, плотках, бревнах и... всплывших минах. Много было раненых в гипсовых повязках. Ни у кого не было сил даже кричать. В полном молчании, остановившимися глазами они смотрели на подходящий охотник.

У Воробьева сложилось впечатление, что многие просто его не видели, настолько ужас и усталость застила им глаза...

«МО-207», переполненный спасенными выше всякой меры, с трудом держался на поверхности, черпая воду бортами. Необходимо было куда-то пересадить спасенных, поскольку в таком состоянии катер был не способен добраться до Гогланда.

Воробьеву удалось нагнать большой буксир, вся палуба которого была заставлена шикарной мебелью, сверкающей лаком и зеркалами. За мебелью блестела никелем и хромом автомашина иностранной модели.

— Прими людей! — крикнул Воробьев какому-то усачу на мостике буксира.

Тот гулким басом ответил:

— Не могу. На борту адмиральское имущество! Отвечай потом!

Кровь ударила Воробьеву в голову.

— Ты сволочь! — закричал он усачу. — Я тебе сей-

час дам адмиральское имущество! А ну, скидывай все за борт к чертовой матери и принимай людей, а то из пулемета чесану!

Крупнокалиберный пулемет охотника уставился в мостик буксира, давая понять его капитану, что с ним не шутят.

Ругаясь страшными словами и тряся усами, он дал команду сбросить с кормы шкафы и комоды, приняв от Воробьева почти половину спасенных.

— Молодец! — похвалил его Воробьев и повел катер дальше.

Вдали он увидел пару немецких истребителей, летающих на бреющем полете над поверхностью воды туда и обратно, стрекоча пулеметами. Подойдя поближе Воробьев увидел, что самолеты обстреливают плот, облепленный людьми.

Орудие и оба пулемета катера ударили по «мессершмиттам» и те, как испуганные чайки, набрали высоту и исчезли.

Воробьев стал принимать на борт людей с плота.

Среди них оказался матрос Сергей Заяицкий с потопленного вчера транспорта «Алев».

Но более всего запомнилось старшему лейтенанту Воробьеву то, что среди спасенных оказалась женщина на последнем месяце беременности. Ее начало тошнить, начались схватки. Воробьеву показалось, что она родит прямо сейчас, и растерялся впервые за всю войну.

11:50

Лейтенант Абрамичев без сил опустился на палубу. Почти четыре часа он с другими бойцами, найдя себя на палубе «Казахстана», боролся с бушующим на борту пожаром с помощью брезентовых ведер, которыми черпали воду за бортом и передавали по цепочке. Часть мостика, штурманская рубка и большая часть надстройки полностью выгорели, но людям казалось, что они их погасили.

«Казахстан» дрейфовал, объятый дымом и паром, поднимающимся от раскаленного металла.

В этот момент над транспортом появилась новая девятка бомбардировщиков, разворачивающихся для очередной атаки.

Боеприпасы на корабле кончились. Беспомощный транспорт сносило усилившимся западным ветром к берегам Эстонии.

Услышав снова пронзительный вой пикировщиков, Абрамичев почувствовал сильнейшее желание броситься за борт. Многие тогда считали, что спасение в воде. Сколько человек уже так поступило, никто не знал. Было их очень много. Но перед подчиненными красноармейцами Абрамичеву было стыдно показывать свою слабость. Тем более, что несколько часов назад именно он был тем офицером, что вернул на борт полковника Потемина; поэтому он дал своим подчиненным команду «Лежать!» и они лежали на палубе, слушая вой самолетов и свист бомб, теснее вжимаясь в доски, как будто те могли их защитить.

Бросившиеся в воду гибли от взрывов немецких бомб, не попадавших в «Казахстан», а рвущихся как раз среди сотен людей, плавающих вокруг транспорта.

Особой приманкой служил остров Вандло, черневший вдали. Он казался очень близким — прямо рукой подать, хотя до него было не менее 6 миль. Создавалось впечатление, что до него вплавь можно добраться за полчаса. Те, кто попытался это сделать, достигли острова лишь через 18—20 часов плавания в холодной, сковывавшей тело воде. Остальные погибли. Некоторых унесло течение к эстонскому берегу — в плен к немцам.

Бомбардировщики ушли, достигнув лишь одного нового попадания в «Казахстан». Бомба угодила в угольную яму и, к счастью, не разорвалась.

Паника на судне постепенно стихала. Продолжающийся пожар разделил транспорт как бы пополам. В носовой части распоряжался майор Рыженко; в кормо-

вой — полковник Потемин. Второй штурман Загорулько убедившись, что из всей команды судна уцелело всего семь человек, был несколько растерян. Он предложил стать на якорь и, положась на милость судьбы, ждать какой-нибудь помощи. Так и поступили, и «Казахстан» прогрохотал якорь-цепью. В противном случае его снесло бы к занятому противником берегу.

Писатель Александр Зонин, собрав на баке импровизированный митинг, уверил красноармейцев и пассажиров в том, что получена радиограмма, из которой явствует, что спасательные суда и тральщики спешат из Кронштадта на помощь «Казахстану». Это подействовало, поскольку большая часть слушавших понятия не имела о том, что радиорубка «Казахстана» давно сгорела до тла, и транспорт не мог ни принимать, ни передавать никаких радиограмм.

Внезапно вспыхнул пожар в одном из трюмов, где находились ящики с боеприпасами. лейтенант Абрамичев снова возглавил добровольцев, которые разгружали трюм, выбрасывая эти ящики за борт.

Генерал в реглане, чей властный голос несколько успокоил панику, возникшую после первого налета, куда-то пропал.

Наконец кто-то принял решение мастерить из досок верхнего настила трюмов плоты и на них пытаться переправиться на остров Вандло. Основание плотов делали на палубе, а затем, спустив их на тросах в воду и придерживая у борта, делали настилы из досок. Плоты устойчиво держались на воде, получившись прочными и надежными.

Неожиданно кто-то закричал, что к «Казахстану» подходит катер с острова Вандло. Все высыпали к борту.

12:05

Старшина 2-й статьи Гушанинов снял со «Скрудны» более трехсот человек, когда к острову прибило горящий и разбомбленный «Казахстан».

Старшина направил свой катер к нему. Кто-то крикнул ему с борта:

— К судну не подходи! Собирай плавающих!

Гущанинов поднял из воды на катер и баркас человек сорок, а затем попытался буксировать плот с ранеными, спущенными с «Казахстана».

Сначала хотели попробовать буксировать оба плота, но оказалось, что катеру это не под силу. Пришлось отправить один плот...

Лейтенант Абрамичев следил, как катер, буксируя заполненный людьми плот, поплелся к островку. Поэтому, как медленно он шел, лейтенант понял, что потребуются не одни сутки, чтобы снять и доставить на островок всех находящихся на «Казахстане».

Второй плот остался у борта транспорта. Он был переполнен. Все считали, что плыть на плоту дело более верное, чем оставаться на стоявшем без хода транспорте, представляющем из себя прекрасную мишень для бомбардировщиков. А потому на плоту решили не ждать катера, а попытаться самостоятельно добраться до острова. Оттолкнувшись от борта, плот медленно поплыл*.

Абрамичев поднялся на полубак, чтобы посмотреть, как следует к острову их плот на буксире катера старшины Гущанинова. Там же находились майор Рыженко, «генерал» Аврашов и второй штурман Загорулько.

— Нельзя ли осмотреть машину и поднять пары? — спросил Абрамичев второго помощника. Тот ответил, что на транспорте осталось в живых всего несколько человек из команды. Погибли кочегары и машинисты. Механическое управление судном вышло из строя, мостик и ходовая рубка сгорели. Но все же решили попытаться что-то сделать.

* Этот второй плот так и не добрался до острова. Считается, что его отнесло к захваченному немцами эстонскому побережью.

Загорулько собрал всех оставшихся в живых членов экипажа. Их оказалось шесть человек: старший механик Фурса, боцман Гайнутдинов, машинисты Слепнер, Шишкин, кочегар Шумило и повар Монахов.

Остальные моряки или погибли при взрывах, или были этими взрывами выброшены за борт.

Загорулько и старший механик Фурса спустились в машинное отделение, проведя осмотр оборудования. Левый котел полностью вышел из строя, а из правого вытекла вся вода. Питательные насосы не действовали. Главная машина была забита копотью, грязью и песком. Машинисты Слепнер и Шишкин вместе с добровольными помощниками из числа пассажиров начали приводить выгоревшее машинное отделение в порядок. Другая группа добровольцев во главе с кочегаром Шумило ведрами и кастрюлями заполняли водой правый котел.

Сам Загорулько хлопотал на остатках мостика. Не действовало рулевое управление и машинные телеграфы. Были уничтожены компасы, сгорели все карты, не было радио. Самое лучшее, на что надеялся 2-й штурман «Казахстана» — это попытаться выбросить судно на отмель у острова Вандло и снять с него людей.

12:15

Капитан Лукин понял, что это конец.

Очередная бомба угодила в кормовую часть «Второй пятилетки». Машина остановилась. Поврежденный нос быстрее стал уходить в воду.

Налеты следовали один за другим. Их было минимум двадцать, пока «Вторая пятилетка» прошла меридиан острова Родшер, где ее настигла вторая бомба.

Лукин приказал всем покинуть судно.

Шлюпки оказались сразу же переполненными. Спасательных средств не хватало. Сотни людей барахтались в воде. Многие из них, особенно женщины и дети, впервые в жизни были в море. Те, кто умел плавать, поначалу еще держался, остальные сразу гибли.

Погружение судна замедлилось, и капитану Лукину показалось, что ему удастся сохранить транспорт на плаву. К этому времени, кроме него самого, на судне оставались электромеханик Кульков, четвертый механик Моргунов и военврач Иванов.

Лукин приказал Моргунову и Кулькову спуститься в машину и попытаться снова ее запустить. И им это удалось!

Машина заработала. Капитан Лукин хотел развернуться и попытаться подобрать людей, оказавшихся в воде.

В этот момент над погибающим транспортом снова появились самолеты противника. «Вторая пятилетка» медленно разворачивалась на обратный курс. Военный врач Иванов, поднявшись на верхний мостик, пытался открыть огонь из единственного уцелевшего пулемета.

Сноп огня поднялся над кормой теплохода. Еще одна бомба угодила в корму. Вода хлынула в машинное отделение, ломая переборки.

Никаких надежд на спасение судна уже не оставалось. Пересадив Кулькова и Моргунова на переполненный катер, пришедший с Гогланда, Лукин и Иванов остались на «Второй пятилетке» одни. Катер, забравший механиков, обещал вернуться, но его все не было.

«Вторая пятилетка» тонула долго и мучительно.

Нос судна медленно погружался в воду, и казалось, что это уже конец, но заполненная водой корма снова перевешивала, поднимая нос на поверхность вместе с каскадами воды. Подобное странное коромысло работало устойчиво, заставляя «Вторую пятилетку» медленно погружаться на ровном киле.

Наконец нос транспорта ушел под воду, приподняв корму, и капитан Лукин, отдав свой личный спасательный пояс (поясов катастрофически не хватало, хотя целый склад их был сожжен в Таллинне) врачу Иванову, приказал ему прыгать за борт.

Позже корма снова перевесила, приподняв нос, одна-

ко теплоход уже осел в воде почти до уровня верхней палубы. Капитан Лукин понял, что спасателей ему не дожидаться. Он спустился на палубу, взял две лопачины и выбросился за борт.

Отплыв метров на сто, он решил вернуться на теплоход, который продолжал держаться на воде.

В этот момент показался катер, но не тот, что обещал вернуться, а совсем другой. Он прошел мимо Лукина, направляясь ко «Второй пятилетке».

— Возьмите меня! — закричал Лукин.

С катера ответили:

— Мы идем за капитаном теплохода. Потом возьмем вас!

— Но я и есть капитан этого теплохода! — в отчаянии выкрикнул Лукин.

Тогда катер развернулся и подошел к нему. Капитана втянули на борт. Вскоре был подобран и доктор Иванов.

А «Вторая пятилетка» все еще не желала тонуть. Ее последние минуты и свое несколько странное поведение описывает сам капитан Лукин: «Я упросил командира катера подойти к борту теплохода. Сам вновь поднялся на судно, взял там документы, деньги и сухие костюмы для себя и доктора. Я покинул теплоход, когда его носовая часть уходила под воду».

Судно затонуло на ровном киле в четырех милях от острова Родшер. Тонула «Вторая пятилетка» как игрушечный корабль: бак и ют ушли под воду одновременно, затем надстройка, дымовая труба и рамочные грузовые стрелы. Теплоход был огромным, а водовороты на месте его гибели почти не было.

12:25

Лейтенант Дармограй с палубы эскадренного миноносца «Славный» наблюдал, как немецкие бомбардировщики снова атакуют пылающий транспорт «Иван Папанин».

На «Папанине» находились младшие авиационные специалисты из истребительного полка, известные Дармограю как адъютанту эскадрильи поименно. Он сам размещал их на транспорте, где авиамеханики, сержанты и матросы морской авиации вместе с другими бойцами крепили на транспорте противотанковые орудия и другое тяжелое вооружение, эвакуируемое из Таллинна.

На «Папанине» пожар разгорался, но транспорт даже в бушующем пламени огня не прекращал движения. Было видно, как пылающие фигурки людей падают за борт.

Сам «Славный» плелся под одной машиной за эсминцем «Суrowый», также идущим под одной машиной.

С самого раннего утра их беспокоили самолеты противника. Именно беспокоили, а не атаквали. Они появлялись в 07:06, 08:14 и 09:55, кружась над кораблями на высоте около двух с половиной тысяч метров.

Но две, хоть и поврежденные «семерки-У» ставили такую стену зенитно-заградительного огня, пробивать которую немецким летчикам явно не хотелось. Они беспорядочно сбрасывали бомбы с большой высоты и куда-то улетали, видимо, обнаружив очередной беззащитный транспорт.

В 12:29 все на мостике «Славного» заметили перископ и часть рубки подводной лодки, идущей в позиционном положении. «Славный» резко изменил курс, а когда эсминец выходил из зигзага, лодка исчезла.

На всякий случай капитан 3-го ранга Осадчий приказал сбросить одну глубинную бомбу. Сверкающий на солнце белый столб с рокотом поднялся над поверхностью залива. Ударная волна хлестанула по эсминцу с кормы, как бы подгоняя его вперед.

На отдалении группа из трех немецких пикировщиков, хищно кружащаяся над горящим «Иваном Папаниным», решив, видимо, что с транспортом так или иначе покончено, неожиданно, построившись друг за другом, ринулась на эсминцы.

На «Славном» и «Суровом» открыло огонь все, что могло стрелять. Даже находящиеся на палубах офицеры-летчики начали палить по пикировщикам из своих табельных наганов и ТТ.

Два первых «юнкерса» атаковали «Суровый». Атаковали не очень решительно, сбросив бомбы с большой высоты и, разумеется, не попав.

Зато третий решил отличиться.

Не обращая внимания на разрывы зенитных снарядов, посылаемых всеми стволами эсминца, «юнкерс», круто пикируя, казалось, решил врезаться в палубу корабля.

У многих на палубе сложилось именно такое впечатление.

— Сверни с курса! — кричали советчики Осадчому. — Клади руль на борт! Он нас таранит!

Капитан 3-го ранга Осадчий, стоя у открытой двери ходовой рубки с секундомером в руке, не сводил глаз с падающего на корабль самолета.

Эсминец, дрожа и вибрируя, выжимая из своей одной машины все возможное, шел прежним курсом. Наконец летчик резко стал выводить машину из пике, сбросив на корабль четыре бомбы.

Осадчий дал команду, и «Славный», повалившись на правый борт, стал круто уходить вправо. За кормой, по старому курсу корабля, взметнулись четыре столба воды, прогремели раскаты взрывов. Многих стоявших на верхней палубе ударной волной сбilo с ног, несколько человек выбросило за борт. Эсминец подбросило вверх и положило на левый борт.

Сигнальщики с верхней площадки мостика ясно видели, что атаковавшему «Славный» «юнкерсу» не удалось выйти из пике. То ли пилот был убит, то ли оказался недостаточно опытным, но бомбардировщик, пройдя над самыми мачтами «Славного», так и не набрав высоты, упал в море примерно в двух милях от корабля.

При выходе «Славного» на прежний курс сигнальщики снова доложили об обнаружении подводной лодки. Эсминец повернул на указанный сигнальщиками курс и полным ходом пошел на лодку, по которой даже произвело один выстрел носовое 130-мм орудие. Однако самой лодки больше никто не увидел. Как и подобает призраку, порожденному предельным нервным напряжением и боевым азартом, она немедленно исчезла...

Лейтенант Дармограй, держась за поручни ведущего на кормовой мостик трапа, едва не выброшенный за борт ударной волной от взорвавшихся за кормой бомб, продолжал наблюдать, как горящий «Иван Папанин» приближается к побережью Гогланда, который проплыл по левому борту эсминцев, уходя за корму.

12:40

Пожар на теплоходе «Иван Папанин» продолжал бушевать. Каждая пройденная миля давалась с огромным трудом. Моряки вместе с почти тремя тысячами солдат ни на минуту не прекращали борьбы с пожаром, пытаясь сбить пламя, охватившее автомашины и бензоцистерны, стоявшие на палубах и в трюме.

Возле маяка Родшер вновь налетели самолеты.

Старший матрос Хильков, который вел судно за убылью всего комсостава, с помощью стоявшего на мостике матроса Кашурникова, просто чудом отманеврировал все четыре нацеленных на теплоход бомбы, которые с грохотом разорвались в море.

В этот момент начали взрываться бензоцистерны и боезапас, находящиеся на борту судна. Людей выбрасывало взрывом за борт, они кидались туда и сами, спасаясь от беснующегося пламени.

Примерно в двух милях по правому борту шли два эсминца, но на них, судя по всему, трагедии теплохода вовсе не замечали. А могли бы подойти и хотя бы подать на «Папанин» свои мощные шланги или огнем отогнать от него пикирующие со всех сторон бомбардировщики.

Но эсминцы, прибавив ход, вскоре растаяли вдали, обходя Гогланд с юга...

Теряющий сознание от потери крови Хильков подводил теплоход к отмели на южной оконечности Гогланда, когда услышал крик:

— Слева по корме три самолета!

Помполит Новиков, распорядившийся на палубе, приказал выбросить за борт все штормтрапы, спустить шлюпки и другие спасательные средства.

Нос «Ивана Папанина» мягко ткнулся в песок. Судно остановилось. Люди ринулись вниз по штормтрапам, прыгали в море. Среди них уже сновали пришедшие с Гогланда катера и буксирчики.

Два немецких самолета с бреющего полета поливали людей из пулеметов, а третий, спикировав на стоящее на мели судно, сбросил четыре бомбы. Три из них разорвались у бортов, убивая и калеча покидающих транспорт людей, а одна попала в третий трюм, загруженный боеприпасами.

Оглушительный взрыв сотряс корпус теплохода. Пламя перебросилось на мостик и надстройку. Судно запылало по всей длине от носа до кормы.

12:55

Капитан 2-го ранга Святков видел, как догорал на мели теплоход «Иван Папанин», и не менее 2000 человек выбиались на косу в южной части острова.

Примерно с 12 часов дня на Гогланд начали приходиться переполненные людьми морские охотники и сторожевые катера, вышедшие из Таллинна вместе с флотом в охранении боевых кораблей и транспортов. На каждом из них было по 100—120 человек спасенных, хотя сорок человек считались их максимальной загрузкой. Полуголые люди потоком хлынули на остров.

Приказав капитану 3-го ранга Барабану немедленно после высадки людей на берег направлять все катера и тральщики обратно в море, Святков принялся за органи-

зацию медицинской помощи и импровизированного лагеря для спасенных. На берегу скопилось несколько тысяч человек и их число непрерывно росло. Местный лазарет мгновенно оказался переполненным. Пришлось приспособить для приема раненых казармы гарнизона и разбивать палатки. Медикаментов не хватало, кормить такое количество людей было нечем.

Между тем немецкие летчики, заметив большое количество людей на острове, стали носиться над деревьями, поливая их из пушек и пулеметов, а иногда и бомбя. Обезумевшие толпы голых людей бегали по острову, ища укрытий.

Стоя на пирсе, капитан 2-го ранга Святов с ужасом следил за подходящими катерами, выбрасывающими на остров новые потоки раненых, обгорелых, измазанных в мазуте голых людей. Один голый «негр», покрытый толстой коркой мазута (только белки глаз да зубы оставались белыми), высадившись с очередного катера, подошел к Святову и представился: «Полковник Высоцкий». Выяснилось, что полковник шел на эсминце «Калинин», провел более 8 часов в воде, а вернее в мазуте, прежде чем его вытащили на катер.

Из докладов командиров прибывающих катеров капитан 2-го ранга Святов уже примерно мог представить себе размеры произошедшей катастрофы. Погибли двадцать два транспорта, танкер, ледокол, два спасательных судна, четыре шхуны, пять буксиров и две самоходные баржи. И это еще не все. Данные предварительные.

К пирсу подошел тральщик, и в новом потоке спасенных Святов увидел своего старого сослуживца капитана 2-го ранга Артавазда Сагояна — флагманского артиллериста Отряда легких сил.

Он рассказал Святову, как после гибели эсминца «Артем», он в течение нескольких часов барахтался в мазуте и даже сам толком не понимает, как ему удалось спастись. Флагманский артиллерист едва держался на ногах, его мучили приступы рвоты, он с трудом разлеп-

лял веки и тут же закрывал их от нестерпимой боли в глазах.

Между тем, до Гогланда добрался и катер старшего лейтенанта Козихина, доставивший на остров контуженного адмирала Ралля.

Святов кратко описывает их встречу на Гогланде: «На пирсе я увидел контр-адмирала Ралля. Он пришел на катере МО, снявшего его с погибшего «Калинина». Юрий Федорович, как подобает боевому адмиралу, был спокоен и держался бодро, несмотря на контузию и ранение. Осведомившись у меня как обстоят дела, он выразил уверенность в успехе операции (?!! — И.Б.). Пожал руку и ушел на катере в Кронштадт».

Видимо, именно так должен был вести себя боевой адмирал, потерявший все корабли своего отряда и сотни подчиненных ему моряков. Однако, разумеется, тогда времени для эмоций, сожалений и какого-либо анализа не было.

Святову доложили, что в районе маяка Родшер гибнут под ударами авиации противника еще два крупных транспорта. Он немедленно распорядился послать туда тральщик и два буксира.

В этот момент, окинув хозяйским взглядом бухту Сууркюль, Святов убедился, что Анна Щетинина вовсе не спешит выполнять его приказ о немедленном выходе в Ленинград.

«Сауле» по-прежнему стоял посреди бухты, мешая плаванию катеров. Святов снова направился к этому судну. На мостике он обнаружил некоего дерзкого молодого человека, оказавшегося старшим штурманом транспорта. Выслушав претензии Святова, он заявил, что команда решила не выходить в море из-за большого количества пробоин.

Подобное заявление взорвало Святова. Он резко заметил штурману, что расценивает все это как невыполнение приказа в боевой обстановке со всеми вытекающими последствиями. Сейчас он прикажет буксиру

насиленно вывести «Сауле» из бухты и оставит в море на растерзание немецким бомбардировщикам.

Как бы в ответ на его угрозу над Гогландом появилось звено немецких истребителей. С бреющего полета они вели пулеметно-пушечный огонь по скоплению людей, которые в ужасе, громко крича, стали метаться по острову в разных направлениях.

Погрозив «Сауле» кулаком с зажатым в нем рупором, Святлов вернулся в свой временный штаб.

Чуть позже, наблюдая как «Сауле» малым ходом выходил из Сууркюля и видя в бинокль на мостике белую блузку Анны Щетининой, Святлов желчно сказал своим офицерам:

— Щетинина приведет судно в Кронштадт и получит орден.

При этом тяжело вздохнул. Он сам не понимал, почему Щетинина так его раздражает. Ошалевший от двух месяцев горьких неудач капитан 2-го ранга Святлов, прозванный на флоте «Иваном-топителем», никогда не сможет примириться в душе с тем фактом, что единственным транспортом дошедшим до Кронштадта (о «Казахстане» Святлов еще не знал) станет «Сауле», которым командует женщина. Он до конца жизни рассматривал этот факт чуть ли не как личное оскорбление.

Между тем, его офицеры на основании докладов командиров тральщиков и катеров, а также опроса спасенных, уже составили список потерь боевых кораблей. Выходило, что погибли эсминцы «Скорый», «Яков Свердлов», «Калинин», «Володарский» и «Артем», сторожевые катера «Снег» и «Циклон», две подводных лодки, канонерская лодка, три тральщика, четыре катерных тральщика, торпедный катер и катер МО.

Пока неизвестна была судьба «Гордого», идущего на буксире у «Свирепого», сторожевика «Буря», остальных подводных лодок и главное — двух лидеров: «Минска» и «Ленинграда» под командованием адмирала Пантелеева. У Святлова были данные, что Пантелеев погиб. Он

спросил об этом у адмирала Ралля, но тот только пожал плечами. Ему ничего не было известно. Ходили даже слухи, что «Минск» ночью взорвался и затонул со всем экипажем.

Всему этому неведению был положен конец, когда с наблюдательного поста доложили, что оба лидера оказались на горизонте. Святков поспешил на пост и увидел в бинокль оба балтийских лидера, идущих на восток через белые столбы от взрывов падающих вокруг авиабомб. Над ними, как осы, кружили не менее десяти вражеских бомбардировщиков.

13:10

На этот раз это были не пикирующие бомбардировщики, а «хейнкели», появившиеся над кораблями с северо-восточного направления. Такое было впечатление, что они взлетели прямо с Гогланда.

С мостика «Ленинграда» капитан 3-го ранга Горбачев видел, как девятка горизонтальных бомбардировщиков, идя на высоте примерно трех тысяч метров, заложила над кораблями широкий круг, выходя по одному на боевой курс.

Положив руль «право на борт», Горбачев стал выводить «Ленинград» на курс перпендикулярный предыдущему. Капитан 2-го ранга Петунин на «Минске» поступил точно также.

Горбачев взглянул на идущий параллельным курсом «Минск», на его строгие очертания, полные стремительности и мощи, наклоненные назад высокие дымовые трубы, высокий мостик и длинные жерла орудий. Корабль весь был покрыт шрамами. Рваные пробоины зияли в его дымовых трубах, на надстройках и в обшивке бортов — результат многочисленных близких разрывов авиабомб.

Восемь бомб кучно рванули по старому курсу «Ленинграда», подняв целую стену воды. От ударной волны все задрожало и завибрировало на лидере.

Новая серия авиабомб, на этот раз еще дальше от лидера, вздыбила фонтаны воды на белой дуге широкой кильватерной струи.

С горизонтального полета бомбить боевые корабли практически безнадежно, даже если они потеряли ход и маневренность.

Зенитки «Ленинграда» и «Минска» били с упреждением впереди «хейнкелей», чтобы сбить их с боевого курса.

Еще одна серия бомб. Кучно, но совсем далеко — метрах в двухстах от кораблей.

Девятка бомбардировщиков, разделившись на звенья по три самолета, стала разворачиваться, степенно гудя моторами, на обратный курс для нового захода.

— Товарищ командир! — услышал Горбачев крик сигнальщика. — На «Минске» сигнал «Убрать параваны. Ход 27 узлов».

Выплеснув из труб клубы густого черного дыма, подняв по носу огромные буруны, взыв всей мощью своих изношенных за два месяца боевых действий турбин, оба лидера, снова резко изменив курс, ринулись на восток.

Впервые за всю войну им пришлось идти на такой скорости. Это было рискованно, поскольку и на пространстве между Гогландом и Кронштадтом вполне могли оказаться мины.

Но адмирал Пантелеев любил рисковать. В рамках разумного, конечно.

13:25

Остров Гогланд уже вставал во всей своей красе перед капитаном плавмастерской «Серп и молот» Андреем Тихоновым. Огромный плавзавод, погрузившись носом почти по клюзы, продолжал упорно идти вперед, выигрывая у смерти одну милю за другой.

— Будем выбрасываться на мель! — объявил капитан о своем намерении. — Предупредите пассажиров. Не допускайте паники.

Недалеко от «Серпа и молота» шла охваченная пламенем «Люцерна». Старший помощник «Серпа и молота» Георгий Абросимов приказал боцману готовить к спуску катер и шлюпки.

В это время пылающая «Люцерна» с вываленными за борт шлюпбалками резко изменила курс и стала быстро подходить к левому борту «Серпа и молота».

Тихонов никак не мог понять намерения капитана транспорта.

Сближение тонущей плавмастерской с горевшей «Люцерной» могло кончиться катастрофой для обоих судов.

«Люцерна» продолжала сближение, сильно ударившись правой скулой о борт плавмастерской. На обоих судах среди пассажиров началась паника. Пассажиры «Серпа и молота» посыпались за борт, а пассажиры «Люцерны», рискуя оказаться между бортами судов, стали перепрыгивать на палубу «Серпа и молота».

Огонь с «Люцерны» перекинулся на плавмастерскую. Загорелась надстройка по левому борту, вспыхнули шлюпки, загорелись чехлы на раструбах.

Наконец огромным пылающим факелом «Люцерна» отделилась от «Серпа и молота» и пошла дальше к Гогланду. А подоженный ею «Сerp и молот» поковылял следом в том же направлении.

Через несколько минут горящий «Сerp и молот» заскрежетал днищем о прибрежную каменную гряду острова. Катер и шлюпки, переполненные людьми, пошли к спасительному берегу. Боцман с матросами приспособил для перевозки людей плотики, сделанные из пустых бочек, скрепленных дощатыми настилами.

Недалеко от «Серпа и молота» продолжал гореть выбросившийся на отмель «Иван Папанин». Языки пламени тянулись по его надстройкам, взрывался находившийся в трюмах боезапас, разрывая брошенный теплоход на куски. Из-за «Папанина» также поднималась стена огня и дыма. Это догорала выбросившаяся на камни

«Люцерна». Шум ревущего пламени заглушал отчаянные крики людей.

Капитан Тихонов, старший механик Уколкин и несколько человек из машинной команды остались на борту. Понимая огромную ценность плавмастерской для нужд флота, не говоря уже о ее грузе, составляющем почти весь запас цветного металла, вывезенный из Таллинна, моряки решили попытаться спасти «Серп и молот». В котельном и машинном отделении стояла вода, но топки еще не погасли, работали водоотливные насосы. Капитан и механики стали обсуждать возможность снятия судна с мели и его ввода в строй.

Никто из них не заметил, откуда вновь появились немецкие бомбардировщики. Длинная пулеметная очередь хлестанула по мостику, а в кормовой части судна раздался оглушительный взрыв. Затем одна за другой в «Серп и молот» попали еще две бомбы. Все судно охватило пламя.

Одна бомба попала и в горевший «Иван Папанин». Ударная волна и изменившийся ветер сорвали теплоход с мели, и он стал дрейфовать в сторону «Серпа и молота». Расстояние между судами сокращалось, словно они хотели на прощание обняться огромными языками бушующего на них пламени. Но транспорт прошел под самой кормой «Серпа и молота», и ветер погнал его дальше в открытую часть залива.

И вдруг «Серп и молот» загудел знакомым басом своего гудка.

Потрясенные, с каким-то непонятным страхом слушали этот крик судна выбравшиеся на берег моряки и пассажиры. Казалось, что «Серп и молот» либо звал на помощь, либо прощался со своим экипажем. Это подгоревшая и рухнувшая мачта надавила на трос, открыв клапан гудка. И долго еще над побережьем звучал прощальный голос гибнущего судна.

13:40

Старший лейтенант Стрельцов, следя с кормового мостика эсминца «Свирепый» за рвущимися в атаку немецкими пикировщиками, поймал себя на мысли, что такого яростного налета еще не было за два месяца войны. Только что удалось отбить атаку трех пикировщиков, как еще четыре, вывалившись из-под солнца, ринулись на корабли.

«Свирепый», ведя на буксире «Гордый», был очень скован в маневрировании и мог надеяться только на мощь своего зенитного огня, чтобы не дать самолетам противника уничтожить себя и своего поврежденного собрата.

От непрерывного огня орудий дрожал зенитный мостик. Дымящиеся гильзы сыпались на палубу. Горела краска на орудийных стволах, плавилась сальники.

«Свирепый» попытался резко изменить курс, но якорь-цепь с «Гордого» висела на нем, как тренога на боевом скакуне.

С левого борта по пикировщикам бил «Аметист», заняв позицию таким образом, чтобы оказать содействие «Свирепому» и защитить «Гордый».

Били и все орудия с «Гордого». Столбы воды от падающих авиабомб вздымались между кораблями. Но каким-то чудом пока еще удавалось избегать прямых попаданий.

Отбомбившаяся четверка «юнкерсов» ушла, набирая высоту, но тут же появилась новая тройка. Не обращая внимания на «Аметист», всю ярость атаки немцы сосредоточили на эскадренных миноносцах. Два бомбардировщика ринулись на «Свирепый», а один камнем стал падать на поврежденный «Гордый».

«Свирепый» вздрогнул от новой резкой смены режима работы машин и крутой перекладки руля.

13:50

В машинном отделении «Свирепого» у маневровых клапанов нес вахту матрос Ручкин, бывший машинист волжского парохода, призванный на флот из Саратова.

С боевого поста Ручкина не было видно пикирующих на эсминец самолетов, и о том, что происходит наверху, можно было лишь догадываться по доносящимся в машинное отделение звукам.

Едва слышались залпы дальнобойных орудий главного калибра — это означало, что противника только что обнаружили и он еще сравнительно далеко. Стрельба орудий вспомогательного калибра говорила о том, что противник уже значительно ближе. А когда в грохот орудий вплеталась горячая стукотня пулеметов, это могло значить только одно — бомбардировщики прорвали заградительную завесу и пикируют прямо на эсминец. И тогда Ручкина охватывал даже не страх, а какая-то темная жуть. В помещениях ниже ватерлинии взрыв бомб даже на достаточном удалении от бортов корабля воспринимается совсем не так, как наверху. Гидравлические удары мнут и ломают подводную часть корпуса, насквозь прорезают барабанные перепонки людей, перехватывает дыхание от пиковых скачков давления. Через выбитые заклепки обшивки струйками начинает бить вода. Часто гаснет свет. И никуда не уйти от маневрового штурвала — корабль постоянно меняет ход и курс. Руки автоматически крутят тяжелое маневровое колесо, глаза следят за указателем оборотов...

Новый гром орудий говорит о том, что самолеты, сбросив бомбы, вышли из пикирования, и орудия бьют им вслед. Полный ход вперед. Малый ход вперед. Полный назад. Если бы Ручкину кто-то совсем недавно сказал, что он сможет работать в таком режиме, он бы и сам в это не поверил. Снова застрочили пулеметы, возвещая о том, что самолеты противника (в который уже раз!) несутся на эсминец...

14:00

С мостика «Гордого» капитан 3-го ранга Ефет видел, как один из «юнкерсов», прорвав стену заградительного огня, зашел на эсминец с кормы и с устрашающим ревом ринулся в пике. Пройдя над самыми мачтами эсминца, немец сбросил бомбу, которая со страшным грохотом разорвалась на палубе «Гордого».

Люди метнулись в разные стороны, прижались к переборкам. Раскаленные осколки с визгом пронеслись над боевыми постами, со звоном ударяясь о палубу и надстройки.

Тихо, не охнув, упал на палубу матрос Меркушин, убитый наповал. Скорчившись упал на колени, а затем повалился на настил мостика старпом капитан-лейтенант Евгений Красницкий, получивший смертельное ранение в живот. Тяжело был ранен в голову и упал на палубу с залитым кровью лицом комиссар Носиков. Убило вахтенного сигнальщика. В дальномерном посту возник пожар.

Стонали и кричали раненые, кровью были забрызганы переборки и палубы. На эсминце наступило короткое замешательство. Ослабла сила огня по самолетам, которые заходили в новую атаку.

Оглушенный и чудом уцелевший командир корабля вырвал людей из шокового состояния. Люди вздрогнули, услышав крик Ефета:

— Оружие к бою! Огонь!

Командир был страшен. Глаза его горели неестественным огнем, лицо перекошено яростью.

Снова заговорили орудия и пулеметы, сбивая самолеты с боевого курса...

Самолеты ушли. Начали собирать раненых, доставляя их в лазарет. Принесли и находящегося в бессознательном состоянии старпома Красницкого. Военфельдшер Иван Бурбан с воспаленными глазами, в окровавленном халате сделал старпому укол морфием, осмотрел

слепую рану в животе и горестно покачал головой. На короткое время к Красницкому возвратилось сознание, он попросил пить. Бурбан наложил ему мокрый тампон на побледневшие губы...

Эсминцы и сопровождающий их «Аметист» продолжали ковылять на восток. По левому борту чернели скалы южной оконечности Гогланда. И в довершение всех бед со «Свирепого» сообщили, что близкие разрывы авиабомб стали причиной повреждений в машине.

Капитан 2-го ранга Маслов предложил оставить «Гордый» на Гогланде, но, посоветовавшись, решили вместе добраться до Кронштадта.

14:15

Капитан-лейтенант Ныров — командир подводной лодки «Калев», осмотрев поверхность залива в перископ, приказал всплывать. По счислению они должны были находиться вблизи острова Гогланд и пребывать дольше в подводном положении было опасно.

После гибели «Якова Свердлова» и подводной лодки «С-5», а также подрыва «Гордого», что привело почти в полное замешательство ордер главных сил флота, «Калев» в наступившей вскоре темноте отбилсЯ от бригады.

Ночью простояли на якоре, а утром пристроились в небольшую колонну транспортов, надеясь с ними добраться до Кронштадта.

Затем начались воздушные атаки на транспорты.

Ныров пытался направить «Калев» в гущу оказавшихся в воде людей, сброшенных взрывами с палуб транспортов или прыгнувших за борт в поисках спасения, но немецкие летчики заметили подводную лодку и не дали ей подойти к месту гибели транспортов.

Первая авиабомба взорвалась метрах в пятидесяти от левого борта «Калева», накрыв подводную лодку волной. Вторая — прямо по курсу, тоже примерно метрах в пятидесяти.

Затем подводную лодку с бреющего полета атаковали два истребителя. По рубке хлестанула пушечно-пулеметная очередь. Сигнальщик был убит, а сам Ныров получил несколько ранений мелкими осколками разорвавшегося авиационного снаряда. «Мессершмитты» же лихо заложили вираж с явным намерением атаковать «Калев» еще раз.

Левая рука у капитан-лейтенанта Нырова повисла словно перебитая. Собрав все силы, командир сумел спуститься в центральный пост, задраив за собой люк и скомандовав срочное погружение.

«Калев» ушел под воду на пятнадцать метров. Под водой ясно слышался гул взрывов авиабомб на поверхности. Ныров собрал быстрое совещание комсостава. Комиссар лодки политрук Бондарев, помощник командира старший лейтенант Норд, штурман старший лейтенант Фомин, командир торпедно-артиллерийской части лейтенант Белоус и инженер-механик капитан-лейтенант Напитухин выслушали предложение командира продолжить дальше поход в подводном положении и согласились. Риск был очень большой. Никакой аппаратуры для подводного обнаружения мин на «Калеве», как, впрочем, и на всех остальных кораблях советского флота, разумеется, не было. Тем более, что всю предыдущую ночь на «Калеве», стоя на якоре, отгоняли от борта плывущие на лодку мины. Но интенсивность воздушных атак противника представляла столь большую опасность для таких уязвимых боевых кораблей, какими являются подводные лодки в надводном положении, что решили рискнуть*.

У капитан-лейтенанта Нырова оказалась перебитой ключица. Кроме того, парочка мелких осколков засела в предплечье. Фельдшер раны перевязал, но с ключицей в условиях подводной лодки ничего сделать не мог. Решено было добраться до Гогланда и сдать командира в

* Практически все участвующие в прорыве лодки, оторвавшись от своих отрядов, использовали ту же тактику.

тамошний лазарет для наложения гипса, а затем следовать в Кронштадт.

Всплыли в виду острова. Стоявший на мостике помощник командира старший лейтенант Норд еще издали увидел горящие суда на отмели у побережья и кружащиеся над ними самолеты.

На встречном курсе показался катер МО. Стоявший на его мостике усач с рупором крикнул:

— На остров не заходите! Нас непрерывно бомбят и обстреливают. Идите прямо в Кронштадт!

— У нас командир ранен! — прокричал в ответ Норд. — Хотели сдать в госпиталь. Ключица перебита осколком!

— Не умрет до Кронштадта! — проревел усач. — Уходите!

Стоявший рядом с Нордом на мостике «Калева» старший лейтенант Фомин узнал в усаче начальника штаба ОЛС капитана 2-го ранга Святова, о чем и сообщил Норду. Помощник спустился в центральный пост и доложил все Нырову.

— Следовать в Кронштадт, — приказал Ныров, морщась от боли. — Быть готовыми к срочному погружению. Физическая боль вернула Нырову и боль душевную, несколько заглушенную в горячке вчерашнего дня и ночи. Он снова вспомнил свою невесту, оставшуюся в горящем и уже захваченном противником Таллинне, которой он не только не смог ничем помочь, но даже не сумел просто с ней увидеться.

14:30

Капитан парохода «Аусма» Рудольф Кунтсберг и его первый штурман Альберт Стиркиш, стоя на крыльях ходового мостика, беспокойно вглядывались в ярко-голубое небо.

«Аусма», следовавшая в 3-м конвое, отстала от других транспортов утром, когда те неожиданно увеличили ход. Пятидесятидвухлетнему пароходу увеличение ско-

рости было не под силу. Он продолжал плестись по Финскому заливу со скоростью пять узлов.

Несколько раз в небе над ними показывались немецкие бомбардировщики, но пролетали дальше, стремясь в первую очередь настичь корабли и суда, ушедшие далеко вперед, и справедливо полагая, что отставшими тихоходами заняться будет никогда не поздно.

Около часа дня два бомбардировщика с большой высоты сбросили на «Аусму» несколько бомб. Все они упали в море на большом удалении от судна, которое продолжало идти дальше к открывшемуся на горизонте Гогланду.

Гогланд приближался. За корму уже проплыл остров Родшер со своим знаменитым маяком. И тогда со стороны Гогланда появилась тройка пикирующих бомбардировщиков «Ю-87».

На этот раз не было никаких сомнений, что они решили заняться именно «Аусмой». Тем более, что вокруг не было больше никого.

— Передавай SOS! — успел приказать капитан Кунтсберг радисту Артурсу Мелнгалльвису, когда самолеты уже были прямо над головой.

Кунтсбергу показалось, что на «Аусму» было сброшено не меньше сотни бомб. Такой лес от водяных столбов поднялся по обоим бортам старого парохода. В действительности их было примерно десять.

Одна из них со страшным громом рванула в кормовом трюме, вторая — в машинном отделении. «Аусма» окуталась дымом и паром, став быстро оседать кормой.

Старший механик Бергманис доложил на мостик, что разбит главный паропровод, машинное отделение затоплется водой. Взрывом бомб были сорваны со шлюпбалок спасательные шлюпки. Первая из них упала за борт вверх килем, вторая оказалась разбитой в щепу.

Уцелевшие пассажиры стали кидаться за борт. Спасение людей организовано не было. Каждый спасался, как мог.

«Аусма» со свистом и шипением стала валиться на борт, погружаясь кормой.

К этому времени самолеты развернулись для второго захода. Возможно, они решили не тратить бомбы, видя, что пароход погибает, а возможно, бомб у них уже не было. Недаром они прилетели со стороны Гогланда. Немецкие самолеты уже метались над заливом в поисках целей. Во всяком случае, пройдя на бреющем полете, они только обстреляли из пулеметов гибнущую «Аусму» и людей, барахтающихся в воде вокруг нее.

Все еще находящиеся на мостике Кунтсберг и Стиркишс упали на настил, слыша, как цокают пули по надстройке и сыпятся стекла в ходовой рубке.

С трудом удерживаясь на ногах на накренившемся мостике, капитан Кунтсберг увидел, что несколько катеров стремительно приближаются к месту гибели «Аусмы». За ними степенно дымил буксир.

Один из катеров прошел вдоль накренившегося борта «Аусмы», на ходу вытаскивая из воды людей. Стоявший на катере свирепого вида морской офицер с чапавскими усами, увидев Кунтсберга и Стиркишса на мостике, гаркнул в мегафон:

— На мостике! Давайте оба в воду! Хватит героизмовать!

Когда капитана Кунтсберга вытаскивали на катер, «Аусма» уже легла правым бортом на воду и медленно уходила под воду, переворачиваясь килем вверх.

14:45

Военком 94-го отдельного артиллерийского дивизиона Иван Ечин с палубы стоявшего без хода транспорта «Шауляй» наблюдал, как спасательное судно «Метеор» подает свою корму под нос транспорта, чтобы взять его на буксир.

Палуба «Шауляя» была заполнена артиллеристами трех батарей с острова Аэгна, а трюмы — артиллерийским имуществом. Ечин сам контролировал погрузку,

приказав захватить с острова все что можно взять, а остальное взорвать или сжечь. Его артиллеристы доставили на «Шауляй» даже два счетверенных зенитных пулемета, ставших большим подспорьем к скудному вооружению транспорта.

Вместе с командиром дивизиона майором Барановским военком Ечин не сходил с верхней палубы транспорта, стараясь успокоить своих подчиненных, деморализованных уничтожением своих батарей и раздающимися в ночи взрывами.

Для самого «Шауляя», простоявшего ночь на якоре, утро 29 августа прошло спокойно. Транспорт отбил от разгромленного конвоя и шел самостоятельно. Время от времени над ним появлялись самолеты противника, но с помощью счетверенных зенитных установок их удавалось отгонять.

Несколько удивляло, что на судне всем распоряжались помощники. Не было капитана, бесследно исчезнувшего к моменту выхода из Таллинна. Его обязанности выполнял старший штурман Слисорайтис. В машине, за отсутствием старшего механика, распоряжался второй механик Пушкатис. Куда девался старший механик, или «дед», никто тоже толком не знал. По одним сведениям, оба дезертировали, по другим — были арестованы и расстреляны особым отделом КБФ. Литовский экипаж казался Ечину очень подозрительным, и его не успокаивало, что на судне был военный комендант — молодой лейтенант по фамилии Ядрыня.

Однако все шло хорошо, и вскоре «Шауляй» оставил за кормой маяк Родшер, продолжая идти к поднимающемуся из воды острову Гогланд.

Именно со стороны Гогланда неожиданно появилась пятерка пикировщиков, стремительно бросившихся на «Шауляй» как стая изголодавшихся хищных птиц. Разделившись на две группы — три машины в одной, две в другой — «юнкеры» атаковали транспорт, заходя с разных курсовых углов.

Транспорт стал медленно и неуклюже разворачиваться. Одна бомба грохнула под правой скулой судна, обдав палубу тоннами воды и осколочным дождем. Закричали раненые, ничком падали убитые.

Вторая бомба рванула на корме, разметав и сбросив за борт сгрудившихся там людей. Третья взорвалась под самой кормой, повредив винт. В кормовой части палубы возник пожар, и если бы он перебросился на набитый артиллерийскими снарядами трюм, всем бы пришел конец. К счастью, с пожаром удалось быстро справиться.

Матросы с помощью артиллеристов развернули шланги и, переступая через убитых и раненых, лежащих на палубе, сбили пламя.

«Шауляй», лишившись хода, дрейфовал в юго-восточном направлении. Все с ужасом ждали возвращения самолетов, но вместо них увидели три небольших суденышка, идущих со стороны Гогланда.

Ими оказались: спасательное судно «Метеор», буксир «Тазуя» и тральщик № 21.

В этот момент откуда-то с севера появился одинокий бомбардировщик, идущий на малой высоте. По известным только ему причинам, немецкий пилот решил атаковать «Тазую», предпочтя буксирный пароход огромному, дымящемуся от только что потушенного пожара, дрейфующему «Шауляю».

Когда огромный столб воды закрыл «Тазую», Ечину показалось, что буксир разлетелся на куски. Но столб медленно осел и снова открылась «Тазуя» с пробоинами в дымовой трубе, но без каких-либо других видимых повреждений. Но повреждения все-таки, наверное, были, поскольку тральщик подошел к «Тазуе» и пришвартовался к ней лагом, а «Метеор» направился к «Шауляю», чтобы взять его на буксир.

Ечин видел, как матросы завели буксирный конец за носовые кнехты. «Метеор» пронзительно загудел, натянул буксир и «Шауляй» медленно пополз вслед за спасателем по направлению к Гогланду.

15:00

С сигнального мостика сторожевого корабля «Буря» матрос Супруненко смотрел в бинокль, как на Гогланде, положив кили на сушу, догорают несколько транспортов. Пламя вставало над ними почти вертикально, в небо клубами поднимался черный и бурый дым.

Супруненко опустил бинокль.

Неужели вот эти догорающие у Гогланда транспорты, да мелкие суденышки, разбросанные по заливу, — это все, что осталось от трех огромных караванов?

После того, как его ошеломленного и перемазанного мазутом вытащили на «Бурю» с переломившегося пополам «Снега», Супруненко, придя в себя, почувствовал, что он не может вот так, скрючившись, сидеть на мокрой и переполненной палубе «Бури» вместе с другими спасенными. Он набрался смелости и поднялся на мостик сторожевика, где доложил о себе командиру «Бури» капитан-лейтенанту Маклецову, сообщив, что он командир отделения сигнальщиков с погибшего сторожевика «Снег». И попросил разрешения нести сигнальную вахту.

Маклецов разрешил, но приказал привести себя в порядок и переодеться. Супруненко получил сухую робу и заступил на вахту.

Ночь «Буря» простояла на якоре и лишняя пара тренированных глаз сигнальщика очень пригодилась для своевременного обнаружения плывущих навстречу мин.

С рассветом сторожевик начал движение. Перегруженный, тяжело осевший в воду корабль медленно шел в восточном направлении.

Все каюты, помещения и проходы были забиты спасенными, которых при подсчете оказалось 218 человек. Почти в три раза больше допустимой максимальной нагрузки. Другими словами, «Буря» еле держалась на плаву. И будь у нее менее опытный командир, чем капитан-лейтенант Алексей Маклецов, еще неизвестно, чем бы весь этот поход закончился.

Супруненко, служивший в дивизионе «плохой погоды» еще до войны, хорошо знал капитан-лейтенанта Маклецова, командовавшего «Бурей» с самого открытия боевых действий. Ему не впервой было действовать в условиях почти тройной перегрузки своего корабля спасенными.

Еще в конце июля «Буря» пыталась буксировать подорванный эсминец «Смелый», одновременно отражая налеты вражеской авиации, пытавшейся добить поврежденный корабль. Спасти «Смелый» не удалось и Маклецов принял к себе на борт его команду. А это было почти 270 человек!

Отбиваясь по пути от самолетов, «Буря» доставила их всех в Кронштадт. Это при собственном экипаже в 110 человек!

У капитан-лейтенанта Маклецова была мысль пересадить спасенных на какой-нибудь транспорт, но, как ни странно, ни одного транспорта им по пути не повстречалось. Они видели пролетающие вдали самолеты, слышали на удалении взрывы авиабомб, иногда замечали на горизонте поднимающиеся в небо столбы черного дыма, но до самого Гогланда не встретили никого и ни разу не были атакованы авиацией. Для Финского залива случай сам по себе уникальный.

На мостике «Бури» обсуждался вопрос и о заходе на Гогланд, чтобы там высадить спасенных. Но вид горящих на отмели транспортов и рой кружащихся над островом самолетов противника отбил охоту туда заходить. Решили не искушать судьбу, а идти прямо в Кронштадт.

Единственный уцелевший корабль из погибшего целиком арьергарда контр-адмирала Ралля, обойдя с юга остров Гогланд, продолжал путь в Кронштадт, почти черпая бортами воду.

15:20

Отсчет времени просто не существовал для матроса Иннокентия Дубровского, после того как он вечером предыдущего дня успел выпрыгнуть за борт гибнущего эсминца «Калинин». Он не помнил, как проплавал всю ночь без спасательного пояса, как его вытащили на катер, где он потерял сознание, как катер подошел к деревянному пирсу Гогланда.

Он даже не понял как попал на берег и окончательно очнулся от грохота взрыва, обнаружив себя в толпе бегущих куда-то таких же как он, голых, перепачканных мазутом людей.

Группа людей спряталась за какой-то скалой. Немецкие самолеты носились низко над островом, время от времени постреливая из пулеметов. Летчики явно резвились, летая с открытыми фонарями и бросая в толпы бегающих от скалы к скале людей ручные гранаты «лимонки». Дубровский видел, как сброшенная таким образом граната разорвалась среди группы спасенных, часть из которых была в невообразимом тряпье, а часть — совершенно голыми. Несколько человек упали убитыми, страшно закричали раненые, а остальные, почти воя от ужаса, ринулись бежать к соседней скале. А оттуда, навстречу им, с такими же криками бежала другая группа.

Люди, среди которых оказался Дубровский, лежали, прижавшись голыми телами к холодному граниту скалы. Снова раздался рев авиационного мотора, и Дубровский успел заметить, как летчик, перегнувшись через борт, швырнул вниз гранату. Матросу показалось, что граната летит прямо на него. Отлепившись от спасительной скалы, он побежал дальше, разбивая ноги об острые камни. Где-то сзади грохнул взрыв. Дубровский упал. Сверху посыпались комья земли и осколки валунов.

Раздирая в кровь колени, Дубровский забрался на скалу, с которой была видна бухта с горящими на мели транспортами.

К пирсу постоянно подходили тральщики и катера, выгружая на берег толпы спасенных.

А над бухтой барражировала немецкая авиация, бомбя и расстреливая из пулеметов все вокруг. Столбы воды, желтые от поднятых тонн песка и ила, поднимались между снующими вокруг суденышками. Высадившиеся люди бегом устремлялись от причалов, ища спасения в скалах и за деревьями.

Маленький буксир втягивал в бухту огромный, дымящийся транспорт, чьи палубы были заполнены бойцами. Вокруг транспорта поднимались столбы воды от близких разрывов авиабомб. Самолеты делали заход за заходом. Дубровский даже закрыл воспаленные глаза, чтобы не видеть, как в транспорт попадет авиабомба.

15:35

А у капитана 2-го ранга Святова были свои проблемы.

Среди спасенных на Гогланде оказалось около тридцати уполномоченных особых отделов НКВД со всей Прибалтики. После расстрела капитан-лейтенанта Афанасьева, командира эсминца «Ленин», Святов, по его собственному признанию, возненавидел особистов и всю их проклятую службу.

Высаженные на остров особисты быстро, как волки, сбились в стаю и стали хватать мечущихся по острову голых и полуголых людей, расстреливая их за паникерство. Разумеется, это только увеличивало панику, и Святов решил побыстрее спровадить особистов в Ленинград, опасаясь, что они перестреляют всех спасенных, находящихся на острове.

Вернувшись в гавань на морском охотнике, на котором он лично ходил в море к месту гибели «Аусмы», капитан 2-го ранга с каменным лицом выслушал доклад капитана 3-го ранга Барабана о бесчинствующих на острове операх.

— Знаешь, Иван Георгиевич, — понизил голос Барабан, — они даже кого-то расстреливают в лесу.

Святов приказал Барабану быстро собрать их всех и на чем-нибудь отправить в Ленинград. Барабан доложил, что сейчас под рукой нет ничего, кроме парусно-моторной шхуны. Но погода тихая — дойдут.

Через некоторое время он ворвался на командный пункт Святова, доложив, что особисты наотрез отказываются выходить в море на шхуне. Святов сам поспешил на пристань. Около шхуны стояла вся группа чекистов.

— В чем дело? — грозно спросил Святов. — Почему отказываетесь идти на шхуне?

Высокий, уверенный в себе особист стрельнул в капитана 2-го ранга настороженно-подозрительным взглядом, играя пальцами по деревянной кобуре маузера, висевшей у него на ремне.

— Ты что, угробить нас хочешь? Давай нам эсминец!

— Эсминцев у меня нет! — вспылил Святов. — Выполняйте мой приказ!

— На шхуне никуда не пойдём! — столь же резко ответил особист.

На причал уже спешил Барабан, ведя за собой отделение матросов с винтовками.

Святов выхватил пистолет, направив его на чекиста с маузером. Матросы щелкнули затворами.

— Считаю до трех! — предупредил Святов. — Марш на шхуну! Или всех положу прямо здесь.

При счете «два» чекист с маузером стал карабкаться на шхуну. За ним последовали остальные.

— Отваливай! — приказал Святов шкиперу.

Шхуна ушла, а у Святова появилась тема для весьма мрачных размышлений. «Если шхуна погибнет, — полагал он, — мне крышка. Если дойдет до Кронштадта, то тоже жди неприятностей. Особисты — народ обидчивый. Припомнят, как я их выпроваживал с Гогланда».

Но все обошлось*.

* Этот эпизод взят из неизданных мемуаров контр-адмирала И.Г.Святова «Корабли и люди».

15:50

Бойцы и командиры 91-го отдельного артиллерийского дивизиона первыми сошли на берег с борта транспорта «Шауляй», приведенного спасательным судном «Метеор» в бухту Сууркюля.

Пока катера и шлюпки доставляли на берег Гогланда остальных, майор Барановский решил проверить наличие людей своего дивизиона, а военком Ечин хотел отправиться в штаб местного гарнизона, чтобы организовать разгрузку транспорта. Ведь они вывезли с острова Аэгна фактически все, кроме самих двенадцатидюймовых орудий.

Но едва прозвучала команда «Становись!», как все остальное заглушил рев авиационных моторов и жесткая дробь пулеметных очередей.

— Ложись! — успел крикнуть кто-то. Часть бойцов повалилась на землю прямо около причала, часть — ринулась в рассыпную к прибрежным скалам, ища укрытия.

Военком Ечин также ринулся в укрытие и упал на землю, слыша знакомый, вынимающий душу вой пикирующих бомбардировщиков и свист падающих бомб. Загремели взрывы.

Подняв голову, Ечин увидел, как столб пламени поднялся прямо посредине «Шауляя». Транспорту снесло дымовую трубу, на нем начался сильный пожар.

Еще две бомбы упали у бортов транспорта, подняв столбы воды и ила, а четвертая угодила в кормовой трюм с боеприпасами.

Огненный смерч поднялся на высоту сотни метров. Во все стороны полетели горящие обломки. Часть этих обломков упала прямо на головы лежащих в укрытии людей. Вспыхнуло несколько сосен.

Пылающий транспорт стал быстро оседать в воду. Подскочивший к нему буксир стал отталкивать «Шауляй» с середины бухты к каменистой отмели в ее южной части. Бушующее на «Шауляе» пламя лизало буксир, но

тот с героическим упорством продолжал отпихивать транспорт на мель.

Палуба «Шауляя» была разворочена, из трюмных люков вырывалось пламя. Горела и разбитая надстройка.

К удивлению Ечина, на судне еще были живые люди. Прямо из языков пламени они прыгали вниз — на бак буксира. Стоявший рядом «Метеор» поливал буксир струями воды из своих шлангов.

Наконец «Шауляй», слегка накренившись, вылез на камни, продолжая гореть. Неподалеку все еще горели «Серп и Молот» с «Люцерной».

Глядя на пламя, вырывающееся из трюмных люков выброшенного на камни «Шауляя», военком Ечин позднее вспоминал, что никогда еще не испытывал такого горького разочарования.

«Хоть немцам не досталось», — успокаивал он себя.

16:05

Капитан транспорта «Калпакс» Эрнст Вейнсбергс продолжал держать судно в кильватер «Атису Кронвалдсу», шедшему впереди.

Последние два транспорта, уцелевшие от 1-го конвоя, держались вместе весь день, уклоняясь от непрерывных атак авиации противника. Бомбы падали у бортов, обрушивая на пароходы водяные столбы и стальной душ раскаленных осколков, но ни одна бомба в цель не попала.

Оба судна благополучно миновали Гогланд и вскоре справа по носу перед ними открылся остров Лавенсари.

На мостике «Калпакса» вместе с капитаном находились: старший помощник Шверст и второй штурман Коппель. Матрос Кокоришс стоял на руле. В трюмах «Калпакса» находилось более 1000 раненых, которых обслуживала бригада медиков во главе с военврачом Копыриным и молодой выпускницей Военно-медицинской академии Татьяной Разумеенко, которая весь день под бомбами продолжала оперировать раненых.

Налетов было не меньше сорока. Но теперь, когда за кормой уже начали таять очертания острова Гогланд, а по носу вылезал из воды Лавенсари, все облегченно вздохнули и если и посматривали в небо, то в ожидании увидеть наконец свои истребители.

Две тройки самолетов, приближающихся на бреющем полете с восточного направления, сначала вызвали даже вспышку радости. Самолеты были небольшие, изящные и никак не напоминали угловато-горбатые силуэты немецких бомбардировщиков.

Крупнокалиберные очереди, ударившие по ходовой рубке и командному мостику «Калпакса», рассеяли все иллюзии относительно принадлежности самолетов.

Посыпались стекла. Ходовая рубка была обложена мешками с песком, но это помогло мало.

Убитым наповал свалился на штурвал рулевой Кокориш. Схватился за бок и стал оседать на настил капитан Вейнсбергс. На рубке были убиты расчеты обоих пулеметов. К штурвалу встал второй штурман Коппель, а затем матрос Лобучкин.

Истребители развернулись и сделали еще один заход на «Калпакс». Новый ливень свинца. Свалился на окровавленный настил матрос Лобучкин. Штурман Коппель был сражен очередью и упал мертвым прямо на умирающего Лобучкина.

Старший штурман Шверст занял место у штурвала. За телеграфом остался стоять капитан, на боку которого расплывалось кровавое пятно. Кровь сочными каплями падала на настил. Хотя на «Калпаксе» была целая бригада медперсонала, никто из них на мостике не появился. А «мессершмитты» развернувшись пошли на третий заход, ведя огонь из пушек и пулеметов.

Убило матроса Михалкина, который поднимался на мостик, чтобы встать к рулю. Срезало двух сигнальщиков, повис на леерах военный комендант. На залитом кровью мостике и разбитой рубке грудой лежали убитые и раненые. Остался один старший штурман Шверст.

Он остался один, потому что истекающий кровью капитан Вейнсбергс потерял сознание.

Шверст стоял на руле, бросался к машинному телеграфу, управляя машиной, выскакивал на мостик, следя за воздушной обстановкой. И в этот момент появились бомбардировщики, нагоняя пароход с кормы. Видимо, от Гогланда их навели истребители, которые сделав три захода на «Калпакс», стремительно набрали высоту и ушли на запад.

16:20

Наверное, эта девятка «юнкеров» долго искала цель, поскольку пикировщики навалились на «Калпакс» с небывалым остервенением. Одна за другой в транспорт попали три бомбы.

Первая бомба попала в самый большой 2-й трюм, набитый ранеными. Взрыв поднял в воздух вместе со снопом пламени десятки человеческих тел. Хлынувшая в трюмы вода быстро убила тех, кто возможно еще уцелел при взрыве и не был оглушен.

«Калпакс» стал садиться носом.

Вторая бомба угодила в набитый ранеными 1-й трюм, и ее взрыв смешался со страшным воем погибающих.

Третья бомба вывела из строя машинное отделение.

Бесцельность дальнейшей борьбы стала очевидна старшему штурману Шверсту. Он дал команду в машинное отделение спускать пар и выгрести жар из котлов, чтобы избежать взрыва.

Раненые и пассажиры металась по палубе.

Шверст дал команду спускать шлюпки, чтобы подобрать выброшенных за борт пассажиров и попытаться доставить их на Лавенсари. Вторую шлюпку он попытался спустить сам с помощью кого-то из пассажиров. Неожиданно концы оборвались, и шлюпка упала в воду вверх килем.

Судно быстро погружалось. Спасать раненых, уцелевших в кормовых трюмах, уже не было времени. Схватив

нож, Шверст подбежал к закрытым трюмам, где находились раненые, и стал резать брезенты, не жалея ладоней и ногтей, чувствуя, как палуба уходит у него из-под ног.

16:30

Понимая, что он уже никому не в силах помочь, военврач Копырин сбросил в воду спасательный круг и прыгнул за борт тонущего «Калпакса». Вынырнув на поверхность, врач увидел в нескольких метрах от себя девочку-подростка. Копырин подогнал к ней круг и помог закрепиться на нем. Будучи хорошим пловцом, сам доктор поплыл дальше. Вскоре он натолкнулся на толстый деревянный брус и ухватился за него. Теперь можно было плыть и ждать, пока подберут.

Вдруг Копырин услышал женский голос, зовущий на помощь. Толкая впереди себя брус, Копырин поплыл на голос. Вскоре он увидел тонущую женщину. Это была его помощница на судне — хирург Татьяна Разумеенко. Она из последних сил держалась на поверхности воды. Подплыв к ней, Копырин отдал помощнице брус. Вдвоем держаться за него было невозможно — брус погружался в воду.

Сказав женщине несколько ободряющих слов, Копырин поплыл дальше искать что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. Больше его никто не видел...

Татьяна осталась одна. Неожиданно к ней подплыл, держась за доску, тот самый матрос Шуваенко, которому она накануне делала операцию. Вместе они подобрали еще несколько досок. Матрос разбинтовал свои раны и связал бинтами все доски вместе. Получился плотик, на котором держаться было легче, чем на доске. Матрос Шуваенко стонал и скрипел зубами. У него открылось кровотечение, раны разъедала соленая вода. Он стал временами впадать в забытие.

Становилось все холодней. Закоченевшая Татьяна все же нашла в себе силы поддерживать слабеющего спутника и ободрять его. К счастью, море было спокойным.

Утлый плотик из досок, скрепленных бинтами, не выдержал бы даже небольшого волнения.

16:40

Лейтенант Александровский со своего командного поста управления зенитной артиллерией правого борта следил, как большие черные шары медленно подтягиваются к реке, сигнализируя, что крейсер «Киров» остановился. И стоит без хода.

Корабль прогремел якорь-цепью на Большом Кронштадтском рейде. По правому борту в легкой дымке виднелись очертания до слез родного Кронштадта: купол Морского собора, трубы завода, темные силуэты фортов, железобетонным частоколом протянувшиеся от северного до южного берегов залива.

Последний налет отряд выдержал у острова Лавенсари, после чего адмирал Трибуц приказал убрать параваны и идти дальше, увеличив ход до 15 узлов (чтобы не отстал «Суур-Тыл»). До Кронштадта дошли — не заметили.

Кто-то вспомнил, что сегодня субботний день — увольнение. Все рассмеялись. Где-то на южном берегу устрашающе гремела канонада, в небо поднимался черный дым. Боевая трансляция время от времени объявляла о готовности к воздушной тревоге.

Не успел «Киров» стать на якорь, как к его борту подлетел пограничный катер. Моряки вновь образовали живой конвейер, передавая на катер ящички и мешочки с ценностями Эстонского банка.

Наконец прозвучал отбой, и Александровский направился в кают-компанию. По дороге он был остановлен резкой командой: «Смирно! Встать к борту!» На катер сходил адмирал Трибуц.

В кают-компании Александровский застал контр-адмирала Дрозда, командира крейсера капитана 2-го ранга Сухорукова, военкома Столярова и командующего 10-м стрелковым корпусом генерала Николаева.

Адмирал Дрозд обратился к офицерам с казенным поздравлением по поводу «завершения похода». Потрясенный генерал Николаев был более понятен. «За два месяца я видел войну в различных и многообразных проявлениях. Приходилось проскакать минные поля, быть под артиллерийским обстрелом, выдерживать массивные бомбовые удары, видеть гибель людей. Но такого состояния, какое было у меня на переходе, никогда не испытывал и, вероятно, вы, моряки, меня не поймете. После этого перехода никакое сражение на суше удивить меня не может. Такого сложного переплета боевых событий в такой короткий по времени срок на земле быть не может. Подумать только — корабль на минном поле и по нему бьет артиллерия, пикируют самолеты, охотятся подводные лодки и катера. Все это одновременно, да еще к тому же корабль на волне раскачивается...»

Лейтенанту Александровскому генеральская патетика была не совсем понятна. Для молодого офицера переход из Таллинна в Кронштадт мало чем отличался от любого другого боевого похода. Бывало и похуже. Например, при прорыве из Моонзунда.

Мины, правда, нервировали немного. Но, в основном, практически весь переход лейтенант Александровский провел на своем СПН. В перерыве между налетами немецкой авиации он занимался тем, что составлял дефектную ведомость на вверенную ему материальную часть и список того, что в первую очередь надо бы получить со складов по прибытии в Кронштадт. Ну а во время налетов пикировщиков просто не было времени для каких-то страхов и переживаний.

А потому он решил, что генерала Николаева просто укачало. Это всегда бывает с сухопутными начальниками, когда они впервые выходят в море на боевом корабле.

16:50

Старший штурман транспорта «Калпакс» Шверст, пытаясь открыть люки кормовых трюмов, чтобы дать находящимся там раненым хотя бы теоретический шанс к спасению, не успел вовремя покинуть тонущее судно и был затянут водоворотом, образовавшимся на месте гибели транспорта. Вместе с погружающимся пароходом его со страшной силой затянуло вниз, и только когда «Калпакс» опустился на дно залива, а оставшийся в нем воздух вырвался из корпуса как пробка из бутылки, Шверста выбросило на поверхность.

Отдышавшись, он немного пришел в себя и смотрел, как самолеты пикируют на ушедший далеко вперед «Атис Кронвалдс». Он поймал себя на мысли, что не испытывает никаких эмоций: ни ненависти к самолетам противника, ни горечи по поводу гибели собственного судна. Шверст впал в какую-то прострацию. Ему казалось, что он смотрит страшный фильм.

Вдали чернел остров Лавенсари, и Шверст решил попытаться добраться до него. Ни круга, ни спасательного жилета у него не было. Он даже радовался этому обстоятельству, поскольку как опытный моряк знал, что плывущие на спасательных кругах, как правило, незаметно коченеют и гибнут. Проплыв немного, он наткнулся на одинокое бревно, ухватился за него и тут же заснул. Или потерял сознание. Он не мог сказать точно. Через некоторое время он проснулся (или очнулся) от того, что ушел под воду. С шумом вынырнув на поверхность, Шверст обнаружил спасительное бревно уже в нескольких метрах от себя. Догнать его снова оказалось совсем не так легко, как ему показалось вначале. Ветер и волны уносили бревно с гораздо большей скоростью, чем мог плыть сам Шверст.

Он истратил много сил и времени, чтобы догнать этот спасительный кусок дерева, а догнав и ухватившись за него, снова заснул или потерял сознание. На этот раз

скорее заснул, поскольку в воспаленном мозгу начали багроветь какие-то кошмары. Очнувшись, хлебнув соленой воды, Шверст обнаружил, что бревно опять уплыло далеко от него. Ему, как и всем спасшимся с погибшего «Калпакса», предстояло бороться за жизнь еще долго — до следующего утра, когда вышедшие наконец с острова Лавенсари катера начали спасать тех, у кого хватило сил продержаться все это время в холодной воде.

На поверхности воды попеременно плавали мертвые и живые. Мертвые косяками, живые — одиночками. С катеров длинными крюками дотягивались до человека и, если тот не подавал признаков жизни, шли дальше. Когда катер проходил мимо старшего штурмана Шверста, он уже настолько заоченел, что уже не мог не только пошевелиться, но и закричать. Он мог еще только моргать. Чисто случайно именно это и заметили с катера, зацепили крюком и вытащили на борт. Его растерли спиртом, влили, разжав челюсти, водки с кипятком, перевязали рану на ноге, о которой Шверст даже не знал, и положили отсыпаться в тепло моторного отсека.

17:05

Адмирал Пантелеев с волнением смотрел на величественный силуэт Кронштадтского Морского собора, еще не отдавая себе полностью отчета в том, что подбитый «Минск» все-таки добрался до Кронштадта.

«Минск» и «Ленинград» вместе отдали якорь на Большом Кронштадтском рейде. Плавание на «Минске» из Таллинна в Кронштадт продолжалось для адмирала Пантелеева чуть более суток, но он понимал, и не ошибся в этом, что до конца жизни не избавится от потрясений и впечатлений, полученных в этой операции.

Громада крейсера «Киров» темнела в нескольких кабельтовых от левого борта. Флага командующего на крейсере не было. С «Минска» запросили прожектором местонахождение адмирала Трибуца и получили ответ, что командующий отбыл на берег в штаб КБФ.

Адмирал Пантелеев распорядился подать катер.

Вместе с военкомом штаба Серебрянниковым, адмирал Пантелеев шел на катере к причалу и думал: не кошмарный ли сон все это?

Ведь, кажется, совсем недавно он уходил с этого рейда в Таллинн, ведя за собою боевые корабли. Гремела музыка. Воевать, если потребуется, все собирались на чужой земле и в чужих водах. Любимой песней была «Любимый город, можешь спать спокойно...» А теперь с огромными потерями им удалось вырваться из таллиннской ловушки и прорваться в Ленинград, на подступах к которому уже стоят войска противника.

Вот и знакомая лестница штаба флота. Старинные, с маятником, большие часы на площадке. Адмирал шел по длинному коридору, заглядывая во все кабинеты. Кабинеты были пусты — все находились в столовой, где ужинали в присутствии командующего. Пантелеев отправился в столовую.

Свою встречу с адмиралом Трибуцем сам Пантелеев описал следующим образом:

«Трибуц оживился, развел руками:

— Начальник штаба! Вы же погибли с «Минском»? Мы вас уже помянули!

— Никак нет, — отвечаю, — «Минск» ранен, стоит здесь на рейде, а я всего лишь проголодался...

Раздался всеобщий смех.

Но комфлота не сдавался:

— Начальник штаба, у вас неточные сведения: вы погибли. Ну да ладно, ужинайте. После установим, вы это или ваша тень...

Разговор за столом шел очень весело.

Считая, что для веселья за столом были все основания, Пантелеев все-таки почувствовал, что адмирал Трибуц находится в состоянии «нервного возбуждения» и «озабочен». Вскоре ему стала ясна и причина: завтра в Кронштадт должен прибыть сам нарком ВМФ адмирал Кузнецов вместе с Лаврентием Берия.

— Сколько транспортов дошло до Кронштадта? — поинтересовался Трибуц.

— Пока ни одного! — ответил ему начальник ОВРа капитан 1-го ранга Ладинский.

Сам Трибуц не видел ни одного транспорта со вчерашнего дня.

Не видел их и Пантелеев. Правда, когда «Минск» и «Ленинград» проходили Лавенсари, далеко за кормой угадывались чьи-то дымы. Возможно, это были какие-то транспорты.

А от капитана 2-го ранга Святова, находившегося на Гогланде, пока также не поступало никаких донесений.

Но адмирала Пантелеева пока больше интересовал вопрос, кто и на каком основании доложил командующему флотом о гибели «Минска»?

Капитан 1-го ранга Питерский, сидевший неподалеку, наклонился к Пантелееву и объяснил: «В самый разгар боя с немецкими самолетами на крейсере перехватили чью-то искаженную радиограмму... Ясно было только одно: «Минск» подорвался на mine. Ну, а ведь это обычно плохо кончается. Вот и записали вас в покойники!»

Адмирал Пантелеев не мог понять, с какими самолетами дрался «Киров», когда «Минск» подорвался на mine. Ведь было уже совсем темно. Но дальше углублять эту тему не стал.

17:20

Артурс Эмсинь, капитан транспорта «Атис Кронвалдс», как человек суеверный не верил, что ему удастся благополучно довести пароход до Ленинграда. Он хорошо знал, что случилось в Таллинне с его предшественником капитаном Мартином Какстом и почти половиной его экипажа, расстрелянными в Таллинне по приговору военного трибунала. Капитан Эмсинь верил, что души покойных мстят живым.

Но тем не менее «Атис Кронвалдс» благополучно избежал мин в страшную ночь с 28 на 29 августа, а весь

сегодняшний день вместе с «Калпаксом» удачно увертывался от немецких бомб.

Самолеты налетали в среднем каждые сорок минут по три, по четыре, иногда — по девять машин. Бомбы падали у бортов, но от них удавалось достаточно легко уклоняться.

«Атис Кронвалдс» вез более тысячи человек раненых и эвакуируемых. Ночью и на рассвете катера передали на борт дополнительно около сотни подобранных из воды людей.

На мостике вместе с капитаном находился второй штурман Раутенчилдс, на руле стоял матрос Кибулис.

Благополучно прошли Гогланд, держа курс дальше на восток. На северо-востоке уже открылся остров Лавенсари, когда с кормы были замечены самолеты, нагоняющие оба транспорта.

На этот раз они занялись «Калпаксом», но вскоре появилась еще одна группа из четырнадцати машин! В течение всего сегодняшнего дня самолеты еще не атаковали пароход в таком количестве.

Первыми над «Кронвалдсом» пронеслась тройка истребителей, обстрелявшие мостик и пассажиров на палубе из пулеметов.

Капитану Эсминю обожгло руку. Выяснилось, что крупнокалиберная пуля перебила ему предплечье левой руки. На крыше рубки убило сигнальщика, а в самой рубке — рулевого Кибулиса.

К штурвалу встал 3-й штурман, а Эсминь управлял телеграфом.

В этот момент на судно в атаку с разных курсовых углов ринулись бомбардировщики.

Поддерживая перебитую руку, капитан Эсминь выбежал на крыло мостика. Он успел дать команду на руль, когда первая из сброшенных бомб угодила прямо в ходовую рубку.

Взрывной волной капитана выбросило за борт. Спасательный пояс выбросил его на поверхность. Глотнув

воздуху, Эмсинь увидел, что «Атис Кронвалдс» горит, оседая носом.

Перебитая рука онемела. Голова раскальвалась от боли, но он пытался плыть, подгребая одной здоровой рукой.

17:35

Журналисту Николаю Брауну, подобранному из воды после гибели ледокола «Кришьянис Вальдемарс» и пересаженному ночью на «Атис Кронвалдс» казалось, что они доберутся до Ленинграда. С таким мастерством опытный капитан увертывался от немецких бомб, продолжая пробиваться на восток.

Браун видел, как при очередном налете, когда они уже прошли Гогланд, яркая вспышка пламени сверкнула прямо над ходовой рубкой. Судно покатило влево, описывая полную циркуляцию. Журналист понял, что транспорт не управляется.

На мостике, видимо, всех убило или ранило.

Вторая бомба угодила в носовой трюм, который быстро стал затопляться водой.

На судне началась паника. Пробоину никто не заделывал. Матросы бросились к талям, пытаясь спустить на воду переполненные людьми шлюпки. Делали они это столь неумело, что обе шлюпки перевернулись, едва коснувшись воды. Тонущие хватались друг за друга, захлебывались, страшно кричали...

В воду полетели спасательные круги и пояса. Бросали их кому вздумается и так бестолково, что на транспорте быстро не осталось никаких спасательных средств.

Сохранивший спокойствие Браун спустился в трюм и раздобыл там длинную доску. Но стоило вынести ее наверх, как в доску вцепилось несколько пехотинцев и стали вырывать ее у журналиста. Тот заорал на них зычным голосом:

— Прекратить панику! Отпустить доску!

Приказной тон подействовал на солдат. Они отпустили доску и смотрели на журналиста, ожидая дальнейших распоряжений. Почувствовав это, Браун тоном приказа продолжал:

— Доску сбрасываю я. Вы прыгаете рядом. Как только ухватимся, полным ходом плывем в сторону. Ясно?

Нос «Кронвалдса» быстро погружался, крен становился опасным.

Браун бросил доску в воду и вместе с пехотинцами прыгнул за борт. Вцепясь в доску, они, напрягая все силы, стали отплывать подальше от гибнущего судна. Отплыв на некоторое расстояние, они остановились, чтобы отдышаться и передохнуть.

Браун увидел, как вздыбилась корма «Атиса Кронвалдса». Судно встало почти вертикально, а затем с грохотом и звоном упало плашмя.

Поднялась гора вспененной воды и брызг. Когда она опала, то на поверхности крутились только обломки. Последний транспорт Таллиннского перехода ушел на дно.

17:55

По своему недавнему опыту Николай Браун уже знал, что одиночек спасают в последнюю очередь. Поэтому он предложил солдатам, державшимся вместе с ним за доску, плыть к плоту, на котором виднелись люди. Там ничком лежали несколько раненых в мокрых кровоточащих повязках и женщины, не умеющие плавать. Вокруг из воды торчали головы и плечи нескольких десятков человек, державшихся за края плота.

Браун сам удивлялся себе. Обычно молчаливый, он, видимо от нервного напряжения, возомнил себя специалистом по морским катастрофам. Впрочем, за прошедшие сутки это было уже второе судно, с которого ему пришлось спасаться. Он подбадривал не умеющих плавать, учил как нужно держаться за плот и располагаться на нем. И люди слушались его, ибо именно в таких ситуациях жизненно необходим лидер.

Дрейфуя они подбирали спасательные круги, обломки дерева, бревна. Приспособливали их так, чтобы было удобно держаться на воде.

Все ждали помощи, а она не приходила. В стороне виднелись черными точками пловцы-одиночки — обладатели спасательных поясов. Они не подплывали к плоту, опасаясь, что кто-нибудь повиснет на них.

Пролетавший над ними одинокий «мессершмитт» полоснул по воде очередью, не очень целясь, и ушел на запад.

Вода в заливе была холодной. Пальцы, державшиеся за бревна и доски, коченели, ноги становились деревянными. Многих охватывала сонливость. Браун призывал своих товарищей по несчастью не засыпать, шевелить пальцами и бить ногами по воде. Но далеко не все были уже способны внимать этим советам. Многих уже охватывало равнодушие. Впавшим в забытие людям не хотелось выходить из этого блаженного состояния. Один за другим они, засыпая, разжимали руки и погружались в пучину. Без крика и даже без всхлипа.

Браун не помнил, сколько прошло времени, когда они наконец разглядели направляющуюся к ним парусно-моторную шхуну. Увидев шхуну, Браун на короткое время потерял сознание.

Очнувшись, он увидел борт шхуны и брошенный ему спасательный конец. Он попытался ухватиться за него, но пальцы не слушались, просто не сгибались, и конец выскользнул из его рук.

Со шхуны крикнули:

— Обвяжи конец вокруг пояса!

Браун обмотал себя тросом, и его вытянули из воды, оставив отлеживаться прямо на палубе.

Отдышавшись, Браун принялся стягивать с себя прилипшее к нему холодным пластырем робу и брюки, полученные ночью на морском охотнике, подобравшем его из воды. С трудом освободившись от одежды, он голым пополз в моторное отделение, откуда веяло машинным

теплом. Там ему налили полкружки водки. Но ничто не могло согреть его — зубы стучали, сотрясал озноб, сводило ноги, все тело гудело от зуда и тупой боли. Браун перестал воспринимать реальность, впад в полубессознательное состояние.

18:10

В тот момент, когда командир эскадренного миноносца «Славный» капитан 3-го ранга Осадчий увидел величественно поднимающийся на горизонте неповторимый силуэт Кронштадтского Морского собора, сигнальщики доложили о появлении прямо по курсу самолета.

На «Славном» и идущем впереди «Суровом» сыграли воздушную тревогу. Счет воздушным тревогам был уже потерян давно.

Они не сразу в это поверили, когда выяснилось, что самолет... свой. Это был МБР, летевший куда-то на запад.

На «Славном» матросы и пассажиры кричали «ура!», махали руками и бескозырками.

Вслед за разведчиком в небе появились два истребителя «И-16». Они сделали круг над эсминцами и ушли в восточном направлении. На них смотрели молча, как на сверхъестественное чудо.

А с мостика «Славного» уже ясно вырисовывался силуэт Кронштадта: цепочка фортов, дымящиеся трубы Морского завода и византийская массивность бывшего собора с куполом, лишенным креста.

На Большом Кронштадтском рейде легко угадывались знакомые силуэты «Кирова» и «Сметливого». Где-то на южном берегу гремели орудия. Что-то горело, коптя небо густым черным дымом. А над Кронштадтским рейдом висела могильная тишина.

На «Кирове» замигал прожектор, предписывая «Суровому» и «Славному» стать на якорь за кормой «Сметливого». Чуть дальше темнели стремительные силуэты «Минска» и «Ленинграда».

Капитан 3-го ранга Осадчий не мог понять того

волнения, которое охватывало его всякий раз, когда он видел на удалении и вблизи грозную громаду «Кирова». В подсознании ему всегда казалось, что этот крейсер сыграет какую-то роковую роль в его судьбе.

Он еще не знал, что «Кирову» суждено выйти в следующий раз на Большой Кронштадтский рейд лишь через четыре года под его, Михаила Осадчего, командованием. И этот роковой выход навсегда изломает его судьбу и военно-морскую карьеру.

18:30

А главстаршина Веретенников и его случайный товарищ по несчастью весельчак-матрос все еще находились на плоту, связанном бинтами, на котором они, покинув погибающую «Скрудну», надеялись добраться до островка Вандло.

Но ничего не получилось. Плот отнесло в море и продолжало нести неизвестно куда.

Холода уже не чувствовалось, не чувствовалось и хода времени. Ветра и волн не было. Казалось, что плот неподвижно стоит посреди залива.

Им предстояло провести в море еще и всю следующую ночь.

Веретенников уже и сам не мог понять: дремал ли он или находился в забытьи. Только на следующий день, когда поднявшееся солнце почти до умалишения раскалило их черные от мазута лица и головы, обоим подобрал катерный тральщик. Едва очутившись на палубе тральщика, Веретенников потерял сознание и очнулся уже в Кронштадте.

19:00

Доктор Коровин, увидев подходящие к сидящей на мели «Скрудне» катера и буксиры, присланные с Гогланда, готов был, несмотря на смертельную усталость, пуститься в пляс прямо на накренившейся палубе парохода.

Неутомимый доблестный военврач с таким же непо-

колебимым упорством пересаживал раненых на подходящие к «Скрунде» плавсредства, с каким он накануне эвакуировал их с подорвавшейся «Луги» на подошедшую «Скрунду». Врачу помогали санитары Федулин и Сонин, а также доброволец — батальонный комиссар Тамгоров.

Еще несколько раз над «Скрундой» появлялись самолеты противника, но они пролетали дальше, не сбросив бомб.

А Коровин и его помощники продолжали перегружать раненых на подходящие катера, а других поднимать на верхнюю палубу из полузатопленных трюмов. Работа продолжалась всю ночь.

Последние тральщики пришли на рассвете. Приблизившись, они сбавили ход и остановились за несколько десятков метров от «Скрунды», не решаясь идти дальше: разгоняемые винтами тральщиков волны могли перевернуть накренившуюся «Скрунду».

Соблюдая величайшую осторожность, тральщики один за другим буквально подползали к борту парохода и принимали раненых.

Последним покинул «Скрунду» доктор Коровин.

Тральщики уже отошли от парохода, как вдруг в тишине прозвучал отчаянный крик: «Помогите! Помогите!» Крик доносился с борта «Скрунды». Быстро спустили шлюпку и через несколько минут Коровин с двумя матросами был снова на пароходе. В штурманской рубке, под брезентом лежал второй помощник с забинтованными ногами. Видимо, когда шла погрузка на тральщики, он был без сознания и не мог напомнить о себе, а под брезентом его не было видно. Штурмана переправили на тральщик.

Коровин еще раз осмотрел все помещения и, убедившись, что на «Скрунде» теперь не осталось ни одного человека, перешел на шлюпку.

19:20

Сержант Васильев, командир роты 3-го батальона 186-го пехотного полка, построил своих бойцов прямо на пирсе Ораниенбаума, скомандовав:

— По порядку номеров рассчитайсь!

В роте как было, так и осталось двенадцать человек. Все с винтовками, подсумками и скатками. И даже при своем ротном «Максиме» и одном противотанковом ружье.

После того, как сержант Васильев приказал своим красноармейцам прыгать прямо с таллиннского пирса на баржу, груженую мешками, которую оттягивал от стенки маленький буксирчик, говоря армейским языком, фактически не произошло «никаких происшествий». Буксир чапал вдоль южного берега залива, а солдаты валялись на мешках, как выяснилось, с мукой.

По Приморскому шоссе катились на восток тупорылые грузовики с немецкой пехотой, шли какие-то обозы, огромные трейлеры везли танки. Кто-то из бойцов, охваченный боевым порывом, предложил сержанту пострелять из винтовок по немецким машинам на шоссе. Васильев чуть было не разрешил, но шоссе внезапно вильнуло куда-то на юг, исчезнув за деревьями.

Так прошли день, ночь и еще один день.

Во второй половине дня несколько часов чуть мористее их баржи дымились две вооруженные шаланды. А потом исчезли.

Самолеты проплывали высоко в голубом небе. Никто не обращал на них никакого внимания.

Так и прибыли в Ораниенбаум.

Шкипер буксира, освободившись от баржи, сразу ушел в Кронштадт, а Васильев вывел своих залежавшихся солдат на пирс. С самого начала войны никому из них не удавалось так здорово отдохнуть, как во время Таллиннского перехода.

19:50

Начальник медицинской службы острова Гогланд военврач 3-го ранга Ушаков доложил капитану 2-го ранга Святову, что на острове только прошедших через пункты медицинской помощи скопилось никак не меньше трех тысяч человек. По оценке самого Святова их было не меньше пяти тысяч человек.

Когда Святов поручил Ушакову прием и устройство спасенных, никто из них даже не предполагал, какой огромный размах примет эта работа. На остров высадились солдаты и морские пехотинцы, находившиеся на борту «Ивана Папанина» и «Второй пятилетке», пассажиры «Серпа и молота», эвакуируемые с «Люцерны», беженцы из Эстонии и Латвии. Поражало огромное количество женщин с детьми.

После семи часов вечера прекратились налеты немецкой авиации и можно было наконец заняться ранеными, и здоровых свести в команды, направив их на сооружение укрытий и убежищ.

В базовый лазарет доставили в бессознательном состоянии тяжелораненого капитана «Ивана Папанина» Александра Петровича Смирнова. Ему сделали операцию, но шансов на спасение старого капитана было очень мало. Слишком много крови он потерял, прежде чем попал на операционный стол.

Хирургов не хватало. Пришлось вызвать из Кронштадта маневренно-хирургическую группу.

Продолжала гореть «Люцерна». Ее накалившийся докрасна корпус выглядел дико и фантастически.

Чадил дымом вытолкнутый на камни «Шауляй». Неожиданно на нем увидели какого-то человека, отчаянно махавшего руками. Подошедший катер выяснил любопытные подробности. Махавший руками человек оказался врачом 91-го артдивизиона Лупановым, которого вместе с его коллегой Миховым, двумя фельдшерами и двумя сотнями раненых «забыли» в полузатопленном

носовом трюме транспорта. Света в трюме, естественно, не было, и сброшенные взрывами с нар раненые сидели и лежали (некоторые уже мертвыми) в воде. Целую пехотную часть пришлось бросить на их эвакуацию с сидящего на камнях транспорта.

После прекращения налетов толпы полуголых и голых людей стали стекаться со скал к причалам. Их нужно было где-то размещать, кормить и, главное, поскорее отправлять с острова в Кронштадт.

Но плавсредств не хватало.

Получив сообщение, что у острова Вандло, имея на борту несколько тысяч человек, стоит поврежденный транспорт «Казахстан», Святлов немедленно направил в тот район все бывшие в его распоряжении тральщики, буксиры и катера.

20:15

Командовавший транспортом «Казахстан» второй штурман Загорулько не поверил своим ушам, когда ему доложили, что пар в целом котле поднят до марки и сейчас будет дан ход главной машине.

Однако все средства управления судном с мостика были уничтожены. Не было ни компасов, ни карт. Рядом с Загорулько примостился боец с полевым телефоном. Провод тянулся на корму, где другой телефонист, приняв команду с мостика, передавал ее боцману Гайнутдинову, стоявшему на кормовом ручном рулевом приводе.

«Казахстан» медленно тронулся с места, неуверенно взяв курс на остров Вандло. Радость оставшихся на палубе людей была по этому поводу беспредельной. Услышав звук работающей машины и увидев на мостике капитана, измученные люди чуть ли не взревели от восторга. Шпили на «Казахстане» не работали, а потому, прежде чем дать ход, пришлось расклепать якорь-цепи обоих носовых якорей.

«Казахстан» увеличил скорость, но в этот момент

лейтенант Абрамичев на руинах обгоревшего мостика рядом с Загорулько, увидел, что к транспорту с острова Вандло снова направляется катер. На ходовой рубке катера стоял матрос, передавая ручным семафором: «Курс ведет к опасности! Впереди минное поле!»

Выяснилось, что «Казахстан» идет прямо на минное поле, выставленное нашими кораблями.

«Казахстан» уменьшил ход, с трудом маневрируя, чтобы обойти минное заграждение, и снова взял курс к острову.

20:45

У старшины 2-й статьи Гущанинова известие о том, что транспорт «Казахстан» дал ход и направляется к острову, не вызвало никакого восторга. Совершая регулярные рейсы на «Скрудну» и «Казахстан» они уже перевезли на Вандло столько людей, что размещать их было уже практически негде.

Под лазарет отдали и весь маячный дом, и все укрытия, даже противовоздушные щели. Но кроме размещения всех нужно было переодеть, обогреть, напоить и накормить. А запасы на острове были мизерными.

Спирта не было вовсе, но была бутылка с денатуратом, который использовали для растирания заочечневших.

Были ограничены и запасы пресной воды, не говоря уже о других видах продовольствия.

Вымыли двенадцативедерный котел из бани, засыпали в него все запасы гречки, сечки и других круп, все вместе и сварили кашу. На такую тьму едоков не хватало посуды. Свою долю каждый получал во что придется: кто в каску, кто в тряпку, кто в собственные ладони...

И тут к острову двинулся «Казахстан». Якорей у него не было, транспорт приткнулся на мели и высадил на гряде несколько тысяч человек. Даже трудно было представить себе на полукилометровой гряде такое количество людей.

На самом же «Казахстане» оказалось всего два мешка пшенной крупы. Все остальные запасы продовольствия на «Казахстане» либо сгорели, либо оказались затопленными. Пресной воды на транспорте не было во все. Но зато был спирт!

Старшина 2-й статьи — «генерал» — Аврашов сидел на камнях среди тысяч спасенных, жалея о том, что скинул и где-то потерял свой кожаный реглан. Он мучился жаждой и когда увидел, что какой-то военврач поит спасенных из большой алюминиевой кружки, подошел к нему и попросил попить. Тот протянул Аврашову поллитровую кружку. «Генерал» выпил ее несколькими глотками и попросил еще. И выпил еще полкружки. Когда позднее Аврашову сказали, что в кружке был спирт, он не поверил. Ведь не только спирта, но даже водки и вина он не только не пил — от одного вида алкоголя его воротило.

Между тем уже темнело и погода начинала портиться. Восточный ветер нагонял крупную волну, а небо заволакивали тучи, о приходе которых молили десятки тысяч людей весь долгий безоблачный день 29 августа 1941 года.

21:15

Обходной маневр на север, задуманный командиром «Ленинградсовета» старшим лейтенантом Амелько, привел к неожиданным результатам. Судно снова попало в район плавающих мин. Их обходили, отталкивали шестами от борта, расстреливали залповым огнем из винтовок.

Авианалеты прекратились, и, обходя мины, «Ленинградсовет» продолжал пробиваться в Кронштадт.

С наступлением темноты, однако, Амелько решил не искушать более судьбы и приказал встать на якорь. Вторую ночь Таллиннского перехода «Ленинградсовету» предстояло снова провести на якоре...

Военный корреспондент Михайловский внезапно почувствовал, как куда-то исчезло то нервное возбуждение,

которое не отпускало его весь день, а на смену ему пришла смертельная усталость. Болела каждая косточка, каждый сустав, не было сил стоять на ногах.

Усталость подавляла чувство опасности и сознание того, что поход не кончился, что каждую минуту судно может быть торпедировано, накрыто артиллерийским огнем, может подорваться на mine.

Тем не менее Михайловский решил не спускаться в кубрик, а пристроиться прямо на верхней палубе.

Журналист выбрал решетку над машинным отделением и улегся прямо на нее. Снизу шло блаженное тепло. Но дышать на этой решетке было трудно — нос забивало мелкой угольной пылью, поднимающейся вверх вместе с потоками теплого воздуха. Михайловский хотел уйти с машинной решетки и подыскать себе другое место для сна. Но сил на это уже не было. Пусть его бьют, режут на части — он все равно будет спать и только спать!

21:45

Оглушительный грохот заставил Михайловского проснуться. Он сел на решетке, испуганно оглядываясь по сторонам.

Было уже совсем темно. Море и небо обшаривали какие-то прожектора. Около борта разорвался снаряд.

Выяснилось, что судно в темноте нащупала финская береговая батарея. В темноте был слышен голос Амелько, усиленный мегафоном, дающий указания командирам катеров:

— Надо сниматься с якоря. Иначе нас накроют. Сниматься и идти самым малым.

Амелько проинструктировал катерников нести противоминный дозор, как и накануне: сбрасывая по курсу «Ленинградсовета» каждые 15 минут по глубинной бомбе в надежде на детонацию мин. Командиры катеров отвечали, что у них глубинные бомбы давно кончились. Михайловский услышал, как один из катерников грубо

сказал Амелько: «На вашу ответственность». В ответ прозвучал сердитый голос Амелько: «Да, да, на мою!»

Сидя на решетке машинного отделения, Михайловский почувствовал, как застучали старые машины «Ленинградсовета». Корабль шел в сплошной темноте — море уже слилось с небом.

Слева, с финского берега, сверкали всполохи прожекторов. Справа, на южном берегу, багровело зарево пожаров.

Михайловский вспомнил, что немцы подходят к Ленинграду, и что они, вырвавшись из одной ловушки, идут в другую.

Об этом даже страшно было думать и Михайловский гнал от себя эту мысль. Ему казалось, что дойди «Ленинградсовет» до Кронштадта, и все беды закончатся автоматически.

22:10

Артистка театра КБФ Валентина Богданова, продрогшая и потрясенная, стояла на палубе спасательного судна «Нептун» в толпе других спасенных, глядя в чернеющий впереди берег. Он скорее угадывался в темноте, чем был виден.

«Нептун» стоял на якоре на Большом Кронштадтском рейде, но никто из пассажиров не верил в это до конца.

Спасенная прошлой ночью с ледокола «Кришьянис Вальдемарс», Валентина Богданова стала свидетелем всех кошмарных событий, развернувшихся с раннего утра 29 августа. «Нептун» метался под бомбами от одного транспорта к другому, вылавливая из воды людей, погибающих под бомбами противника. Летчики заметили это, и маленький спасатель был «удостоен» нескольких персональных налетов и обстрелов, имея на борту около трехсот поднятых из воды людей.

Богданова видела, как вокруг пылают и тонут переполненные людьми транспорты.

Особенно ее потряс вид гибели одного из транспортов, на палубе которого плотными рядами, прижавшись друг к другу, стояли раненые в окровавленных повязках. Судно погружалось, а они продолжали стоять на палубе, ожидая своей участи.

Переполненный «Нептун» ничем не мог им помочь.

Не в силах смотреть на эту картину, Богданова отвернулась. Когда же она вновь, пересилив себя, поглядела в том направлении, судна на поверхности уже не было. Она не знала его названия и в будущем не смогла точно определить его. Но эта картина навсегда запечатлелась в ее глазах и памяти.

Она не знала еще, сколько друзей и знакомых потеряла за прошедшие сутки. Она не понимала еще, что сама уцелела чудом.

Осознание всего этого придет позднее.

А пока она с волнением смотрела в черноту ночи с палубы «Нептуна» туда, где под покровом непроницаемой светомаскировки чернел город-крепость Кронштадт — почти несбыточная цель их страшного пути.

22:45

Придя на Большой Кронштадтский рейд эскадренный миноносец «Свирепый» в полной темноте подошел кормой к буксируемому им «Гордому» и отдал якорь-цепь, которая почти сутки связывала оба корабля.

— Доплелись! — с какой-то смесью радости и горечи объявил капитан 2-го ранга Маслов.

Вышедшее навстречу спасательное судно «Сигнал», сменив «Свирепого», подвело израненный «Гордый» к стенке Морского завода. Часть экипажа, пришедшая в Кронштадт раньше на тральщике «Гак», возвратилась на корабль.

Измученный двумя сутками непрерывного боевого напряжения капитан 3-го ранга Ефет спустился в каюткомпанию. Он признался своим осунувшимся и смертельно уставшим офицерам, что корабль был на грани

гибели, и он, Ефет, имел уже разрешение командующего затопить эсминец. Это чудо, что благодаря усилию горстки храбрецов «Гордый» удалось довести до Кронштадта.

Помянули убитых стопкой водки из командирского запаса, выпили за здоровье командира «Свирепого» Павла Федоровича Мазепина и комдива Виктора Ивановича Маслова, которые, рискуя собственным кораблем и жизнями, дотянули «Гордый» до базы.

А военфельдшер Илья Бурбан уже организовывал машину для отправки раненых в госпиталь. Капитан-лейтенанта Красницкого тут же положили операционный стол. Старпом был в сознании. Он слегка пожал руку фельдшера, прошептав: «Прощай... «Гордому» поклон...»

Бурбан ассистировал при операции. Хирург извлек из огромной раны Красницкого смятый клубок ржавой проволоки. Отводя глаза от Бурбана, сказал:

— Внутренности все перемешаны. Перитонит. Моя помощь бесполезна...

Через полчаса капитан-лейтенант Красницкий, старший помощник командира эскадренного миноносца «Гордый», умер.

Но и самому «Гордому», и подавляющему количеству его моряков, уцелевших в переходе, оставалось жить всего два с половиной месяца.

А сейчас не было времени ни для отдыха, ни для раздумий. Эсминец нужно было срочно готовить для ввода в док.

Капитан 3-го ранга Ефет снова поднялся на мостик, с которого ясно было видно полыхающее зарево на южном берегу залива, откуда доносился непрерывный гром артиллерии. Зарево пожаров, быстро продвигающееся вдоль южного побережья на восток, уже повернуло на север, огненным смерчем приближаясь к Ленинграду зловещим предвестником Девятисотдневного Апокалипсиса...

Не известно кто первый вспомнил и доложил Ефету,

что пропала шлюпка со старшиной 2-й статьи Самойленко, которую «Гордый» вел на буксире за собой «на всякий пожарный случай». Видимо, во время одной из воздушных атак буксирный конец перебило, или он оборвался, а в горячке боя никто не обратил на это внимания. Это открытие, как печально оно ни было, мало добавило к общей печали. Самойленко записали в погибшие, а шлюпку — безвозвратно утраченным имуществом.

23:00

Темная ночь опустилась над Финским заливом, поглотившим пятнадцать боевых кораблей и пятьдесят одно торговое судно за двое суток 28 и 29 августа.

Через ночь еще шел «Ленинградсовет» непоколебимого старшего лейтенанта Амелько. Несколько южнее его шел на веслах старшина 2-й статьи Самойленко на шлюпке с эсминца «Гордый», по пути подбирая тонущих.

Стоял на мели у острова Вандло транспорт «Казахстан», ожидая помощи с Гогланда, обещанной Святовым.

ОКОЛО 20 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК НАХОДИЛИСЬ В ВОДЕ, цепляясь за бревна, доски и обломки, коченея на спасательных кругах и плотиках.

Их подобрала позднее, но, к сожалению, далеко не всех.

Тех, кому повезло добраться до Гогланда, с наступлением темноты начали грузить на баржи, набивая в их трюмы человек по триста, надеясь в течение ночи переправить спасенных в Кронштадт.

Но в ночь с 29 на 30 августа неожиданно разыгрался шторм. Огромные волны накрывали баржи, угрожая оборвать буксирные концы. В трюмах, где находились раненые, было практически темно. Подвешенный к подволоку качающийся керосиновый фонарь не освещал ничего. Тонкие железные корпуса барж стонали и скрипели под ударами волн. Людей в полутемных трюмах

укачивало. Маломощные буксиры не могли выгребать против штормового встречного ветра. До Кронштадта добирались почти двое суток.

А когда шторм стих, снова появилась авиация противника.

«ВСЯ ПОВЕРХНОСТЬ ФИНСКОГО ЗАЛИВА ДО ОСТРОВА ГОГЛАНД ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗ СЕБЯ ОГРОМНОЕ СПЛОШНОЕ ПЯТНО МАЗУТА, В КОТОРОМ ПЛАВАЮТ ОБЛОМКИ И ТРУПЫ».

Из донесения немецкого разведывательного самолета с позывными ZX-40, переданного по радио 30 августа 1941 года в 07:10.

ЭПИЛОГ

31 августа в Ленинград прибыл нарком ВМФ адмирал Кузнецов, едва не попав при этом в руки немцев. Станция Мга буквально через несколько часов после отъезда наркома была захвачена противником.

В Кронштадте нарком встретился с руководителями обороны Таллинна и прорыва из Таллинна в Ленинград.

Трибуц сбивчиво доложил наркому о потерях, сославшись на отсутствие тральщиков. Говорили в основном о боевых кораблях, определив потери судов примерно в сорок пять единиц. Затем в рапорте эту цифру уменьшили до тридцати одного судна.

Что касается потерь в людях, то командование флотом примерно определило их в 4—5 тысяч человек.

Рапорты командиров боевых кораблей и капитанов торговых судов, уцелевших в переходе, сначала засекретили, а вскоре, от греха подальше, просто уничтожили «совместным решением военного совета наркомата ВМФ и военного совета КБФ», как значится в соответствующем акте — единственном сохранившемся документе секретной папки «Таллиннский переход».

Надо сказать, что морскому командованию было не до этого.

Пока армада под флагом вице-адмирала Трибуца шла из Таллинна в Кронштадт, товарищ Сталин, как мы уже упоминали, почел за благо Балтийский флот уничтожить, поскольку разуверился в том, что два «лгуна и труса» (Жданов и Ворошилов) способны отстоять Ленинград. А

потому товарищ Сталин приказал адмиралу Кузнецову подготовить соответствующий приказ и лично его проконтролировать. Зачем, собственно, нарком в Ленинград и приехал. Все остальные причины были придуманы много позднее.

Выбив с помощью маршала Шапошникова соответствующую директиву с подписью Сталина, адмирал Кузнецов поручил своему заместителю адмиралу Исакову составить этот знаменитый приказ. Что и было выполнено адмиралом Исаковым со свойственными ему педантичностью и старательностью.

6 сентября этот приказ был официально вручен адмиралу Трибуцу.

«6 сентября 1941 г.
Совершенно секретно.
Особой важности.

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ НА СЛУЧАЙ ОТХОДА ИЗ ЛЕНИНГРАДА ПО КОРАБЛЯМ И СУДАМ.

I. ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ

1. В случае вынужденного отхода из Ленинграда все корабли военного флота, торговые, промышленные и технические суда подлежат уничтожению.

2. Уничтожение производится с целью:

- а) не дать возможности использовать их противнику;
- б) исключить возможность плавания противнику в районе Кронштадт-Ленинград и использования им гаваней, каналов, фарватеров и т.д.

Уничтожение произвести с максимальной степенью разрушения на возможно длительный период.

Уничтожение и затопление производить по строго последовательному плану с момента дачи условного сигнала «ХРИЗАНТЕМА» Главным командованием.

II. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА

1. Подготовка производится по районам:

- а) Кронштадтский район (включает собственно

Кронштадт, морской порт, Ораниенбаум, Северный фарватер, Морской канал от Петергофского бугра включительно).

б) Ленинградский морской порт (включает собственно Морской канал от Петергофского бугра, огражденная часть Морского канала, акватория фарватера завода им. Жданова, Торговый порт, Гутуевский и Канонерский острова, до устья р.Невы).

в) Устье р. Невы (включает Елагинский фарватер, Петровский фарватер, Корабельный фарватер, Большая Невка, Средняя Невка, Малая Невка).

г) Судостроительные заводы (заводы №№ 190, 189, 194, 196, 5, 205, 263 и 270).

2. В указанных районах подготавливаются к уничтожению ВСЕ суда, независимо от ведомственной принадлежности.

3. Уничтожение сооружений на берегу (склады, краны, причалы и подъездные пути) производится соответствующими ведомствами по указанию и плану Городского Комитета ВКП(б)...

4. Вся предварительная подготовка проводится штабом Краснознаменного Балтийского Флота совместно со штабом Морской обороны города Ленинграда (КОНСПИРАТИВНО).

Заготавливаются исполнительные документы. По готовности документы немедленно выдаются главным исполнителям.

III. ОТВЕТСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ

1. Ответственность и общее руководство за уничтожение и потопление кораблей флота и разрушение судов и кораблей на судостроительных заводах несет КОМАНДУЮЩИЙ КБФ ВИЦЕ-АДМИРАЛ ТРИБУЦ.

2. Ответственными за выполнение работ по затоплению всех кораблей флота и разрушения судостроительных заводов, а также за закупку каналов, фарватеров и ковшей назначаются:

а) Кронштадтский район: (пропуск в документе).

б) Ленинградский торговый порт: контр-адмирал Дрозд, бригадный комиссар Мосолов, капитан 2-го ранга Янсон, Зам. Наркома Морского флота СССР Кириченко.

в) Устье реки Невы: контр-адмирал Челпанов, дивизионный комиссар Лебедев...

IV. ТЕХНИКА УНИЧТОЖЕНИЯ

1. Уничтожение кораблей производится способами: открытия кингстонов, подрыва корпуса, порчи механизмов и котлов подрывом, поджог корабля и уничтожение ценной радиоаппаратуры.

2. Уничтожение кораблей на стапелях и доках производится подрывом...

Приложение 1. Перечень основных объектов (на 1 листе).

Приложение 2. Схема связи (на 1 листе).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРКОМА ВМФ

Адмирал ИСАКОВ

«УТВЕРЖДАЮ»:

НАРКОМ ВМФ адмирал КУЗНЕЦОВ.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1. Перечень основных объектов, подлежащих уничтожению (по районам)

1. Район Кронштадтский

Линкор «Октябрьская Революция»

Крейсер «Киров»

Лидер «Ленинград»

Лидер «Минск»

Миноносцы

Подводные лодки

Спасательное судно «Коммуна»

Канлодка «Красное Знамя»

Крейсер «Аврора»

Транспорты

Доки

Две подводные лодки из ЭОНа*.

2. Район — Ленинградский Торговый порт

Линкор «Марат»

Крейсер «Максим Горький»

Крейсер «Петропавловск»

Крейсер «Чапаев»

Учебный корабль «Комсомолец»

Ледокол «Ермак»

Миноносец «Опытный»

Транспорты

Миноносцы проекта 30

Завод им.Жданова

Сторожевые корабли проекта 29

Миноносец «Страшный» с плавдоком

Сторожевой корабль «Тайфун»

Плавучий док.

3. Район — Устье р.Нева

Крейсер «Железняков»

Учебный корабль «Свистязь» (так в документе)

Ледокол «Молотов»

Подлодки

База подводных лодок «Ока», «Полярная звезда»

Миноносцы «Строгий» и «Стройный»

Подводная лодка Щ-250

Подводная лодка Щ-254

4. Район — Судостроительные заводы

Крейсер «Чкалов»

Линкор «Советский Союз»

Корабли на стоянке

Крейсер «Кронштадт»

* ЭОН — экспедиция особого назначения, кодовое название мероприятий по строительству кораблей и подводных лодок для Северного флота.

Стапеля

Краны

Две подводные лодки села Рыбацкое, ЭОНа.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2. СХЕМА СВЯЗИ — СИГНАЛЫ

Общие для всех районов

«Одуванчик» — вскрыть секретный пакет.

«Резеда» — начать расстановку объектов.

«ХРИЗАНТЕМА» — начать уничтожение и затопление объектов.

По районам:

«Роза» — 1-й район — начать уничтожение и затопление объектов.

«Василек» — 2-й район — начать уничтожение и затопление объектов.

«Орхидея» — 3-й район — начать уничтожение и затопление объектов.

«Левкой» — 4-й район — начать уничтожение и затопление объектов.

Общий для всех:

«ТЮЛЬПАН» — отменительный...»

Естественно, что содержание этих документов стало мгновенно известно всем на флоте, поскольку невозможно заминировать корабль так, чтобы об этом не стало известно его экипажу.

Потрясенные Таллиннским переходом моряки поняли, что они прорывались в Ленинград только затем, чтобы здесь уничтожить все, что еще уцелело от Балтийского флота за два месяца войны.

Начались брожения. Наиболее смелые высказали альтернативное предложение: в случае сдачи Ленинграда уходить в Швецию и там интернироваться. Другими словами, они предлагали совершить еще один Таллиннский переход, но на этот раз в обратном направлении.

Если кто и поверил в подобную возможность, не-

смотря на всю ее нелепость, то ими оказались немцы. В результате на подходе к шведскому острову Готланд несколько сентябрьских дней маневрировал «Тирпиц» с парой легких крейсеров в надежде перехватить Балтийский флот, когда тот пойдет интернировать в Швецию.

Особый (3-й) отдел КБФ в подобные слухи не верил, но тем не менее безжалостно их пресекал. Те, кто высказывал подобные предложения, арестовывались и отдавались под трибунал с формулировкой о «намерении сдать немцам корабли Балтийского флота». И счастливы до сих пор те, кто в те дни избежал высшей меры.

Вместе с тем, дивизионный комиссар Лебедев внимательно отслеживал обстановку и настроения на кораблях, придя к выводу, что деморализация на флоте уже охватила и круги старших офицеров. В одном из донесений дивизионного комиссара Лебедева, которыми он засыпал в те дни вышестоящие инстанции, говорилось о том, что в кают-компаниях кораблей и даже в штабах идет обсуждение Таллиннского перехода и предстоящего уничтожения кораблей «по своему содержанию равнозначному распространению панических слухов».

20 сентября 1941 года на стол командующего Ленинградским фронтом генерала армии Жукова легла бумага следующего содержания:

«Донесение начальника 3-го отдела КБФ
№ 172661

20 сентября 1941 г.
г. Ленинград
Совершенно секретно

Командующему Ленинградским фронтом
генералу армии тов. Жукову.

Подготовка спецоперации по уничтожению плавсредств и боевых единиц проходит весьма неорганизованно...

...18 сентября с.г., неожиданно, по флоту был

дан сигнал «Тюльпан», что по ТУСу* установленному для спецоперации означает — прекратить проведение мероприятий по уничтожению. Вскоре выяснилось, что этот сигнал был дан по таблице артиллерийских переговоров, означающий — немедленно прекратить огонь.

Мероприятия по подготовке спецоперации, с одной стороны, в большинстве случаев передоверены второстепенным людям; так по отряду особого назначения их проводят тт.Янсон, Клитный, командование же в лице командира дивизиона капитана 2-го ранга Маслова, Евдокимова предпочитает стоять в стороне, и с другой, — приняли ШИРОКУЮ огласку.

В результате этого отмечено наличие отрицательных настроений, предрешающих печальный исход обороны Ленинграда.

Так, например:

Капитан 2-го ранга Маслов 16.09.41 г., будучи на эсминце «Строгий», заявил: «Да, я вам привез нехорошие вести. Ленинград готовят к сдаче германскому фашизму. На эсминцах «Строгий» и «Стройный» уже поставлен крест. Большое начальство удирает из Ленинграда на самолетах».

Заместитель начальника штаба КБФ капитан 2-го ранга Зозуля пессимистически говорил: «Ждать нечего, остается пустить пулю в лоб».

Начальник 3 отдела КБФ
Дивизионный комиссар ЛЕБЕДЕВ».

РЕЗОЛЮЦИЯ НА ДОКУМЕНТЕ:

т. Исакову.

1. Срочно расследовать, арестовать провокаторов. 2. Доложите, почему такая ответственная работа проходит преступно плохо. ЖУКОВ.

* ТУС — таблица условных сигналов.

Как уже, наверное, все заметили, дивизионный комиссар Лебедев, будучи начальником всего лишь одного из отделов штаба КБФ (Особого), направлял свои донесения не только через голову своего прямого начальника адмирала Пантелеева, но и через голову командующего флотом.

Делал он это потому, что голова самого адмирала Трибуца уже стояла на кону. Слухи о Таллинском переходе, обрастая как снежный ком истинными подробностями и мифами, в виде осведомительных сводок и информационных отчетов копились в совершенно секретных папках Особого отдела КБФ, требуя козла отпущения. Тем более, что Москва требовала от Лебедева как от участника перехода доклада: произошло ли все это благодаря некомпетентности командующего флотом или по злему умыслу.

Поскольку на войне никто и никогда не был способен точно сказать, где кончается глупость и начинается измена, дивизионный комиссар Лебедев просто изложил все документальные факты, слегка интерпретировав их в сторону измены. Вкратце эти факты сводились к следующему:

Адмирал Трибуц, по известным только ему причинам, повел ночью флот через массивные минные заграждения, о наличии которых он знал из сообщений разведки. Когда же флот и караваны транспортов уже фактически форсировали минные заграждения, адмирал Трибуц приказал им простоять всю ночь на якоре, чем дал возможность немцам беспощадно бомбить торговые суда весь длинный день 29 августа.

При этом, отмечалось в донесении Лебедева, боевые корабли бросили транспорты и, по существу, бежали с поля боя.

Фактически, делал вывод начальник Особого отдела, если бы Трибуц работал на немцев (что пока не доказано), он бы даже при всем желании не мог бы сделать для них больше, чем сделал в ходе Таллинского перехода.

Вместе с тем, почувствовав, что Москва наверняка не просто так просит собрать на командующего КБФ побольше компромата, дивизионный комиссар Лебедев превзошел сам себя, добавив, что адмирал Трибуц, поддавшись паникерским настроениям и не веря в нашу победу, а также в возможность спасения Ленинграда, приказал подготовить к взрыву все корабли и суда Краснознаменного Балтийского флота.

Трудно точно сказать, какую цель ставил при этом адмирал Трибуц, но можно предположить, указывал Лебедев, что целью было ослабление обороны Ленинграда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прошло много времени, прежде чем объемистый доклад дивизионного комиссара Лебедева плыл по инстанциям: из осажденного Ленинграда на Лубянку, оттуда в Кремль, где, наконец, в сжатом и отредактированном виде лег на стол товарища Сталина.

Товарищ Сталин вызвал адмирала Кузнецова и сообщил ему, что есть мнение расстрелять адмирала Трибуца. Давно пора.

— За что? — спросил ошеломленный нарком ВМФ. Надо заметить, что подобные вопросы Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), Верховному Главнокомандующему и Председателю Совнаркома СССР осмеливался задавать только адмирал Кузнецов.

Не желая утомлять адмирала хитросплетениями контрразведывательных выкладок дивизионного комиссара Лебедева и его коллег, Сталин кратко сказал Кузнецову, что Трибуц оказался паникером и пораженцем, он не верил в нашу победу и приказал минировать корабли Балтийского флота, чтобы их взорвать в случае падения Ленинграда.

— Но вы же сами приказали это сделать, товарищ Сталин! — в отчаянии воскрикнул Кузнецов, так и не привыкший к византийским методам великого вождя. Он шел на смертельный риск, спасая своего товарища по оружию. Диктаторы не любят подобных напоминаний.

— Не помню, чтобы я такое приказал! — раздраженно ответил товарищ Сталин. Тогда адмирал предъявил вождю телеграмму с его собственноручной подписью, которую они так долго выбивали из Сталина вместе с маршалом Шапошниковым.

Взглянув на свою подпись, вождь расчувствовался и повелел наградить первым адмирала Трибуца только что учрежденным орденом Нахимова, который по статусу полагался за выдающиеся победы на море.

Дивизионный комиссар Лебедев воспринял это философски. Его дело сигнализировать, а как там решит начальство — это его дело. Он привык ничему не удивляться. Тем более и его самого как флотоводца вскоре тоже наградили орденом Нахимова.

А потому Таллиннский переход было приказано считать если не полной победой, то уж по крайней мере явным успехом, но никак не трагедией или катастрофой. «Но враг просчитался!» — так заканчиваются практически все научные и мемуарные статьи об этом событии.

Для этого прежде всего было необходимо скрыть потери как кораблей, так и людей. Корабль — не человек, его потерю скрыть очень трудно, но возможно, особенно, если речь идет о торговом судне.

Что касается людских потерь, то тут дело обстоит гораздо проще.

Сколько официально объявлено, столько и потеряли. А за высказывание каких-либо сомнений по этому поводу грозило столь жестокое наказание, что мало кому в подобных условиях хотелось искать правду.

Адмирал Трибуц сначала в рапорте на имя наркома, а затем в своих мемуарах назвал цифру в 5000 человек, добавив: «Мы доставили в Ленинград 18 тысяч закаленных бойцов».

Потом, как у нас водится, цифра потерь поднялась постепенно до 10 тысяч, а чуть позднее — до 12 тысяч человек. Споры по этому поводу продолжаются, а, между

тем, число погибших в этой операции вычисляется довольно просто, хотя и не полностью.

Анализ событий показывает с документальной достоверностью, что Таллинн обороняла группировка численностью более 50 тысяч человек.

Из них: 11 432 человека попали в плен, 8500 — погибли или пропали без вести, а более 30 тысяч человек были приняты на транспорты. Эта цифра касается только военнослужащих и не включает в себя огромного количества беженцев: населения Таллинна, гражданских учреждений, офицерских семей и т.п. Их никто не регистрировал, не включал ни в какие списки и, главное, не считал. По очень приблизительной оценке их было не менее 15 тысяч человек.

Но мы оставим эти 15 неучтенных тысяч человеческих душ за скобками и будем оперировать официальной цифрой в 30 тысяч человек.

Из них: 5200 человек были высажены на Гогланд катерами и другими малыми судами, занимавшимися спасением. В это число входят и те, кто сумел высадиться с выбросившихся на мель транспортов.

3700 человек высадились в Вандло, включая тех, кто был на «Казахстане» и тех, кого доставили с севшей на мель «Скрунды» или просто выловили из воды.

202 человека были доставлены на о. Лавенсари.

1300 человек доставил в Кронштадт латвийский пароход «Эверанна» (ВТ-502) под командованием капитана Ф.И.Воробьева.

756 человек привез в Кронштадт доблестный старший лейтенант Амелько на «Ленинградсовете».

1200 человек доставили в Кронштадт прорвавшиеся туда боевые корабли (в общей сложности).

Таким образом, мы получаем цифру, очень близкую к указанной в недавно рассекреченной «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере» — 12 225 человек.

Отнимите эту цифру от исходных 30 тысяч, и полу-

чается, что в лучшем случае во время Таллиннского перехода погибли 18 тысяч человек. Погибло, конечно, гораздо больше, но, поскольку у нас нет никаких данных на этот счет (кроме твердой убежденности доживших до наших дней участников перехода, считающих, что погибло не менее 25 тысяч человек), остановимся на полученной цифре 18 тысяч.

В сравнении с общими чудовищными потерями, понесенными Советским Союзом во Второй мировой войне, потеря каких-то там 18 тысяч человек выглядит совсем незначительной.

НО! Но для военно-морской операции, продолжавшейся менее двух суток, эта цифра является колоссальной.

Она втрое превосходит потери русской стороны в Цусимском сражении, вдвое — совместные потери немцев и англичан в Ютландском бою, вдвое — потери англичан при эвакуации Дюнкерка* и почти в семь раз потери американцев при внезапном налете на Перл-Харбор.

Не менее внушительно выглядят и корабельные потери.

Если почти за два года печальной русско-японской войны, навсегда оставшейся в нашей истории синонимом разгрома на море, было потеряно или захвачено противником 69 боевых кораблей и судов, то в Таллинском переходе всего за двое суток погибли 66 единиц боевого, вспомогательного и торгового флота.

И эту операцию по праву можно считать самой кровавой катастрофой в истории русского и советского флотов. А кровь имеют только люди.

Какова же дальнейшая судьба кораблей и людей, уцелевших в Таллинском переходе?

* Англичане эвакуировали морем из Дюнкерка при полном господстве в воздухе немецкой авиации 338 226 человек, потеряв при этом 9291 человека (8061-го британца и 1230 союзных солдат). Это произошло потому, что боевые корабли не бросили караваны, а прикрыли их своим мощным зенитным огнем от авиации противника.

Первым из прорвавшихся кораблей погиб лидер «Минск». 23 сентября 1941 года вместе с рядом других кораблей его потопила немецкая авиация в ходе своего знаменитого налета на Кронштадт. Позднее лидер был поднят и отремонтирован, но полностью в строй так и не вошел. После войны был потоплен ракетами в Финском заливе.

5 ноября 1941 года при эвакуации гарнизона Ханко подорвался на mine и погиб эсминец «Сметливый», шедший во время Таллиннского перехода впереди «Кирова». Погиб и его доблестный командир капитан 2-го ранга Виктор Маслов, тот самый, который в качестве командира дивизиона находился на борту «Свирепого» во время перехода, а чуть позднее упоминался в одном из доносов дивизионного комиссара Лебедева.

14 ноября 1941 года погиб, подорвавшись на mine эсминец «Суровый», который охранял в Таллинском переходе поврежденный «Славный».

В тот же день судьба настигла и героический «Гордый», который затонул, подорвавшись на mine. Вместе с эсминцем погибли: его доблестный командир капитан 3-го ранга Евгений Ефет и находившийся на борту в качестве командира дивизиона капитан 2-го ранга Николай Петунин, командовавший в Таллинском переходе лидером «Минск».

Уцелев в переходе, пережил войну лидер «Ленинград». После короткой послевоенной службы лидер был переоборудован в корабль-цель и в мае 1963 года был потоплен вблизи Соловецких островов ракетами крейсера «Грозный». Командовавший «Ленинградом» капитан 3-го ранга Горбачев — один из наиболее блестящих офицеров советского флота тех времен — вскоре попал под трибунал и за малым чуть не был расстрелян. Суть дела сводилась к следующему.

Однажды Горбачев, обходя корабль, увидел портрет Сталина, вырезанный из журнала и наклеенный на переборку в машинном отделении. Под портретом лежала

промасленная ветошь, кувалды и ключи. Командир сделал машинистам замечание: если уж они хотят иметь в машине портрет Сталина, пусть сделают рамку и повесят его в более приличном месте. Немедленно был написан донос о том, что капитан 3-го ранга Горбачев запретил на корабле портреты Сталина. Командир «Ленинграда» был арестован, и ему было предъявлено сразу несколько пунктов знаменитой 58-й статьи: от измены родине до антисоветской пропаганды. С учетом героического прошлого, трибунал ограничился разжалованием одного из наиболее опытных командиров на флоте в матросы. В конце войны Горбачева восстановили в звании, а вскоре после войны уволили в запас. Некоторое время Горбачев преподавал навигацию в мореходном училище в Ораниенбауме, а затем ушел на пенсию. Сейчас ему 88 лет. Он живет в крошечной квартирке на одной из тихих улиц Кировского района Петербурга.

Эсминец «Славный» пережил войну и находился в списках флота до февраля 1960 года, после чего был переоборудован в корабль-цель.

Драматически сложилась судьба его командира капитана 3-го ранга Михаила Осадчего. 17 октября 1945 года Осадчий, будучи командиром крейсера «Киров», первый раз за четыре года вывел корабль на Большой Кронштадтский рейд, где крейсер тут же подорвался на mine, получив тяжелые повреждения. Погибли несколько матросов. Казалось, что немецкие мины, которые не в силах были остановить крейсер на его пути из Таллинна в Кронштадт, затаились на всю войну, поджидая момента, когда крейсер снова отважится выйти в море. Военный трибунал под председательством маршала Говорова приговорил Осадчего к пяти годам тюрьмы. После освобождения Осадчий вскоре умер.

Пережил войну и эсминец «Свирепый», который буксировал «Гордый», отбиваясь от немецких бомбардировщиков. В апреле 1958 года эсминец был разоружен и отдан на слом.

Его командир капитан-лейтенант Павел Мазепин долго служил после войны, выйдя в отставку капитаном 1-го ранга. Умер в 1994 году. А его старпом, ныне капитан 1-го ранга в отставке, Николай Стрельцов жив и здоров и даже обещает написать книгу о боевом пути своего героического эсминца.

СКР «Буря», единственный из сторожевиков «плохой погоды», доведенный в Таллиннском переходе своим командиром капитан-лейтенантом Маклецовым до Кронштадта, разделил в итоге судьбу своих собратьев. Почти ровно через год, 25 августа 1942 года, в Нарвском заливе «Буря» подорвалась на mine и, переломившись на две части, затонула в течение трех минут.

Командовавший «Бурей» в период Таллиннского перехода капитан-лейтенант Алексей Маклецов в это время командовал эсминцем «Сильный». Тяжелая болезнь, вызванная контузией от взрывов авиабомб, привела к тому, что Маклецов в 1947 году вынужден был уйти в отставку в звании капитана 2-го ранга. Позднее он полностью ослеп, став затем Председателем Ленинградского отделения Всесоюзного Общества слепых. Умер в 1972 году.

Интересно отметить, что с четырех погибших «нови-ков» спаслись три командира: капитан 2-го ранга Спиридонов, капитан 3-го ранга Стасов и старший лейтенант Сей. Погиб лишь капитан 2-го ранга Фалин с «Володарского». Спасшиеся командиры все служили в кадрах ВМФ и после войны, а Спиридонов даже стал контр-адмиралом.

Что касается матросов, то их спаслось очень мало и то, главным образом, с «Якова Свердлова», поскольку тот погиб еще в светлое время суток, идя в окружении морских охотников.

Тем больший интерес представляет необыкновенная судьба спасшегося с эсминца «Калинин» старшего матроса Иннокентия Дубровского.

Если когда-то газеты называли матроса Семена Ющина, единственного спасшегося с броненосца «Бородино»

в Цусимском бою, «человеком, возвращенным могилой», то Иннокентия Дубровского по праву можно назвать «человеком, трижды возвращенным могилой». Он спасся с потопленного в Локсе эсминца «Карл Маркс», затем спасся с «Калинина», проплавав около десяти часов без спасательного пояса или круга в мазуте. Доставленный на Гогланд, а позднее в Кронштадт, матрос Дубровский был назначен на буксир «Тазуя», который вскоре погиб, подорвавшись на mine. Дубровский снова спасся, проплавав несколько часов, держась за льдину. Позднее он сражался в морской пехоте, умирал от дистрофии в госпиталях и закончил войну на новом базовом тральщике «Василий Громов». Ныне Иннокентий Дубровский живет в Нижнем Новгороде.

«Купание» в мазуте и ледяной воде очень отразилось на его здоровье в старости, но семидесятисемилетний ветеран еще держится и по нашей просьбе собирается написать книгу о своей необыкновенной военной судьбе. В одном из своих писем «трижды возвращенный могилой» моряк сообщил, что ему никогда больше не приходилось слышать ни о ком, спасшимся с эсминца «Калинин» (кроме адмирала, командира и штабных, разумеется).

Пожалуй, самую яркую послевоенную карьеру сделал командир учебного судна «Ленинградсовет» старший лейтенант Николай Амелько. Дотащив свой ветхий корабль до Кронштадта, Амелько был назначен командиром дивизиона сетевых заградителей, а затем — командиром дивизиона катерных тральщиков. После войны Амелько был начальником штаба бригады траления, а в 1949 году стал командиром бригады. Закончив в 1956 году Военно-морскую академию, Николай Амелько был вскоре произведен в контр-адмиралы и назначен начальником штаба Тихоокеанского флота. В 1962 году он стал командующим Тихоокеанским флотом, а позднее — замом главкома ВМФ по противолодочным силам и командующим противолодочными силами ВМФ СССР в ранге полного адмирала. С 1986 года адмирал Амелько

переведен в группу генеральных инспекторов, где и служит по настоящее время.

Контр-адмиралом стал и еще один участник Таллиннского перехода — командир канонерской лодки «Москва» Неон Антонов, закончивший войну командующим Онежской флотилией, а затем ставший командиром ВМБ Порккала-Удд и командующим Амурской военной флотилией. На этом посту он трагически погиб в 1948 году.

Трагически погиб в Ораниенбауме в 1949 году и командир канонерской лодки «Амгунь» капитан-лейтенант Николай Вальдман. К этому времени он стал капитаном 2-го ранга, преподавателем одной из школ Кронштадтского Учебного отряда.

Из подводных лодок, уцелевших при переходе из Таллинна, первой, 12 октября 1941 года, погибла на mine «Щ-322» капитана 2-го ранга Ермилова, подорвавшись в Финском заливе.

1 ноября 1941 года на mine погибла подводная лодка «Калев» капитан-лейтенанта Нырова. Это был первый поход лодки после Таллиннского перехода.

14 ноября 1941 года при переходе на Ханко подорвалась на mine и погибла подводная лодка «М-98» капитан-лейтенанта Беззубикова.

15 июня 1942 года у острова Гогланд на mine погибла подводная лодка «М-95» капитан-лейтенанта Федорова.

27 октября 1942 года торпедой с финской подводной лодки «Ику-Турсо» была потоплена в районе острова Уте возвращающаяся из боевого похода подводная лодка «Щ-308» капитан-лейтенанта Маркелова.

В ночь с 6 на 7 января 1945 года немецкий миноносец «Т-33» таранил и потопил в Данцигской бухте подводную лодку «С-4» капитан-лейтенанта Абросимова.

Подводная лодка «Лембит», которой позднее командовал капитан-лейтенант Матияевич, была сохранена в Таллинне как корабль-памятник (ныне Эстонского флота). Капитан 1-го ранга в отставке Матияевич, автор интересных мемуаров, умер в 1994 году.

Пережили войну подводные лодки «М-79» и «М-102» и были разобраны вскоре после войны.

Наибольшей военной славы достигла подводная лодка «Щ-307» капитан-лейтенанта Петрова. В дополнение к потопленной еще 10 августа 1941 года немецкой подводной лодки «U-144» «Щ-307», в ходе войны потопила пять транспортов и один танкер противника. 6 марта 1945 года лодка стала Краснознаменной. При разборке лодки в Кронштадте в 1960 году с нее была снята рубка и установлена в качестве мемориала (вместе с рубкой подводной лодки «Л-3») у штаба бригады подводных лодок в Либаве. После распада СССР эти мемориалы были перевезены в Кронштадт.

Коротка оказалась жизнь и тральщика «Патрон» (Т-203), который возил авиабомбы на остров Эзель и столь активно участвовал в Таллиннском переходе. 25 октября 1941 года он погиб, подорвавшись на mine.

Но его доблестный командир старший лейтенант Ефимов уцелел в войне и недавно ушел из жизни, будучи капитаном 1-го ранга в отставке.

Но что символично, уцелел в войне тральщик «Шпиль» (Т-207), шедший впереди всех в Таллиннском переходе. Он находился в строю до 1956 года. Пережил войну и его командир старший лейтенант Дебелов, ныне тоже уже, к сожалению, ушедший из жизни.

Из оставшихся тральщиков, принимавших участие в прорыве, наиболее известны «Гафель» и «Гак». Первый — своими военными достижениями, второй — своей необычной судьбой.

«Гафель» только за первые шесть месяцев войны совершил 70 боевых походов, пройдя 11 670 миль, вытралив 30 мин. При эвакуации Ханко он перевез 2815 человек (из них 1040 было снято с погибающих кораблей и судов). 3 апреля 1942 года получил гвардейское звание.

«Гак» известен тем, что три раза подрывался на минах, тонул, но неизменно возвращался в строй, служа в составе флота до 1961 года.

Что касается главного объекта Таллиннского перехода крейсера «Киров», на спасение которого были привлечены основные силы флота и половина имеющихся в наличии тральщиков, то его судьба общеизвестна. Всю войну «Киров», как впрочем и все остальные крупные корабли КБФ, простоял в Неве, притыкаясь то к правому берегу, то к левому, иногда выше, иногда ниже моста Лейтенанта Шмидта.

Корабль использовался в режиме плавбатарей. В апреле 1942 года «Киров» был тяжело поврежден авиацией противника (погибло более семидесяти человек). В конце войны прошел капремонт, после которого первый раз вышел в море и подорвался на mine.

Пока происходили все эти события, неугомонный комиссар Лебедев состряпал дело «О попытке сдать крейсер «Киров» в руки немцев». По этому делу были арестованы в декабре 1941 года военком «Кирова» капитан 3-го ранга Столяров и редактор корабельной многотиражки Абрамович-Блэк. Видимо, подоплекой дела послужило то, что оба осмелились вслух протестовать против намерения командования взорвать крейсер и убеждали себя и других, что можно совершить попытку прорыва в Швецию. В результате Абрамович-Блэк был расстрелян, а Столяров освобожден. Заросший бородой он появился у трапа «Кирова» весной 1942 года.

Новый военком крейсера капитан 3-го ранга Воспитанный приказал не пускать Столярова на борт. Столяров упросил, чтобы его пустили на корабль постричься и побриться. Это ему было позволено, после чего бывший комиссар был направлен в распоряжение Управления кадров ВМФ в Москве. Там его повстречал военный корреспондент Рудный, записавший в своем дневнике: «В гостинице встретил Володю Столярова, облысевшего и исхудавшего до неузнаваемости. Рассказывает: «Сидел пятьдесят шесть дней на арестантском пайке. Реабилитирован. От обязанностей военкома крейсера «Киров» освобожден. За что пострадал? За Абрамовича-Блэка. Пи-

сатель делал крейсерскую газету. В ноябре запил, дезертировал, был обнаружен и отдан под трибунал. Выгораживая себя, топил меня. Сочинял невероятное, вплоть до того, что будто бы я готовился сдать корабль немцам. Началось следствие. Правда восторжествовала. Абрамовича нет. Я буду воевать.»

Как и с кем собирался воевать бывший комиссар крейсера «Киров» — неизвестно, но сразу после войны он был уволен в запас и некоторое время работал в охране Военно-морского музея.

Исчезновение столь крупного писателя, каким был Сергей Абрамович-Блэк, не могло остаться незамеченным. На это обратили внимание не только его многочисленные поклонники и ученики, но и иностранные корреспонденты, находившиеся во время блокады в Ленинграде.

Сразу же был запущен слух, что Абрамович-Блэк — немецкий шпион и поклонник Гитлера. Полуофициально эти слухи подтвердил один из учеников погибшего писателя Всеволод Вишневский, которому именно Абрамович-Блэк дал путевку в литературу; 24 июля 1942 года Вишневский заявил: «Небезызвестный Блэк часто после обеда вел разговоры, открыто защищая фашистскую концепцию... Он был списан с корабля и отдан под трибунал... Откуда берутся такие типы?» Убежденно заявив, что Абрамович-Блэк тайно надеялся на победу Гитлера, Вишневский зловеще предупредил остальных писателей, что знает всех, кто разделял убеждения расстрелянного мариниста. После смерти Сталина Абрамович-Блэк был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Судьба командира «Кирова» капитана 2-го ранга Сухорукова тоже не совсем понятна. Его имя одно время так упорно замалчивалось, что возникали подозрения: и до него добралась железная чекистская рука дивизионного комиссара Лебедева. В источниках говорилось, что «Кировым» чуть ли не с самого начала войны командовал капитан 2-го ранга Солоухин, а в одном

справочнике указывалось, что в Таллиннском переходе крейсером лично командовал контр-адмирал Дрозд.

Все это настораживало. Тем более, что в «Списке командного состава ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны» отмечалось, что капитан 2-го ранга Сухоруков командовал «Кировым» лишь до декабря 1941 года, т.е. до времени ареста Столярова и Блэка. Невольно рождалась мысль — не разделил ли капитан 2-го ранга Сухоруков судьбу своих офицеров? Некоторые ветераны уверяли, что так оно и было, добавляя при этом, что бывший командир «Кирова» умер в тюрьме. К счастью, это оказалось не так. Что было с командиром, когда были арестованы его комиссар и редактор многотиражки, выяснить не удалось, но зато достоверно стало известно, что Сухоруков, сдав «Киров» капитану 2-го ранга Солоухину, сам был назначен командиром отряда вновь строящихся кораблей Балтийского флота. На этой должности он пребывал до 13 июня 1944 года, когда был назначен командиром уцелевшей половины линкора «Марат», переименованного в то время в «Петропавловск».

В мае 1945 года капитан 1-го ранга Сухоруков был назначен помощником начальника штаба КБФ, а в июне 1947 года — начальником командного факультета ВСКОС. Представлялся к адмиральскому званию, но был вычеркнут из списков лично адмиралом Кузнецовым, однокашником Сухорукова по училищу. Главком при этом сказал: «Нет, Максима не пропущу». Если так сказал Кузнецов, значит была на это какая-то причина, нам пока неизвестная. Без причины не отстранят от командования и корабельной службы одного из наиболее опытных командиров на флоте, заслужившего еще до войны орден Ленина и два ордена Боевого Красного Знамени, чье высочайшее боевое мастерство спасло крейсер «Киров» при выходе из Моонзундской ловушки, во время двухмесячных бомбежек и обстрелов на Таллиннском рейде и в Таллиннском переходе. В 1955 году Сухоруков был уволен по болезни в отставку. Умер в 1959 году.

Редеют ряды ветеранов флота, в том числе и ветеранов крейсера «Киров». Из офицеров крейсера, участвовавших в Таллинском переходе, на сегодняшний день жив, пожалуй, один лейтенант Александровский. Дай ему Бог крепкого здоровья!

Жив и командир «Аметиста» Александр Сукач, ныне капитан 1-го ранга в отставке. Для самого «Аметиста» Таллинский переход стал последним. Дойдя до Кронштадта, больше сторожевик в море не выходил и сразу после войны был разобран.

Не менее драматическая судьба была и у уцелевших моряков торгового флота. 5 сентября второй помощник Леонид Загорулько привел обгоревший и разбитый «Казахстан» в Кронштадт, имея на борту около сотни тяжело раненых, которых никак нельзя было сгрузить на острове Вандло. Капитан Калитаев, доставленный в Кронштадт подводной лодкой «Щ-322», несколько дней вообще ничего не знал о судьбе своего судна. Ходили разные слухи, в том числе, что «Казахстан» затонул. Когда же выяснилось, что из двадцати девяти крупных транспортов, участвовавших в Таллинском переходе, уцелел один «Казахстан», немедленно началось следствие, каким образом капитан Калитаев оказался в Кронштадте на неделю раньше собственного судна? Попутно выяснилось, что впереди «Казахстана» прибыли в Ленинград старший штурман Александров, помполит Желтов и военный комендант Шумаков. Все четверо были обвинены в трусости и дезертирстве, арестованы и отданы под трибунал.

Тщетно капитан Калитаев пытался доказать судьям, что его сбросило с мостика взрывом бомбы, несмотря на то, что медицинская экспертиза подтвердила факт его тяжелой контузии. Калитаев вместе с остальными был приговорен к расстрелу и казнен. Позднее его, правда, реабилитировали и посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени.

Леонид Загорулько и оставшиеся на борту члены

экипажа, «дотащившие» «Казахстан» до Ленинграда, были награждены боевыми орденами и даже отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего.

И все-таки «Казахстан» не ушел от своей судьбы, погубив при этом еще одного своего капитана. В 1949 году переведенный на Север «Казахстан» столкнулся с большой льдиной в море Лаптевых и затонул. Его капитан А.Треймут получил 10 лет лагерей, где и умер.

5 сентября в госпитале на Гогланде скончался от ран капитан теплохода «Иван Папанин» Александр Петрович Смирнов.

Умер от ран и капитан транспорта «Тобол» Борис Виноградов.

Капитан «Кронвалдса» Артур Эмсинь также, как и Калитаев, выброшенный взрывом за борт, был затем направлен на фронт, пережил войну и умер в 1984 году в Риге.

Тяжело раненный капитан «Калпакса» Эрнс-Эдуард Вейнсбергс был спасен и после излечения направлен на фронт, где и погиб. Спасенные: радиотелеграфист Янис Эрликис, повар Лина-Эмилия Апинис, кочегар Карл Петерлевикс и матрос Игорь Войчеховский после прибытия в Ленинград были арестованы. Дальнейшая их судьба неизвестна. Второй штурман Лео Шверст также был отправлен на фронт, пережил войну и до недавнего времени жил в Петербурге.

Капитан «Кришьяниса Вальдемарса» Петер Мауритис с кучкой других спасшихся с ледокола моряков был отправлен на Балхаш.

Доблестная Анна Щетинина сразу же после перехода была направлена на Дальний Восток, где работала капитаном до пенсии. Старший механик «Сауле» Рудо Касе умер во время блокады, а 3-й штурман Борис Щербинин погиб на фронте.

Капитан «Аусмы» Рудольф Кунгсберг был отправлен на Каспий, где плавал на буксире «А.Кольцов», обслуживающем Гурьевский рейд. После войны работал в рыболовном флоте.

Капитан «Балхаша» Александр Демидов, спасенный после гибели транспорта, вскоре был направлен на Дальний Восток, где вступил в командование пароходом «Перекоп». 18 декабря 1941 года «Перекоп» был потоплен японской авиацией в юго-западной части Тихого океана. Капитан Демидов вместе с уцелевшей частью своего экипажа добрался на шлюпках до острова Натуна, принадлежащего голландцам. Вскоре остров был оккупирован японцами, которые только в июле 1943-го года передали моряков советскому консулу в Шанхае.

Капитан «Второй пятилетки» Николай Лукин, пережив самую тяжелую блокадную зиму, был эвакуирован в Астрахань, где работал капитаном-наставником. В конце войны Лукин стал начальником Выборгского морского порта.

Спасшиеся моряки парохода «Скрунда» во главе с капитаном Остапенко были отправлены на Балхаш.

Доблестный доктор Коровин пережил войну, став позднее крупнейшим авторитетом по борьбе с mosquito-лихорадкой.

Саму «Скрунду» немцы сняли с мели и ввели в строй. 3 ноября 1941 года судно, плавающее под немецким флагом, было потоплено советской подводной лодкой «Щ-307».

Почти во всех источниках, как отечественных, так и иностранных, транспорт «Казахстан» считается единственным уцелевшим из крупных транспортов в Таллинском переходе. Но это не так. Почему-то совершенно забыт пароход «Эверанна», принадлежавший Латвийскому морскому пароходству. Пароход хотя и был много старше «Казахстана», мало уступал ему во вместимости — 2880 БрТ. Под командованием капитана Воробьева «Эверанна» без потерь и повреждений дошла до Ленинграда, а затем под командованием того же Воробьева обслуживала линию Ленинград-Ораниенбаум.

Кто воевал под Ленинградом, тот знает, какое значение имела эта линия. Но об «Эверанне» молчат. Может быть потому, что еще в июле 1941 года в Ленинграде

был арестован и расстрелян ее латвийский капитан Роберт Купеш почти со всем комсоставом?

И, наконец, о руководителях перехода.

Вице-адмирал Дрозд трагически погиб в январе 1943 года в возрасте 37 лет.

Вице-адмирал Ралль умер в 1948 году в возрасте 58 лет.

Вице-адмирал Смирнов умер в 1973 году в возрасте 72 лет.

Адмирал Трибуц умер в 1977 году в возрасте 77 лет.

Адмирал Пантелеев умер в 1983 году в возрасте 82-х лет.

Командир X корпуса генерал Николаев умер от сердечного приступа на фронте в марте 1944 года, командуя 70-й армией. Случай сам по себе очень редкий.

Что касается дивизионного комиссара Лебедева, то он, как положено бойцу невидимого фронта, исчез, не оставив следов.

Без следа исчезли и тысячи погибших в Таллиннском переходе, числясь до сих пор пропавшими без вести со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Никто не помнит их имен. Они свалены на дно Финского залива как в одну братскую могилу, бесследно растворившись среди 26 миллионов погибших в этой страшной войне.

И я посвящаю свой труд всем погибшим, уже умершим и еще живым участникам этого страшного перехода, которому суждено было стать самой кровавой катастрофой в истории Отечественного флота.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1996 году исполняется 55 лет с той поры, как корабли и транспорты Балтийского флота пошли на прорыв из Таллинна в Кронштадт.

О Таллиннском переходе написано очень мало. Научные статьи, тон которым задал капитан 1-го ранга Ачкасов, тиражируются почти без изменений и дополнений уже в течение сорока лет. В мемуарах, которые оставили адмиралы Трибуц и Пантелеев, царит невероятная путаница, видимо созданная специально, чтобы никто не мог использовать эти мемуары в качестве источника. В «Таллиннский дневниках» и «Бессменной вахте» талантливого мариниста Николая Михайловского, а также в сборнике «Таллинн в огне» содержится много частных подробностей, но все они, к сожалению, направлены на то, чтобы доказать несомненный успех Таллиннского перехода, сорвавшего все планы противника.

Не претендуя на научность и всеобъемлемость, мы сделали первую попытку показать масштабность этой трагедии, произошедшей на фоне подвига десятков тысяч людей.

Какие бы ошибки не совершало командование КБФ, Таллинн стал тем местом, где впервые был остановлен стремительно катящийся на восток сокрушающий вал немецкого наступления. Наткнувшись на организованное сопротивление, противник протоптался у Таллинна без малого два месяца. Затем в невероятно тяжелых условиях, в течение всего пары суток, удалось погрузить на транспорты огромное количество людей и грузов и организованно покинуть Таллиннский рейд.

И сам переход, несмотря на его трагические результаты, является примером ярких подвигов и самопожертвования моряков военного и торгового флота, сведенных военной необходимостью в единую боевую организацию.

Тем не менее, несмотря на обилие медалей «За оборону...», медали за оборону Таллинна не существует. Не существует и памятной медали о Таллиннском переходе. Не существует даже общего символического памятника погибшим в этой катастрофе.

Последнее время много говорится о восстановлении храма «Спас на Водах», поставленного в 1911 году в память о Цусимском сражении. Если храм будут восстанавливать, то нужно сделать его общим памятником Цусимы и Таллиннского перехода, объединив, таким образом, память о людях и кораблях, погибших в двух наиболее крупных катастрофах, обрушившихся на наш флот в XX-м столетии.

Трагические события в Финском заливе, произошедшие 28–29 августа 1941 года, явились следствием интриг Кремля и Смольного, бездарности высшего командования армии и провокационной деятельности органов НКВД на Балтийском флоте.

